Всеслав Соло

Эпопея

Астральное Тело

60

Император, или По следам Созерцателя

Всеслав Соло

Астральное Тело

Эпопея

Император, или По следам Созерцателя

роман IV

«Победитель Мира»
Москва, 2012 год

Огонь без дыма

Я сочинял свой первый роман «Скоморох, или Начало Магии» и даже не задумывался ни о чем другом значимом более, чем я был развит на тот момент сам, когда назвал главного героя Сергей Истина. Я предполагал только то, что он достигнет, по пути развития линий сюжета романа некой главной Истины Мироздания и не более того. Так и писал...

Прошло некоторое время, было заполночь. Я был весь погружен в работу. Реальность была растворена, как сахар в стакане воды, и я попивал ее неторопливыми глотками, даже не пытаясь различать в ней отдельные формы. Я лепил из этого растворенного состояния новые объекты моего развития и понимания. Неожиданно приходит смс сообщение от моего соученика. Он пишет: "Христос Воскрес!"... С уважением машинально отвечаю: "Спасибо! Во Истину Воскрес!". И вдруг меня подхватывает молниеносный вывод! Обнаруживается просторная, всеобъемлющая ассоциация. Она возникает так, будто кто-то за моей спиной, с дружелюбной улыбкой, похлопал меня по плечу и сказал: «Пора понять". "Во Истину Воскрес..." – проговорил я полушепотом, – "Боже мой!.. Во Истину». Я был сильно уставшим. Но, на какое-то, поощрительное мгновение я почувствовал совпадение моих интересов жизни с интересами жизни Христа. Этого было достаточно, чтобы весь груз напряженного работой дня растворился в никуда. И тут, я оказался огнем без дыма усталости. Мне стало легко, Я понял, что я всегда с Богом на одной дороге.

Мне вспомнилось мое стихотворение, которое я написал очень давно:

Я иду разведанной дорогою,
Подвожу я первый свой итог.
Знаю, за небесными порогами
Одинок на свете я и Бог.

О РОМАНЕ

Я пытался написать этот роман еще 15 лет назад. Сделал кое-какие наброски страниц на 320 и отложил работу над этим произведением до лучших времен. Не шло. Не получалось то, что нужно. Чувствовал, что должно быть что-то другое, но не был к этому готов.

Летом 2012 года я решил вспомнить в себе писателя. Стал перерабатывать эту книгу, переписал почти что все заново, и к 11 сентября она была наполовину готова. Но неожиданно, словно во сне, я стер у себя в компьютере все уже изложенное за два с половиной месяца, внезапно записал поверх нового файла старый. Случайностей, конечно, не бывает.

С 15 сентября и по 21 ноября я написал весь роман практически заново, и он получился другим. Удивительно, но, пока я его создавал, вокруг меня происходили странные и даже фантастические события, которые я тут же, незамедлительно описывал в главах. Книга получилась живая. Я с трудом различаю реальность и ее художественную форму. Они переплелись. Все, что написано в романе, только чистая правда.

Читатель! Не волнуйтесь если не знаете предыдущих романов этой эпопеи. Достаточно ознакомиться с их кратким содержанием и вы сможете прочесть эту книгу как отдельное произведение. Я уверен, после изучения романа у вас в жизни начнутся чудеса.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ ПЕРВЫХ ТРЕХ РОМАНОВ

Главный герой романов этой эпопеи, Сергей Александрович Истина, по призванию поэт – в немалом смысле копия меня самого, а во многих сюжетах и главах даже абсолютный я.

Сергей работал директором кинотеатра Лесного поселка в городе Р... . Однажды ему приснился вещий сон, в котором он увиделся со своим другом детства, пришедшим к нему по радуге прямо с кладбища. Тот показал ему, как они живут, и там неожиданно Истина познакомился с девушкой Наташей. Сон закончился. Но на следующий день Сергей встретил Наташу в реальной жизни. Он сильно полюбил ее, но предчувствовал, что она должна умереть, потому что он видел ее среди мертвецов во сне, так и случилось. Истина не сдавался. Думал, как вернуть свою любовь, фантазировал и строил ситуации. В его воображении он все-таки оказался близок с Наташей, и она родила ему дочь.

Параллельно в кинотеатре, где он работал, Сергей узнает, что, некоторые его сотрудники являются членами астральной шайки, которой руководит некий загадочный тип Остап Моисеевич.

В это же время Истина подружился с Аней Олейниковой, она знакомит его со своим учителем, Сашей Корщиковым, который предоставляет Сергею возможность освоить мудрости Священной Книги Тота, самой древней книги на Земле. Позже возникает еще один наставник Иван. Он помогает Сергею научиться выходить в Астрал.

Среди приспешников Остапа Моисеевича, Магистра, как он сам себя называл, была ведьма Екатерина Васильевна, с нею Сергей дружит на протяжении всех романов.

Также у Сергея есть еще один друг, вместе с которым он поступал в Литературный институт, – Юрий Божив. Есть и близкая подруга, Вика, с нею у него роман. Вику когда-то изнасиловал наркоман, и она родила дочь Оксанку. Сергей и Вика – соседи, живут в одном доме и в одном подъезде.

Ускоренно развиваясь, Истина понимает, что Вика ему начинает мешать полноценно познавать мир, и он прекращает с ней отношения. Юрию Бочкиву Вика нравится, и он желает жениться на ней.

Астральная шайка издевается над Истиной. Он пытается подсмотреть за ее действиями из Астрала, чтобы как-то противостоять ее злодеяниям. Но шайка его обнаруживает и энергетически блокирует

в Астрале. Так Сергей остается в тонком мире, а его земное тело впадает в длительную летаргию. Оттуда он видит, как к нему домой, с его ребенком на руках, приходит Наташа, называется его женой и начинает как ни в чем не бывало жить вместе с его мамой. Истина не понимает, что произошло. Находясь в астральном заточении, он ищет пути для встречи с девушкой. Так, он входит в физическое тело некоего кооператорщика Гриши и все же посещает Наташу. Но вдруг, непредвиденно, астральное тело кооператорщика исчезает в пространстве космоса. Сергей не знает, что делать с его физическим телом. Без души оно может погибнуть. Выйти из положения помогают другие обстоятельства.

Над подростком Людой надругался тренер по гимнастике. Испытвая шок, девочка спонтанно меняется физическими телами с человеком, пребывающим в заключении и приговоренным к смертной казни. Какое-то время Купсику, члену астральной шайки, нравится воровать астральное тело Люды из тюрьмы и наслаждаться им. Сергей об этом знает.

И вот, когда исчезло астральное тело кооператорщика, в это же время казнили зека. События взаимовыгодно переплелись. Чтобы не погибло астральное тело Люды и земное тело кооператорщика, Сергей переселяет душу подростка в предметное тело Гриши. Но позже, по воле судьбы, как изгнанный член астральной шайки в это же тело попадает и Купсик, который скрывает кооператорщика в психиатрической клинике и там, продолжает измываться над подростком.

Юрий Божив некторое время работает вместо Сергея директором кинотеатра. Он женится на Вике, и у них рождается сын. Вскоре Вика и Юра, прячась от преследований астральной шайки, уезжают жить в Подмосковье.

За время пребывания в летаргии Истина многому обучается, познает божественные законы, совершенствует свои навыки управления сознанием. Он попадает на некую Планету, которая впоследствии оказывается Основой Мироздания. На Планете он встречает девушку Лару, она ему нравится.

Первый состав астральной шайки разваливается. Остап переезжает жить в Москву и там широко разворачивает свою невежественную деятельность, организует новую астральную шайку. Ведьма Екатерина Васильевна тоже перебирается в столицу и открывает свой магический центр, она больше не общается с Магистром.

В конце третьего романа Сергей вернулся из летаргии. В четвертом романе «Император, или По следам Созерцателя» Истина активно живет и действует в реальном мире на Земле.

Часть I. Первые впечатления

В чём суть Первичного?

Я вернулся в свое физическое тело из длительного астрального заточения. Прошло три месяца. Лечебные прогулки и разнообразие восстановительных упражнений остались позади. Сегодня захотелось просто пройтись, как я делал это неоднократно ранее, до летаргии.

В белой майке с короткими рукавами, в светлых джинсах и разноцветных кроссовках я вышел из квартиры, быстро спустился по лестничной клетке на первый этаж, оказавшись во дворе, остановился под проливной жарой и осмотрелся. Редкие, сосредоточенные на чем-то прохожие в кепочках и панамках. Некоторые, перебежками от тени к тени, будто вслушиваясь в свои шаги, казалось, только делают вид, что не замечают меня.

Неожиданно я ощутил некий толчок в чувствах и решительно зашагал.

Вскоре я сидел в своем бывшем директорском кабинете кинотеатра Лесного поселка на стуле, который подобрал в фойе и установил здесь. Одна из ножек у стула была надломлена, приходилось удерживать равновесие. Справа от меня зияло знакомое окно, уже без решетки, с несколькими крупными лезвиями стекол. Я прислушивался к возможному треску в полускелете сырого и холодного стула и озирался вокруг.

Стола в кабинете не было, вообще больше ничего не было, кроме меня и стула. Бумажный хлам на полу вперемешку с развороченным паркетом, ворохи взъерошенных бумаг. В некоторых местах стены проломлены насквозь. Вместо люстры дыра. Брошенное, разграбленное до основания здание, потухший очаг

культуры, издержки развития общества. С улицы тянуло свежим капитализмом, коммунистов больше не было.

Тут-то я вдруг и заметил, что снова заговорил в себе. Как и всегда, вначале задал вопрос, какой попался под настроение:

«Что первично на свете? Тот кабинет, в котором я некогда работал, или этот, разрушенный? Первично всегда последнее, настоящее? То есть этот вот кабинет, он реален, и от него простираются просторы моего прошлого и будущего? Значит, все производно сейчас от него. Почему я сказал «сейчас»? А-а. Потому, что «сейчас» – это точка отсчета. Значит, первично всегда то, что является ею?

К примеру, люди считают свой день рождения точкой отсчета, вся их жизнь нанизывается на нее. Это как детский турик из колесиков, которые к верху пирамидки уменьшаются в диаметре, чтобы та не упала. Каждое колесико как потенциал физических и умственных способностей человека на один год его жизни. Чем он взрослее, тем менее умен и физичен. С каждым годом приходится к верху уменьшать колесики в диаметре. В конце концов, наступают маразм и полное одряхление.

А сумей исчислять свою жизнь, ее рождение, скажем, прямо с этого, не с того, который был когда-то, а именно с этого вот кабинета, в котором сейчас нахожусь и пирамидка начнет строиться заново. Продолжительность жизни в голове? Нужно научиться ворвремя смещать точку отсчета? А почему бы и нет».

Вдруг внутренние размышления остановились. Я прислушался к тишине растерзанных кинотеатровских помещений. Мне показалось, я в них сейчас не один. В чувствах я принялся пристально ощупывать невидимое из кабинета пространство малого фойе. Так мы строим, чего бы могло и не быть.

– Кто там? – негромко спросил я.

– Эт... мы, Сергей Александрович, – ответил мне откровенно знакомый голос.

Я безшумно встрепенулся на стуле.

Раздался тяжеловесный хруст и треск нескольких шагов, и... в следующее мгновение в обездверенном

проеме входа в кабинет объявилась крупная фигура милиционера. Это был Дубинин, участковый инспектор. Ничего не говоря, он грузно прошагал мимо меня и уселся на подоконник.

– Здравствуйте, Сергей Александрович, – сказал он.

– Добрый день, – грустно отозвался я.

– Решили возобновить работу? – пошутил участковый.

– Скорее, воспоминания, – неохотно ответил я.

Милиционер, я это заметил, исподтишка глянул в окно и на секунду отчетливо сплющил свои губы и приопустил брови, будто кому-то подал знак.

Я тут же встал со стула, и тот отпал в сторону. Дубинин сосредоточенно покосился на него а я тем временем подошел к окну и незаметно для него успел увидеть на улице сгорбатившуюся старушку. Она поняла, что я ее засек, и согнулась еще сильнее, так, будто я прихлопнул ее по спине взглядом. Я узнал её. Марина Ивановна, бывшая уборщица моего кинотеатра, любительница художественной самодеятельности. Теперь я окончательно осознал, она всегда являлась внештатным ухом и глазом участкового. Видимо, и сегодня, проследила за мной и сообщила ему. Но я даже не разозлился на Марину Ивановну. Наоборот, мне захотелось увидеть её поближе и поговорить с ней.

– Здесь, пока вы болели, работал в директорах ваш друг, Юрий Божив, – снова заговорил милиционер. – Не запамятовали еще такого?

– Друга забыть нельзя, – задумчиво произнес я, – его можно только потерять.

Участковый слез с подоконника, размашисто, громадными ладонями, отряхнул свои штаны от пыли и молча ушел. Я постоял пару минут, собираясь с мыслями, и подумал: «Вот с этого и начну все заново».

Закономерная случайность

Я по-прежнему находился у себя в кабинете. Внезапно на улице, прямо под окном, проскрежетала какая-то машина и резко остановилась. Скрипнули тормоза.

В первое мгновение мне подумалось, что вернулся Дубинин, но теперь уже не один, а с нарядом сослуживцев, и что это связано как-то со мной. Я немного заволновался. Меня не устраивала такая перспектива. У меня были другие планы даже на сегодняшний вечер.

Я выглянул в окно и действительно увидел автомобиль, но не милицейского происхождения. Это был «Мерседес» новой модели, черного цвета, и за рулем сидел молодой паренек, который беспорядочно осматривался по сторонам.

Я мог бы просто взять и уйти из кинотеатра. Но я твердо знал, что ничего на этом свете не бывает просто так. Обязательно всё взаимосвязано друг с другом. Важно правильно распознать в каждом случае жизни верное следующее, очередное действие.

Часто мы поступаем иначе, чем следовало бы, и тем самым нарушаем закономерное течение нашей судьбы. Не найдя оправдания для своего ухода, аккуратно удерживая голову в проеме среди стеклянных лезвий, чтобы не пораниться, я решил обнаружить себя и окликнул молодого человека:

– Всё в порядке?

Дверное стекло со стороны шофера было опущено, потому паренек тут же отреагировал на мой голос, приоткрыл дверь, отыскал взглядом мою голову в окне.

– Всё в порядке? – повторил я вопрос.

Молодой человек пожал плечами, на секунду глянул под руль, протянул туда руку и отключил мотор.

– Что? – тут же он обратился ко мне.

– Я говорю: «Все в порядке у вас?» – опять спросил я.

– А вы директор? – нервозно оглянувшись в заднее стекло, поинтересовался и он.

– Вообще-то, да. Вы весьма догадливы, неужели знали? – удивился я.

– Вычислил. Вы не похожи на человека, который прячется от кого-то, потому что заговорили со мной. Одеты прилично, значит, не из сами понимает кого. Остается одно – бывший работник, – пояснил молодой человек.

– Но почему же все-таки именно директор? – не унимался я.

– Просто угадал, – парень почесал затылок. – Интуиция!

– Вашей сообразительности многие могут позавидовать! – похвалил я и в знак солидарности посмотрел туда, куда он так часто оборачивается, отчего парень снова пугливо оглянулся.

– Может быть, и так, – не возражал он и приветливо заявил. – Моя мама все-равно этого не ценит. Она говорит, что я ленивец и должен слушаться ее как можно чаще. Наверное, она права, – он, еще раз оглянулся назад.

– А кто у вас мама? – продолжил я разговор.

– Мама – это мама, – снисходительно ответил парень. – У нее кафе, я и мой брат, да своих проблем куча. Я на нее не обижаюсь.

– Понятно. А что за кафе, если не секрет?

– Да какой секрет! «Под тополем», на набережной, знаете?

– Припоминаю. Есть там что-то крохотное.

– Да, кафе небольшое, но маме оно нравится, – признался парень.

Мне захотелось поддержать разговор, и я спросил:

– Вы от кого-то прячетесь?

– От гаишников, – улыбнулся он.

– Бывает, – подбодрил я.

– Вы меня извините, – молодой человек снова оглянулся назад. – Мне пора ехать. Мама не поверит, что так долго скрывался от полиции.

– Вы сейчас в кафе?

– Да.

– Возьмете меня с собой?

– Без проблем. Идите садитесь, – тут же, не раздумывая, согласился парень.

Через минуту я сидел уже рядом с ним. Мы поехали. Кондиционер был выключен, стекла приспущены. Встречный ветер с легким оттенком свежести, поджидающей этот день вечером, обнаруживал на своем лету открытые окна машины и напористо врывался в салон, потрепывал мое лицо и волосы на голове.

Мы не разговаривали, мчались по холмистой окраине города под шелест автомобильных колес. По правую сторону от меня открывалась широкая степная панорама и щурилось ослепительное солнце. По левую – короткие вспышки солнечных зайчиков рикошетили в нас от оконных стекол проплывающих мимо одноэтажных домиков.

Минут через двадцать мы остановились на последнем светофоре. После него начинался довольно крутой спуск по коротенькой улице, упирающейся прямо в набережное шоссе.

– А вы не простой человек, – неожиданно заявил парень и пристально посмотрел мне в лицо своими черными глазами.

– Все мы не простые, – вначале отмежевался я, но, испытывая некоторое любопытство, все же уточнил. – А почему вы так решили?

– Интуиция, – задумчиво нашелся он.

Посматривая на светофор, парень загадочно сообщил:

– Мама у меня тоже не простая. Мне кажется, что вам будет интересно поговорить с ней.

– Возможно, – непринужденно согласился я.

«Под тополем»

Совсем скоро молодой человек остановил автомобиль возле маленького кафе на набережной. Он припарковал машину у невысокого заборчика, собранного из кружевного металла и покрашенного зеленой краской. За этим символическим ограждением располагалась крохотная площадка. На ней под матерчатыми грибками от солнца стояло несколько столиков, за ними сидели посетители и на фоне веселой музыки юга плавно разговаривали о своем. Чтобы попасть внутрь заведения, надо было пройти через эту площадку.

От реки приятно веяло прохладой, которая, видимо, и расползется по всему городу к вечеру.

Как только мы появились из машины, на площадку выскочила какая-то женщина, невысокого роста, крепкого телосложения, молодо подвижная, с каштановыми, коротко подстриженными волосами на голове. На ней была одета плотно облегающая тело юбка темно-синего цвета и белая кофта с короткими рукавами и кружевным жабо на груди. Почему-то я обратил внимание на ее миниатюрную обувь. Мне стало приятно. Такое бывает, когда сама форма ноги, особенно в ступне, несмотря ни на какой возраст женщины, трудно объяснить почему, вызывает порыв сексуального влечения у мужчины. Это прибавило во мне желания пройти в кафе.

– Максим! – отчаянно прикрикнула женщина на моего спутника. – Ты что же, обалдел что ли?!

– Ну, мам, – улыбчиво и нежно отозвался тот, вначале развел руки в стороны, а потом, демонстративно отгораживаясь от публики, приложил к губам ладонь, скрученную трубочкой. – Опять полицейские, ты же понимаешь, – иронично, словно в рупор, сообщил он.

– Не кривляйся! – пригрозила она ему кулаком и огорченно сказала: – Я жду тебя, столько дел накопилось! Давай-ка, быстренько. Некрасиво получается.

Молодой человек перешагнул заборчик и оказался возле мамы. Она что-то спросила обо мне. Это я понял по неловкому, как бы извиняющемуся, короткому взгляду

Максима в мою сторону, за которым тут же последовал и ее внимательный взгляд.

Вежливо обойдя заборчик, я оказался на площадке. Женщина сразу же подошла ко мне и совсем близко, сквозь грохот музыки, прошептала прямо в ухо:

– Хотите поужинать?

Я ответил выразительным кивком головы, потому что не решился так же прошептать ей на ухо.

– Идемте, - приказала она и стремительно зашагала внутрь кафе, увлекая меня за собой. Торопливо следуя за ней, я едва успевал лавировать между столиками. В помещении было многолюдно, повсюду сверкали веселые глаза посетителей. Компаниями кто-то активно кушал, кто-то танцевал, всем было хорошо.

Мы ускользнули в какую-то дверь. Скоро прошагали по небольшому, с низким потолком и довольно обшарпанными стенами, коридорчику и вошли в маленькую комнатку, тоже с низким потолком. Здесь было голо и неуютно. Стены выкрашены синей краской. Ни одного окна.

– Присядьте, - предложила мне хозяйка.

Я направился к маленькому диванчику, но женщина указала мне рукой в сторону невысокого дешевенького стола без скатерти, с серым пластиковым покрытием, стоящего на четырех алюминиевых ножках, за которым находился единственный стул.

Я неторопливо уселся на этот стул и положил руки на стол и поинтересовался.

– Можно мне закурить?

– Нет проблем, я сейчас принесу пепельницу и еще один стул, – скоро проговорила женщина.

Она ушла. Я закурил сигарету. Дым медленно перемещался синими паутинками. С минуту я наблюдал за ним.

Вернулась хозяйка. Поставила обыкновенное чайное блюдце посреди стола в качестве пепельницы. Села на принесенный стул напротив меня. Тоже закурила сигарету. Какое-то время мы оба молчали и пристально посматривали друг на друга.

Я почувствовал себя неловко. Хозяйка уловила мое нарастающее беспокойство и тут же поспешила его упредить.

– Девочки сейчас приготовят нам ужин. Вы не откажетесь покушать жареную картошку в ломтиках и отбивные котлетки с солеными примочками?

– Спасибо, – вежливо отозвался я и пояснил: – Я, вообще-то, не рассчитывал... Выпил бы чашечку горячего кофе, если можно.

– Не утруждайте себя такими пустяками! – азартно проговорила женщина, заерзав на стуле.

И, не отрывая взгляда от меня, стала тщательно сбивать указательным пальцем пепел с сигареты. Делала это дольше положенного. Огонек отвалился в блюдце.

– Черт возьми! – спохватившись, сказала она.

Заново прикурила остаток сигареты и снова начала смотреть на меня.

– О деньгах не может быть и речи – вы у меня в гостях, – заявила она и тем самым будто выставила мое беспокойство за дверь этой комнатки.

Я почувствовал себя спокойнее. Растерянность спала с моего лица. Возникла готовность начать диалог.

– Спасибо, – улыбнувшись, поблагодарил я и тоже позволил себе внимательно посмотреть ей в глаза.

Отчего она снова заерзала на стуле: пару раз глубоко затянулась дымом и взглянула выжидательно на прикрытую дверь в комнатку, через которую, как я предполагал, вот-вот должны были войти ее девочки и принести ужин.

– Сергей Александрович, - представился я и спросил: – А вас как зовут?

В одно касание я потушил сигарету в блюдце, по обыкновению докуренную почти до фильтра.

Но я не оставил окурок лежать в импровизированной пепельнице. Оторвал от фильтра сплющенный огарок табака. Стал поигрывать фильтром, вкрадчиво выстукивая им замысловатые ритмы о поверхность стола. Хозяйка наблюдала мои манипуляции.

– Очень приятно, – наконец, сказала она. – Меня зовут Ольга Васильевна.

Тут дверь в комнатку потихонечку стала открываться, и через несколько мгновений я увидел входящую с подносом в руках одну и тут же вторую молоденькую девушку. На подносах были разные тарелки с пищей: дымилась горячая поджаренная картошка, запахло недавно вскипевшим кофе.

Девушки улыбались, краснели, умиленно, как бы невзначай, поглядывали на меня, но на Ольгу Васильевну, разговаривая с ней, смотрели в упор, выражали покорность и признательность. Постоянно кивали ей головой. Они были сама любезность. Аккуратно и как можно незаметнее, в зависимости от смысла разговора, набросками, подбирали свои улыбки и, останавливаясь на тех, что нравились хозяйке, старательно выказывали изящность и так же, как и улыбки, подбирали изгибы своих тел.

Через наполовину приоткрытую дверь в комнатку тянулась ритмичная музыка. Девушки едва заметно приплясывали на месте, время от времени улавливали радостные такты движениями бедер. Мне это нравилось.

Пару минут, про себя, я подбирал мелодию продолжения разговора с хозяйкой кафе, пока она муштровала девушек.

– Надечка, солнышко, – обращалась она к одной из них, – картошка получилась у тебя за-ме-чательная, правду говорю. Радуюсь. Ровненькие масленые ломтики, и слышу такой запах, честное слово, не хотела есть, но теперь буду.

– Спасибо, Ольга Васильевна, – застенчиво прикрывая глаза, улыбалась в ответ та и, удерживая юбочку за кончики, отвешивала реверансы так, словно получила аттестат по окончанию школы.

Она забавно расслаблялась всем телом и нежилась в этом расслаблении.

– Только, – давала указания хозяйка, – надо было немного мелкопорезанной петрушки положить.

– Я учту, Ольга Васильевна, – тут же рапортовала девушка.

– Что значит учту?! – наигранно сердясь, возмутилась та.

– Ну, ты чего? – одернула свою подругу другая девушка.

– Поняла! – опомнившись, отреагировала та и поспешила исправиться. – Я сейчас, Ольга Васильевна.

Она стала быстро удаляться из комнатки, но хозяйка строго ее окликнула:

– Надя!

– Да! – молниеносно выглянула уже из-за двери девушка на требовательный окрик.

– Смотри мне, очень мелко накроши и бегом сюда, поняла!?

– Будет сделано, Ольга Васильевна! – шустро отозвалась та и тут же исчезла за дверью.

Хозяйка прикрикнула ей вслед так, словно сделала это больше, чтобы я на это обратил внимание:

– Да побыстрее там, не возись!

Она продолжила разговор с другой девушкой. Вскоре Надя принесла на тарелке мелко нарезанную петрушку. Деликатно черпнула чайной ложечкой зеленое крошево и посыпала им картошку в моей тарелке и у Ольги Васильевны.

Хозяйка кафе делала последние распоряжения девушкам, откровенно поглядывая на меня. Ей, как я понимал, почему-то очень хотелось почувствовать себя начальницей, вершительницей судеб именно в моем присутствии. Я одобрительно и со снисходительностью взрослого человека всем своим видом выражал согласие присутствовать на этом спектакле.

Девушки ушли. Расстояние между мною и Ольгой Васильевной украшал свежеприготовленный ужин и, как я догадывался, свежеприготовленный с обоих сторон разговор.

– Сергей Александрович, – придвигая поближе к себе тарелку с горячими жареными ломтиками картофеля, заговорила первой Ольга Васильевна, – вы занимаетесь магией?

– А почему вы так решили? – вежливо спросил я, когда прожевал первую порцию картошки.

– Трудно сказать.., – размеренно ответила та, – может...

– Интуиция! – предположил я и шутливо добавил: – У вас это, как я теперь понимаю, в роду.

– Да. Но плюс воспитание, – она немного отвлеклась. – Стараюсь как можно отчетливее влиять на моего сына. Максим – мальчик, действительно мальчик, – поведала она и немного обидчиво добавила. – Он еще не был с женщиной и не знает, что это такое. Потому мне хочется, чтобы мое влияние на него распространялось как можно глубже в его характере. Пусть приобретает опыт.

– Так всё-таки, – вопросительно напомнил я суть беседы, – интуиция подсказала вам ваш вопрос, ответ на который вы уже практически знали?

– Да, Сергей Александрович, знала, я еще и многое другое знаю.

– Интересно, – сосредоточился я.

– Так уж нас выучили, Сергей Александрович.

– Кто? – непринужденно уточнил я.

– В одном заведении, – уклончиво ответила моя собеседница.

– Понятно, – безразлично ответил я и сделал глоток кофе.

Я не стал спрашивать, где именно училась Ольга Васильевна. От чего она опять заерзала на стуле и, долго не испытывая своего терпения, сказала сама:

– Лет двадцать назад я закончила специальный институт.

– Какой? – выказал я легкое оживление.

– Особый. Нас готовили к секретной работе при правительстве, отдельных личностях и вообще в различных других сферах влияния, – таинственно проинформировала она. – К примеру, однажды я со своей группой выпускников находилась в лаборатории, где шли изыскания нового материла для костюмов космонавтов.

– Да вы ученый человек! – прищурившись, воскликнул я.

– Не-ет. Я сидела в сторонке, и больше ничего.

– Вы просто присутствовали? – увлекся я.

– Да, – тут же подтвердила она.

– Вы хотите сказать, что влияли на ход ученого процесса?

– Именно так, – не возражала Ольга Васильевна.

– То есть, насколько я понял, вы были среди ученых, чтобы те изобрели материал, поверили в это?

– И никак иначе, – согласилась моя собеседница.

– Интересный институт. Но что-то я о таком не слышал.

– О нем мало кто осведомлен.

– Надо полагать, там практически готовят магов? попытался, заострить я тему.

– В какой-то мере вы правы, Сергей Александрович.

Мы замолчали. Некоторое время, не спеша, поедали ужин. Изредка многозначительно переглядывались.

Я точно понимал, что с этой женщиной я не мог не встретиться, предчувствовал, что она еще не сообщила мне самого главного. Я активизировался первым.

– И все-таки, скорее всего, я занимаюсь наукой, нежели магией. Ибо молитв не читаю, живу, как и все. Могу, если придется, извините, выругаться матом, но и о глубоком и высокодуховном поговорить.

– Сергей Александрович, – улыбнулась Ольга Васильевна, – я что-то мало верю в совершенную святость, какой прикрываются многие. Она не является единственной формой совершенства.

– Верно! – поддержал я и высказал свою точку зрения на этот счет. – В чистом виде святости не существует. Это всё придумано для простачков слепыми проповедниками, которые представляют святость как полную гармонию. Но они забывают, что полная гармония – это совершенное равновесие всего, что только есть, а значит, абсолютное отсутствие какого-либо движения вообще.

– Любой предмет, – поддержала меня собеседница, – только и есть, благодаря движению, и вне движения перестает быть.

– Ну, да, – согласился я, – стремление к святости в рамках полной гармонии – ни что иное, как стремление к небытию, осознанное самоубийство.

– Браво, Сергей Александрович! – удивляясь, одобрительно покачала головой хозяйка кафе.

– На самом деле, – продолжил я свою мысль, – мир бесконечно многогранен. В нем даже Бог не свят, иначе

бы его не было. Но Он есть и развивается, и мы совершенствуемся по Его Подобию.

– С вашего позволения, Сергей Александрович, – Ольга Васильевна выдержала паузу, – я сделаю вывод: «Не сотвори себе кумира» сказано от Лица Бога и, прежде всего, о Боге, чтобы люди не брали пример даже с Него.

– Так и есть! – подхватил я. – О какой святости тогда может идти речь, – пожал я плечами.

– Осмысленно и все правильно, – внимательно сказала собеседница и попыталась утвердить еще раз. – Значит, вы занимаетесь магией, Сергей Александрович.

– Наукой. Астрал, логические построения и материализации мыслей, – скромно поправил я.

Она задумалась на пару секунд, пронзительно посмотрела мне в глаза и проговорила:

– Вы – кармчий.

– Скорее, кормчий, – шутливо попытался оправдаться я, не совсем понимая, что она имеет ввиду.

– Нет, Сергей Александрович. Вы именно кармчий, – настоятельно и убедительно подтвердила свое мнение Ольга Васильевна. – Вы строите судьбы, и они воплощаются. Я знаю.

– Откуда? - насторожился я.

Она опустила глаза и промолчала.

– И всё же, почему именно кармчий? – настаивал я.

Моя собеседница снова посмотрела на меня и пояснила:

– Я как-то была на Украине. Там есть местная гадалка, по силе не меньше Ванги.

– И что? – озадачился я, проявляя интерес, и уселся поудобнее.

– О вас, Сергей Александрович, она сказала так: «Я знаю этого хлопца. Он перевернет весь мир, только ему постоянно мешают. Как только он задумает что-то сделать, его тормозят. Все устраивают так, чтобы он отказался действовать. Недоброжелатели добиваются своего, и он уступает. Тогда они присваивают задуманное им. Но он всё равно прорвется».

– Да уж... – немного застенчиво улыбаясь, проговорил я.

– Раньше вас было двое. Одного не стало, – добавила Ольга Васильевна.

– Он жил в Америке? – осторожно предположил я.

– Да, – подтвердила она и договорила, – никто, никак, нигде, никогда и ни в чем больше не сможет мешать вам и останавливать вас. Вы единственный кармчий на Земле, и с этим придется считаться всем. Пришло ваше время – действуйте смело! От сего дня воплощайте в реальность задуманное вами. Я уже вижу, как вы это делаете!

Мы еще долго беседовали с Ольгой Васильевной. Я узнал о ее муже, с которым она разошлась, о любовнике, с которым ей трудно объединиться, и о разном другом.

Возвращение домой

Сын Ольги Васильевны отвозил меня обратно домой. То и дело высвечивали и отслеживали движение нашей машины световые полотна фонарных столбов. Укромно сидя в автомобиле на заднем сидении, я мало говорил с Максимом, а больше предавался своим внутренним размышлениям. Сейчас я определялся в правильности своих позиций к человеку вообще. Размеренно рассуждал:

«Всех людей, относительно себя, лучше воспринимать в зависимости от тех или иных отношений с ними. Надо бы научиться четко различать наполнителей от мимолетных и пунктирных от близких.

Ведь любая путаница в повседневной судьбе происходит чаще не от того, что мы поступаем неправильно, а больше от неумения вовремя и верно различать того или другого человека по характеру его участия в нашей жизни, чтобы потом контактировать с ним соответственно и уже не требовать от вилки, чтобы она стала табуреткой, и наоборот.

Было бы весьма интересно провести целый день, к примеру, только среди людей-наполнителей. Таких вокруг нас бесчисленное множество. Они везде.

На автобусной остановке те, которые случайно глянули на вас или вы на них. В метро, электричке, просто прохожие на улицах. Наполнителя легко узнать. В основном, он проявляет молчаливое внимание к вашей персоне, которое вы заметили. Чем больше положительных эмоций получаешь от наполнителей, тем успешнее живешь. Они, как воздух, который может быть чистым или душным.

Пунктирные люди – это уже иная категория, почва для произрастания идей и реализации всевозможных дел. С ними встречаешься от случая к случаю, по договоренности или по графику. От преобладания положительных взаимностей с пунктирными людьми зависит наше хорошее настроение по жизни, устремленность к чему бы то ни было.

Казалось бы, близкий человек, которого ты практически видишь каждый день, способен больше влиять на тебя, чем пунктирный. Но это не так. Он вызывает лишь временные всплески эмоций или постоянно одни и те же. А значит, ему не остановить ваш какой-то длительный порыв, направление развития и никогда существенно не повлиять на ваш характер, особенно если он уже состоялся ранее. Близкому невозможно увидеть вас издалека, чтобы оценить по-настоящему. Он всего лишь ваше зеркало, в которое вы смотритесь каждый день.

Только мимолетные люди обладают удивительным свойством основательно менять нас в одно касание. Возникают ниоткуда, но всегда вовремя. Приносят информацию, которая зрела, порою, долгие годы, и открывают нам глаза на новые возможности».

Машина резко свернула с дороги и плавно покатилась по моему двору, а я точно понял, что полчаса назад расстался с мимолетным человеком в моей жизни, Ольгой Васильевной, с которой, скорее всего, я больше никогда не встречусь.

Я вышел из автомобиля, попрощался с ее сыном, и он уехал. Надо отдать должное Максиму, он довез меня к самому подъезду.

Теперь я стоял во дворе один на один сам с собой. Мне вовсе не хотелось сразу же войти в подъезд и бегло подняться по лестничной клетке в квартиру.

Густая прохлада впитывалась во все. Во дворе, где было только возможно, стояли тесно припаркованные друг к другу автомобили. Они остывали. Пахло влажной пылью с легкой горчинкой бензина.

Я поднял высоко голову и всмотрелся в космические просторы. Вспомнилось, в одном своем стихотворении я написал о заснеженном небе звездами.

– Что, просматриваешь свое хозяйство? – кто-то окликнул меня со спины.

Машинально я обернулся назад. В пяти шагах от меня стоял, пошатываясь, будто его тело было невероятно тяжелым, сосед, дядя Коля, пьяный уже не один десяток лет. На нем были надеты какие-то бесформенные штаны с вытянутыми галошинами в области коленей, истоптанные босоножки и серая рубашка с закатанными рукавами до локтей.

Когда-то, когда мне было лет двадцать, я серьезно занимался астрономией, сам шлифовал и выводил параболы в зеркалах для телескопов. Этот человек вытачивал на токарном станке у себя на заводе нужные мне детали, и я до сих пор благодарен ему.

Видимо, я затянул паузу для ответа на обращение ко мне Дурнева, такая была фамилия у соседа, и он заговорил сам:

– Ты, – он икотно вдохнул в себя звук «а-а», – не признал меня, что ль?

– Отчего же. Здравствуйте! – вежливо наконец отозвался я.

– Хозяйство, говорю, свое... пересматриваешь? – снова задал вопрос сосед.

– Да, – грустно ответил я и на мгновение еще раз взглянул на звезды.

– Ну, и как? – снова резко втянул в себя звук «а-а» дядя Коля и смачно плюнул возле себя на асфальт.

Потом хотел было растереть плевок ногой, но поднял ее слишком высоко, покачнулся, потерял равновесие и, не сопротивляясь, рухнул в кустарник.

Я быстро помог ему подняться на ноги. Тошнотворный запах дешевого вина, который источали его дыхание и одежда, заставил меня шагнуть в сторону.

- Осторожнее надо бы вам, так и повредить себе что-нибудь можно, – заботливо посоветовал я.

– Я говорю, звезды... твои... еще не растащили, а-ы-ы? – опять спросил он.

– Да, нет. До них еще не добрались, – заговорчески улыбнувшись, ответил я.

– А то.., а-ы, уже все... раста-ы-щили.., осталось... звезды! ххах-ы, – попытался хихикнуть он и пробурчал себе под нос: – Лады... Пойду... к Чебурашке, – так он звал свою жену.

Дядя Коля направился в подъезд, поднимая рывками каждую ногу так, что со стороны это выглядело довольно забавно и смешно, будто он босиком шагал по раскаленной сковородке.

Загадка времени

Этим вечером я вернулся домой другим. Я понял, что приближаюсь к осознанию мира и ни что на всем белом свете больше не сможет остановить меня.

С одной стороны, у меня было праздничное настроение, а с другой – чувствовал, что требуется срочно определить границы конфликта в себе, массу возникшей радости и вывести ее наружу, рассмотреть отдельно от источников возникновения и применить эту энергию по назначению.

Я знал, если вовремя не отделить радость от себя и не материализовать в дела и понимания, то она, породит гордыню, которая способна тратить будущие возможности и свершения только на ошибки и шишки сегодня.

А посему я быстро зашел в свою комнату и присел в кресло, закрыл глаза и сосредоточился. Несколько минут уравновешивался. Сопоставлял, что раньше знал,

с тем, что известно теперь. Остался наедине с разницей. Вошел в ее состояние и открыл глаза.

Неожиданно вспомнилась Наташа.

На меня нахлынули переживания, которые спрашивали: «Сможешь ли ты когда-нибудь встретиться с этой девушкой в реальности?». Я позволил им проявиться в полной мере. Потом лишил их формы и смысла. В теле от них остались просто физические ощущения, и я не понимал, отчего они возникли.

И тут, спонтанно, я встал с кресла, подошел к письменному столу, не задумываясь, открыл небольшой сейф, стоящий на нем, почему-то достал оттуда свой паспорт, разлистнул, обратил внимание на дату рождения, и меня охватил ужас.

Я был уверен, что пробыл в летаргии недолго. Но по паспорту выходило тридцать пять лет! Хотя все люди вокруг меня, и я в том числе, постарели только на три года. «Как же такое могло произойти?» – подумал я.

Отбросив удостоверение личности на стол, я решительно прошагал в комнату к маме и вскоре уже держал в руках ее паспорт. Мне было страшно в него заглянуть, но я это сделал. Дата рождения мамы совершенно соответствовала ее теперешнему обличию.

Дальше все происходило молниеносно. Я достал из кармана зажигалку, вернулся к себе, схватил со стола свой паспорт, беспорядочно скомкал его, удалился в туалет и безжалостно сжег документ. Потом неторопливо вернулся в комнату и снова уселся в кресло. Через минуту успокоился и стал размышлять.

«После летаргии я должен был встретить Наташу. Находясь в Астрале, я так и понимал, что она живет у меня дома вместе с дочерью. Но, когда я спросил об этом у своей мамы, та была весьма удивлена, мол, никогда не знала никакой девушки, а тем более с ребенком. Тогда я сослался на болезненные фантазии и отшутился. Куда же на самом деле делась Наташа? Осталась в тридцатипятилетнем пространстве позади?... Произошел какой-то сбой в моих астральных экспериментах?... С этим обязательно еще разберусь, –

убедил я себя... – Главное сейчас, чтобы при получении нового паспорта дата моего рождения была правильная».

Близкий человек

Вскоре мама вернулась с работы из университета и застала меня задумчиво сидящим в кресле. Она тихо поздоровалась и вежливо присела на диван напротив меня. Я не среагировал, совсем как тогда, в юношестве, когда ехал на велосипеде и видел, что сейчас врежусь в дерево. Реакция всегда состоит из двух частей: из понимания и приказа. Я осознавал, что происходит, но не мог себя заставить увильнуть в сторону от преграды. Потом я пытался имитировать, как бы крутанул руль верно, чтобы столкновение не произошло. Я не поздоровался с мамой вовремя и понимал, что это уже делать поздно.

Она смотрела сейчас на меня и терпеливо ждала взаимности, я это чувствовал, не поднимая глаз, но продолжал молчать. Эта ситуация напомнила мне раннее детство.

Зима. Дети моей группы, построившись в ряд за воспитателем, уходили с прогулки на обед в здание детского сада. В теплой шубе я, словно пингвиненок, ползал на животе по огромной ледяной луже. Надо было бы встать и догнать всех. Но я не сделал этого. Наоборот, еще неистовее вертелся по льду, и во мне нарастало удивительное наслаждение от того, что я ослушался. Я испытывал негу и нестерпимое удовольствие, сравнимое, разве что, с ощущениями первого запретного сексуального вкуса, получаемого от тела противоположного пола.

Теперь я все могу объяснить. Тогда рвались привязки. Я находился на луже, оставаясь наедине с собой и самим собой, становился свободным. Этот случай избавил мое сознание от стадности. Такие моменты в жизни человека запоминаются навсегда и

становятся его силой, управляющим флажком по жизни, чертой характера. Так формируется истинная личность, в данном случае – независимость и неповторимость.

Вот и сейчас, когда я не поздоровался с мамой, во мне стало нарастать знакомое ощущение, по всему телу разливалась знакомая нега. «От чего я избавился? – подумал я. – Видимо, от тактичности, когда ты не в силах её исполнить. Хороши ли будут последствия? Думаю, если не злоупотреблять этим опытом, то все будет нормально».

Наконец, мама не выдержала затянувшегося отсутствия моего внимания к ней, осторожно и негромко проговорила сама:

– Сынок. Тебе нужна женщина.

– Да, – безысходно согласился я и подкивнул ей головой, все еще не поднимая глаз.

– Я понимаю, ты очень сложная натура, Сережа. От Вики отказался. Может, надо кого-то найти? – вкрадчиво спросила она.

– Ты права, – коротко подтвердил я и посмотрел ей в глаза и всем своим взглядом попросил не продолжать эту тему, хотя и справедливую.

Мама меня поняла.

– Ясно, – сказала она. – Проехали, – потом улыбнулась больше для себя и спросила: – А чем ты занимался сегодня? – и тактично прибавила. – Извини, что я об этом спрашиваю.

– Да так, воспоминаниями, – скучно ответил я.

Она секунду подумала и подбодрила:

– Не отчитывайся. Уверена, ты во всем разберешься. – и оживленно сообщила. – Знаешь, мне очень понравилось стихотворение, которое ты написал вчера... – она продекламировала его вслух:

Зрячи мы...
Так получается:
Зеркало слепо в конец...
Зрячий во всем отражается.
Все отражает слепец.

– «Зеркало в зеркале», – сказал я, пересаживаясь с кресла на стул к письменному столу.

– Ты его так назвал? – поинтересовалась мама.

– Да, – непринужденно согласился я.

– Мо-ло-дец! – похлопала она в ладоши.

– Ну, вот и захвалила! – шутливо застеснялся я, как ребенок. – Зазнаюсь, мам, а... что тогда делать будешь со мною?

– Я констатировала факт, – в серьезном тоне оправдалась она. – Удачное название.

– Вот-вот, только название, – игриво съязвил я.

– Неправда, я так не думаю! – запротестовала она и пригрозила мне кулаком.

Я ехидно прищурился в ее сторону.

– Да ну тебя к черту, Сереж! Тебе не угодишь! – возмутилась мама. – Что ты начинаешь! – негромко прикрикнула она, выражая обиду, ее щеки раскраснелись.

Я поднял руки вверх, выказывая, что сдаюсь, и приветливо улыбнулся ей.

– Есть, – исправилась она, – кушать хочешь?

Мама была сейчас заметно на подъеме и налита энергией действия. Ее взбодрил разговор со мной.

– Я уже ужинал, – спокойно ответил я.

– Где это ты успел? – будто допрашивала она, что было для нее не характерно.

– В одном кафе на набережной, – скорчил я умиленную физиономию.

– А что это тебя туда занесло? – заинтересовалась она.

– Просто захотелось, и поехал, – сладостно потянувшись, ответил я.

– Ишь, как, – демонстративно тяжело вздохнула мама и назидательно объявила: – Хорошо. Пойду, поужинаю одна... – и ушла на кухню.

Я почувствовал поэтическое настроение. Интуитивно моя рука потянулась к пачке машинописной бумаги. Я взял один листок, достал из небольшого глиняного горшка стоявшую в нем шариковую ручку и принялся писать новое стихотворение. Через несколько минут, уже готовое, я прочитал его вслух:

Взаимность

Как понимать: ответ есть тень вопроса
Или вопрос всегда есть тень ответа?
Как понимать: тебя что ль видят косо?
Или же косо видишь ты вот это?

«Заготовка под рубаи», – подумал я и отложил листок со стихотворением в сторону. Снова пересел в кресло. Было слышно, как мама сердито позвякивала на кухне столовыми приборами.

Два пунктира

На следующий день я проснулся в довольно скоростном настроении. Задорно умылся. Вышел из ванной спортивно подтянутым. Заварил кофе в кружке, думая, когда же он поспеет, но раньше вскипел домашний телефон, заворожено затрещал на всю квартиру. Я озадачился: «Кто это может быть?». Весело проскочил к себе в комнату и спешно поднял трубку. Настроение у меня было бодрое, словно я ожидал что-то приятное из давно намеченного на сегодня.

– Аллоу! – врастяжку, словно вкушая запах своего произносимого сейчас слова, жизнерадостно сказал я.

В ответ в трубке тяжеловесно прозвучал унылый голос:

– Здоров!

Я его сразу же узнал. Это был Павел Мечетов, некогда мой близкий товарищ, литератор. Но мое настроение не осеклось о корявость его голоса, а продолжало оставаться хорошим.

– А-а! Мечетов! Приветствую тебя, Паш! – в игровом и немного императорском тоне быстро проговорил я.

– Вот пронюхал, что ты уже в норме. Тут же решил тебе позвонить, – ехидно пробурчал литератор.

– А откуда ты узнал? Это же домашняя тайна! – выказывая показную подозрительность, осведомился я.

– Каждый на своем месте. Одни говорят – другие слушают и на ус мотают, а потом действуют, – таинственно хихикнул Мечетов.

– Понятненько, – сказал я и, перейдя на серьезный тон, поинтересовался: – Как поживаешь?

– Да как тебе сказать... – немного замялся он.

– Ты уже, наверное, известный член Союза писателей, кучу книг издал, да?! – снова скатываясь на шутливость, спросил я.

– Ага! На рынке торгую, – подчеркивая, что я правильно догадался, объявил Паша.

– Своими книжками? Ну, ты даешь! Одобряю! – похвалил я.

– Шмотками, – угрюмо ответил мой товарищ так, словно хотел зашвырнуть это слово куда подальше.

– Не понял... – пожал я плечами.

– А что тут понимать, как и все, торгую у себя на «Северном рынке» шмотками, – озлобленно признался он.

– А книги, литература как же? – немного удивился я.

– Жрать хочется! Трое детей и жена – стерва! Какая нахрен литература. Тут хоть бы не сдохнуть или не заболеть какой-нибудь заразой! – огрызнулся Мечетов.

– Жаль, что так. Хотя сейчас времена и в самом деле стервозно опустошенные, – философски посетовал я.

– Бандитские, – оконкретил он.

– Ты прав, Паша. Но надо же побеждать?! – немного бравадно попытался поддержать я.

– Ага! Надо! Я вот подумываю купить автомат и гранаты, – съязвил Мечетов и печально признался. – А если честно, то крохотную книжку стихов я все же издал, правда, за свой счет, тысяча экземпляров и в один печатный лист – потихоньку распространяю по знакомым и так, кто купит.

– Да-а, – выражая сожаление, произнес я и замолчал.

– Я недавно в Москве был, – после непродолжительной паузы заговорил Мечетов.

– Ну, и что? – как-то вяло спросил я, скорее так, чтобы продолжить разговор, нежели с подлинным энтузиазмом.

– Видел Циклопа, – рыгатнул он.

– Кого это? Напомни, – оживился я.

– Да он тебе еще со стихами помогал, все заставлял тебя о рабочем классе писать и о заводах и фабриках, что ты не помнишь? – подсказал Паша.

– А-а! Ну, ну.., вспомнил! И что он? Перебрался жить в Москву? – приготовился я услышать новость.

– Да, уже давно. С женой разошелся: то ли для того, чтобы еще одну квартиру от Союза получить, то ли и в самом деле, не знаю. Хитрый, гад! – нервно высказался литератор.

– Он теперь, наверное, широко издается, в Москве все ж? – предположил я.

– Ага! Не шире брючной ширинки! – подтвердил он и выговорился. – Работает литконсультантом в деградирующей газете и пописывает разные мелочи. Потащил меня с собой. Сказал, мол, книгу надо бы его съездить получить. Я решил помочь. Думал, что там издание какое-нибудь внушительное. А приехали в захолустную типографию, и ему выдали пачку отпечатанных листков – вот и вся его книжка. Бухает во всю. Скоро, наверное, сдохнет от этого. Я еще как дурак таскался по всей Москве с его макулатурой.

– Понятно. Ну, это его проблема. В свое время он, конечно, помог мне с культурой стиха, не буду отрицать. Но зловатый и взбалмошный мужик все же. Завистливый, поэтические строчки запросто подворовывает. Да ну его к лешему! – озвучил я свое мнение.

– Во-во, и я так думаю – больше я его видеть не хочу, – охотно принял мою позицию Паша и намекнул на желание продолжить со мной поэтические встречи. – Слушай, Сергей, ну, ты как-нибудь заезжай ко мне в гости, а?

– Хорошо. Немного вот растусую дела, и обязательно увидимся. Стихи почитаем, – понятливо согласился я.

– Ну, пока! А то мне к лотку на рынок скоро выходить, – заторопился он и добавил. – Жена уже там, с раннего утра торгует, мне после обеда.

– А дети как? – наспех уточнил я.

– А дети по рынку шатаются весь день. Вот так, – усмехнулся он, словно сам над собой.

– Ладно. Пока, Паша. Ты не пропадай, позванивай, – начал прощаться я.

– Обязательно, – пообещал Мечетов и вдруг словно опомнился. – Слушай, ну, как там, Бога не видел?

– Паш? – позвал я литератора.

– А? – откликнулся тот.

– Давай об этом поговорим при встрече, ладно? – многозначительно попросил я.

Мечетов засуетился:

– Конечно, да я и сам сейчас тороплюсь.

– Пока, Паш, – подытожил я и положил трубку на аппарат.

Разговор с Мечетовым, словно клочок ветра, перепачканный запахами улицы, донес до меня сжатый обрывок сегодняшних дней. Настроение у меня хотя и не испортилось, но все же немного как бы подустало.

Несколько минут я стоял у окна и сосредоточенно молчал сам для себя. Это иногда нужно делать и необходимо уметь молчать для себя. Не просто молчать, а молчать именно для себя – разница великая.

Когда молчишь для себя в собственном присутствии и наблюдаешь за тем, как молчишь, действительно отдыхаешь, хорошо видишь свою натуру, характер и понимаешь поступки. После этого легче делать любые выводы и проще принимать решения.

Так, помолчав для себя, я сделал вывод: Паша яркий представитель моего мира пунктирных людей, которые изредка объявляются и приносят определенную информацию. От них требовать больше, чем они есть и дают тебе, никогда не стоит. И что интересно, в любой момент пунктирная линия общения с такими людьми может прерваться навсегда.

Может, от того, чтобы как-то сгладить впечатление от телефонного звонка литератора, а может, потому, чтобы отметить свое наличие на физическом плане, а, скорее всего, и от того, и другого, мне вдруг захотелось позвонить Ивану.

«Решил – действуй, любые раздумья дальше, как говорится, от лукавого!» – промыслил я и тут же легко

и непринужденно набрал номер телефона, который знал наизусть.

– Да, я слушаю Вас! – послышалось в трубке – это был Иван.

Он показался мне каким-то отдаленным и чужим. Создалось впечатление, что тебе на какой-нибудь автобусной остановке ответил случайный прохожий, типа, на вопрос, который час.

На секунду замешкавшись, я отозвался:

– Алло, здравствуй, Иван!

– А кто это говорит? – неохотно спросил он.

– Это я, Сергей, не узнаешь? – назвался я.

– Какой Сергей? – недоумевая, что от него хотят, переспросил Иван.

– Истина, Сергей Истина! – подробнее пояснил я.

– А-а. Что ты хотел? – лениво согласился он меня выслушать.

– Как ты понимаешь, я уже в теле. Мы могли бы встретиться сегодня? – почему-то без каких-либо обиняков, сразу же напрямую проявил я свои намерения.

– Встретиться? – задумался Иван, как бы размышляя в это время о чем-то своем.

– Да, ты можешь? Давай где-нибудь пересечемся, – упорно потребовал я.

– Нет, я сегодня не могу. Занят, – хладнокровно отказал он.

– Ну, тогда... завтра или на днях, как? – настаивал я на своем, уже не совсем понимая, зачем.

– Не уверен, что получится в ближайшее время, – осведомил он, тем самым отгородился от меня безразличием.

– Почему? – настороженно спросил я.

– Сегодня уезжаю в Подмосковье, – деловито сообщил Иван.

– А что там делаешь? – кисло задал я вопрос.

– Работаю. Научно-исследовательский институт. Изучаем живую клетку, – пытаясь от меня побыстрее отделаться, ответил он.

– Так, значит, встретиться никак не получится, – грустно вздохнул я.

– Нет, – отрезал Иван и непринужденно пожаловался. – Что поделать, времена такие. У меня, вон, дочь подрастает, семья. Деньги зарабатывать надо.

– Ну, а вообще, занимаешься, ну.., понимаешь, чем? – выражая надежду, спросил я.

– Прямо сейчас, нет – с сарказмом в голосе ответил Иван.

– Ясно. Жаль, – задумчиво сник я.

– О чем тебе жаль? – улыбчиво спросил он.

На мгновение во мне ожила надежда.

– Хотелось встретиться, – еще раз попытался открыться я.

– Такова жизнь, Сергей, – безжалостно отодвинулся он от моих переживаний.

– Ну, ладно, – не стал возражать я и спросил, давая понять, что заканчиваю разговор: – Приедешь из Подмосковья, позвонишь мне?

– Знаешь, лучше ты мне позвони, – коротко и тоскливо зевнул в трубку Иван.

– А когда ты вернешься? – попытался я определиться.

– Честно говоря, не знаю точно. Ты позванивай – состыкуемся, – совсем скучно отговорился он.

Мне стало неуютно и даже стыдно, что я его отвлекаю, и я скоро попрощался:

– Ладно, пока!

– Пока, – равнодушно сказал Иван и положил трубку.

Я тоже умостил трубку на аппарат, присел на диван и снова вошел в состояние молчания для себя.

Через некоторое время я уже сидел за кухонным столом, пил остывший кофе и размышлял: «А что я хотел от Ивана? Он ведь всего лишь навсего пунктирный человек в моей судьбе, такой же, как и Паша Мечетов».

ЧАСТЬ II. С головою в жизнь!

По дороге

Я ехал в поезде. Юра Божив жил теперь в небольшом подмосковном городе, и, в первую очередь, я решил навестить друга.

В теснине четырехместного купе я напряженно ворочался на верхней полке, периодически меняя бока.

Всю ночь я не спал и чувствовал себя настоящим преступником. Без сожаления я убил всю свою прошлую жизнь и начал все заново. Я почти физически ощущал, как от меня пахло энергией убийцы. Может, поэтому сосед по верхней полке напротив меня, мужик лет сорока на вид, с легкой щетинкой волос на щеках, до самого утра не выключал индивидуальный свет над своей головой и почему-то периодически и недоверчиво посматривал в мою сторону.

Я вяло отдаваться покачиванию вагона из стороны в сторону, испытывая безразличную пустоту или обрывками размышляя.

Поезд неторопливо перекатывался от станции к станции и часто подолгу не трогался с места.

На одной такой длительной стоянке мне подумалось: «А что, если поезда сами решали бы, когда им и как быстро ехать? Наверное, было бы интереснее жить. Но тогда наверняка бы наступил хаос. Никто не мог бы предсказать прибытие состава на ту или иную станцию. Так и человек, если у него нет расписания, появляется где-нибудь, а его никто не встречает, потому что не знают, что он уже там, или уже встречали».

Утром я, можно сказать, проснулся. Сосед напротив куда-то исчез. Я поднялся и сел на постели в позу полу лотоса. Опустить ноги вниз было неловко, за столиком завтракали попутчики с нижних полок.

Женщина в шелковом приталенном халате цвета слоновой кости, похожая на секретаршу, сидела прямо подо мной, под моей полкой. Выглядела лет на пятьдесят, блондинка, с крупной родинкой на правой щеке почти что под самым глазом. Напротив нее, под полкой моего исчезнувшего соседа, восседал мужчина приблизительно лет около шестидесяти, круглолицый, с голубыми глазами. Он был одет парадно, в костюм и при галстуке. Видимо, являлся каким-то начальником, но, скорее, глубоко провинциальным. Возможно, что он даже сапоги сменил на туфли специально для этой поездки. Одна его нога сейчас наступила на другую. А человек, который постоянно ходит в туфлях, не станет так делать, чтобы не царапать тем самым обувь.

Я сидел и вдыхал запах отваренных яиц и размусоленных помидоров, в которые жадно, вприсос вгрызались завтракающие. Они переглядывались друг с другом и ели молча. Я достал из сумки яблоко и, откусывая от него маленькие кусочки, тоже стал тихо жевать.

Поезд теперь мчался, будто в тоннели, прорубленном в хвойном лесу, все мельтешило, отчего смотреть в окно было неинтересно.

Вскоре попутчики закончили кушать. Женщина сгребла мусор со столика и аккуратно сложила его в маленький целлофановый пакетик. Случайно у нее под рукой оказался какой-то листок. Она стала промокать этой бумажкой лоснящиеся, жирные пятна на столе, и вдруг:

– О-ёой! Ну, надо же! – привлекая к себе внимание мужчины в костюме, негромко вскрикнула она.

– Что такое? Что случилось? – тут же суетливо озаботился тот.

– Смотрите, Петр Ильич, тут стихи какие-то. Написаны рукой... – она держала примятый и замусоленный листок за края и рассматривала его. - Я плохо вижу. За очками лезть - руки грязные, -- пожаловалась она.

– Дайте-ка мне, Машенька, я прочту, – услужливо предложил ее сосед.

Женщина протянула ему листок со стихами.

Он взял его, откашлялся для приличия и начал читать вслух:

Остров безопасности

Когда все чувства вместе слиты,
Тогда рождается покой.
На расстоянии молитвы
Всё далеко и под рукой.

Все люди чувствами разлиты,
Усердно молятся они.
На расстоянии молитвы
Продлишь свои живые дни.

Где чувства с разумом не слиты,
Там ты молитвенней в судьбе.
На расстоянии молитвы
Не подойдет беда к тебе.

Мужчина декламировал стихотворение, а я смущенно и съежено сидел у себя на верхней полке, и мне было так стыдно и противно на душе, что я прямо-таки в первые мгновения хотел спрыгнуть вниз и выхватить этот листок из его рук, но я сдержался.

Я чувствовал себя униженным, впивался глазами в читающего, заостряя свою ненависть. Тот почувствовал это и по окончании чтения поднял голову и умиленно посмотрел на меня.

– А вам, молодой человек, не понравилось? – спросил он.

– Отчего же, хорошие стихи! – попыталась ответить за меня женщина, но мужчина настаивал на том, чтобы ответил именно я.

– Мне, Машенька, тоже понравилось стихотворение, а вот молодому человеку, как я понимаю, не понравилось, – пояснил он, снова посмотрел на меня и повторил свой вопрос. – Не понравилось вам?

Но я продолжал молчать и смотреть на него в упор, соображая, как поступить.

– Сегодняшняя молодежь деградировала совсем, – нашлась блондинка.

– Что верно, то верно, – опечаленно вздохнув, согласился с ней мужчина и перестал на меня смотреть.

Я сидел в замешательстве.

– Да уж. Куда мы идем? – глубоко вздохнув, произнесла женщина.

– Да, никуда не идем! – махнул рукой в мою сторону мужчина и утвердил: – Даже на месте не топчемся. Вымираем, и все тут!

– Это точно, – грустно подтвердила она.

Несколько мгновений я обмозговывал ситуацию, наконец, активизировался.

– Извините, – сказал я и выдержал небольшую паузу, давая возможность попутчикам обратить на меня внимание. – Можно мне эту бумажку? – я нагнулся и указал рукой на лежащий на столике замусоленный листок со стихотворением.

Мужчина подал его мне.

– Возьмите, – сказал он и озадаченно переглянулся с блондинкой, мол, неужели молодежь решила исправляться.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Наступила тишина.

Я положил листок возле себя, достал из-под подушки ручку и блокнот и как можно быстрее переписал в него стихотворение. Потом я возвратил бумажку обратно мужчине.

– Значит, все-таки понравилось, – пафосно объявил он блондинке с учетом, чтобы и я услышал, и занозливо глянул на меня, чтобы определить мою реакцию.

– Слушайте, Петр Ильич, перепишите пожалуйста и мне, – попросила женщина.

– Конечно, – улыбнулся тот. – У вас не найдется чистого листка бумаги? – спросил он у меня.

Ничего не ответив, я снова достал из-под подушки свой блокнот, вырвал из него страничку и подал мужчине.

– Машенька, – вежливо обратился он к соседке, – вам я перепишу, а себе, если вы не возражаете, оставлю оригинал.

– Конечно, Петр Ильич, – согласилась та.

Мужчина стал переписывать стихотворение, блондинка смотрела в окно, а я, воспользовавшись ситуацией, быстренько спрыгнул вниз, шмыгнул из купе в коридор и тихо прикрыл за собой дверь.

Мне было довольно неловко, ведь это было мое стихотворение. Листок, видимо, соскользнул из-под подушки на стол.

Я встал возле окна напротив своего купе и, держась за специальный поручень, принялся рассматривать медленно проплывающую местность, поезд катился среди полей.

Мне снова вспомнилось, что я убил в себе прошлую жизнь. Состояние преступника опять нахлынуло на меня.

Внезапно ко мне подошел и встал близко рядом со мной исчезнувший сосед с верхней полки, который показался мне ночью несколько странным.

– Ты давно здесь работаешь, по вагонам? – полушепотом проговорил он, немного наклонившись боком к моему уху.

– Достаточно, – ответил я, еще не догадываясь о чем идет речь, но подыгрывая этому человеку.

– Понятно. А то твои люди тут по всему составу шныряют. Я еду с товаром. Ты меня не тронешь? – оглянувшись по сторонам, заоткровенничал он, и я понял, что он из каких-то теневых курьеров.

– Не бойся, – равнодушно сказал я.

– А ты чего сейчас в Москву? – поинтересовался он.

– Да, так, кое-что убил, – ошарашил я своего собеседника.

Тот, прижавшись ко мне совсем близко, прошептал:

– Слушай, тебе же залечь надо. Приезжай к нам – паспорт и все такое выправим. Будешь товар сопровождать на самолете – бабки что надо.

– Хорошо, я подумаю, – отрешенно ответил я.

Я даже не глянул на своего собеседника, отчего он, видимо, испугался еще больше и снова осмотрелся по сторонам.

– Слушай адресок, – сказал он и прошептал его совсем уже мне на ухо.

Я кивнул головою, что понял. Курьер тут же поспешил удалиться в купе.

«Впредь надо быть более осторожным, – подумал я. – То, о чем ты думаешь, мгновенно считывается окружающими».

В Подмосковье

Из Москвы я приехал на электричке в подмосковный город Э... От вокзала прошелся минут пятнадцать пешком. Быстро отыскал нужную улицу. Мне не понравился двор, густо заросший травой, с торчащим из нее металлическим скелетом детских качелей, и серый двухэтажный дом без балконов, в котором теперь обитала семья Юры Божива. Они жили вчетвером: он, его общий с женой Викой трехлетний сын Егор и Викина девятилетняя дочь Оксанка.

Когда я заходил в подъезд, на меня чуть не налетел, будто с какого-то перепуга, мужик, невысокого роста, лысый, плотненький, словно боксер, одетый в трико и тельняшку, на ногах тапочки на босу ногу.

Внешний вид Божива удивил меня еще больше. Было заметно, что он увлекался спиртным. Я понял, что меня ожидает срочная и безотлагательная работа, и принялся изучать обстановку.

Оказывалось, что уже несколько неожиданных месяцев у Юры и Вики постоянно держалась повышенная температура тела. Врачи не могли поставить диагноз. Особенно страдала Вика, испытывая всплески жара до сорока градусов. Она уже несколько недель как лежала в местном медицинском стационаре в отдельном боксе.

Оксанка училась в школе и помогала Боживу готовить пищу, ходить по магазинам, стирать и

носить продукты в больницу маме. Егора временно забрали к себе родители Юры.

До болезни семья Божива жила неплохо. Не богато, но и не обидно. Юра выступал с практическими лекциями по энергетической логике сознания человека. Он серьезно продвинулся в своем развитии после того, как в одном московском НИИ физики организовал встречу профессоров и кандидатов наук с неким экстрасенсом, а тот не появился в назначенное время, и Боживу пришлось выйти на сцену и провести выступление вместо него. Юру слушали с интересом, и успех окрылил друга так, что у него стали появляться собственные соображения и видения насчет окружающего мира.

Дальше – больше: он преуспел в инкарнациях. Научился выявлять прошлые воплощения человека и на основании этого материала открывать заказчику нужные цели и задачи в его текущей жизни, за это неплохо платили. Вика шла в развитии рядом с мужем. Приноровилась лечить людей руками и чувствами, пробовала и при помощи мысли, у нее открылись интересные результаты на этом поприще.

Юра сейчас выглядел похудевшим и измученным. Он почти не работал, и, конечно же, случайных средств на существование было весьма недостаточно. Он пугался любого шороха своих чувств в сторону тех или иных предположений о возможных исходах и причинах его и Викиной болезни.

А тут еще и школьная учеба Оксанки осложнилась. Ей постоянно и несправедливо занижали отметки, укоряли в том, что ее родители занимаются магией, и чуть ли не принудительно навязывали христианское направление развития как единственно верное и спасительное в этом мире. Можно сказать, ребенка преследовали: одноклассникам запрещали с ней разговаривать и дружить, на улице, во дворе, Оксанку озлобленно дразнили ведьмой.

Божив выдвигал различные версии происходящего. По его словам, ситуация в школе требовала много

энергетических растрат и вполне могла отразиться на его и Викином здоровье.

Он также подозревал неожиданно возникшую у него телефонную подругу из Германии, которая нашла Божива по Интернету, усиленно восторгалась его сайтом и постоянно предлагала свою помощь. Вскоре Юре и в самом деле она понадобилась. Он попросил выслать из Германии ноутбук. Телефонная подруга сделала это. Но, кроме компьютера, в посылке, были красивые игрушки и вещи для детей и бутылка удивительно вкусного, как признавался Божив, шампанского. Вика выпила этого вина больше, чем он, и вскоре они оба заболели. Не исключено, что напиток был не простым.

Божив с неменьшим рвением воображал себе и то, что это ФСБ его и Вику заразила чем-то или же воздействовало какими-то приборами.

Также Юра предполагал, что это происки зарубежных спецслужб, которые не заинтересованы в том, чтобы в России было что-то умное. А так как он просвещал людей, то это могло вполне заставить обратить на него внимание.

А еще к возникновению болезни Юра предположительно причислял и тот факт, что его семья прилично и на протяжении нескольких лет не принимала должного количества витаминов, и это тоже могло повлечь за собой заболевание.

Друг не исключал и то, что, мол, в стране набирала обороты христианская религия, у которой есть своя служба безопасности, с тысячелетней историей и, наверняка, с картотеками, она также могла быть незаинтересована, чтобы кто-то открывал людям глаза, как он.

Я и Юра сидели в майках на его кухне, на мягких сиденьях резного деревянного уголка. Активно дымили сигаретами и попивали красное вино, три больших бутылки которого Юра выставил из холодильника на стол. Закусывали шпротами, нарезанными с луком помидорами и дешевой колбасой. Батон хлеба ломали руками. Оксанка в это время играла в какую-то компьютерную игру в детской комнате.

Я внимательно выслушал друга и сказал:

-- Юра, все не так просто, как ты думаешь. Но я обязательно тебе помогу.

- Ты прав, - осушив очередной стакан спиртного, согласился он и закусил какой-то конфетой, горстка которых валялась на столе между бутылок.

-- Ты же уже догадываешься о том, что и моя летаргия была не просто так, – нацеливал я Божива.

– Понимаю. Но сегодня я в таком загнанном состоянии, что еще немного и... я могу сорваться, поддаться обстоятельствам, – пытался оправдаться он.

– А тебе не кажется, что ты уже сорвался? – спросил я.

– В каком смысле? – насторожился друг.

– С алкоголем давно на ты? – уточнил я.

– Ты знаешь, Сергей, тут все не так уж и просто, сплошная мистика вокруг в этом вопросе, – открылся он.

– Ты имеешь в виду окружение? – сосредоточился я.

– Оно самое, – подтвердил он.

Предчувствуя услышать повествование, я улыбнулся и подтолкнул Божива на откровение, задал соответствующий вопрос:

- И в чем все выражается?

– Поясню, - начал рассказывать он. - В этом доме, да и в этом дворе, многие мужики сильно выпивают, даже глушат каждый день до безумия. Но я, когда переехали сюда жить с Викой, вначале к этому, – он махнул рукой на бутылки, – был совершенно равнодушен и безразличен. А потом... Упорядочу свое объяснение.

В квартире, что рядом с нашей, жил прилично пьющий мужик. Позже он съедет в другой район города, а я стану все чаще увлекаться этой заразой, – он снова махнул в сторону бутылок и продолжил. - Потом, как по мановению волшебной палочки, ко мне все чаще и все настойчивее начали обращаться с заемом денег местные алкоголики из нашего дома. Их двое основных: один на первом этаже в нашем подъезде...

- В тельняшке, как боксер? - понимающе подсказал я.

– Да, – подкивнул головой Юра и поинтересовался: – Откуда знаешь?

– Имел честь столкнуться с ним в подъезде, – осведомил я.

– Понятно, – на секунду задумался он и вернулся к своей истории. – Так вот, их двое, одного ты уже видел, другой живет во втором подъезде, также на первом этаже нашего дома. Его я как-то даже спас от смерти. Отвлекусь немного.

Было так: он напился, курил в постели, одеяло загорелось, начался тлеющий пожар. В это время я как раз вышел на улицу, вижу – его верхние соседи ходят под его окнами и высматривают обстановку, но ничего не предпринимают. Может, дожидались, чтоб сгорел. А я взял, да и позвонил в пожарку. Приехала бригада и успела вытащить погорельца живым. Правда, ему ампутировали основательно сгоревшую ногу. Теперь на костылях шастает.

Так вот, к чему я это все тебе обрисовываю, Сергей. Сегодня сложилась такая обстановка, что, стоит мне выйти на улицу, скажем, просто прогуляться с Викой, с детьми, по делам ли, в магазин, тут же эти алкоголики, оба или обязательно кто-то из них один, либо уже находятся во дворе, либо прямо-таки выбегают наспех из своих квартир мне навстречу, словно специально знают, когда именно я выхожу! Да так себя умиленно ведут, что в душу прямо-таки лезут и стараются усиленно здороваться, даже подбегают обниматься отчего-то, понятно, и клянчат деньги.

Зараза какая-то прямо-таки, черт знает что с ними делать. Бывает, выходишь на улицу и не думаешь даже купить что-нибудь из спиртного. А тут встречают тебя они у подъезда и даже просто здороваются вслед, обязательно незаметно появляется желание взять бутылочку, и берешь.

И опять же, что интересно, – пожал в недоумении плечами Юра, – пока я попиваю, алкаши могут даже и не появляться мне на глаза, не встречаться у подъезда. Но стоит мне вдруг найти в себе осознанность привести

в общепринятую норму свое отношение к спиртному, так тут же всплывают они.

Вчера вот, к примеру, выхожу из подъезда в магазин с Оксанкой, а уже даже из соседнего дома выскочил тоже алкаш, быстро просеменил мне наперерез, забежал наперед и спокойно пошел навстречу. Зачем? Чтобы заглянуть в глаза что ль? Что они, сквозь стены что ль видят, когда я выхожу, или им сообщает кто!?

– Ты знаешь, Юра, – глубоко вздохнув, заговорил я, – ты довольно четко описал ситуацию, и скажу вот что, я помогу тебе избавиться от этого.

– Сергей! – попросил друг. – Можешь хотя бы намекнуть на суть происходящего?

– Отчего же нет, пожалуйста, – не возражал я. – Ситуация, которую ты сейчас обрисовал, является частью всей программы нападений на тебя и Вику, в общем, на твою семью.

– Ты считаешь, что это работа Остапа Моисеевича? заволновался Божив.

– А ты как думал? Ты стал наивным, Юра! – ответил я.

– Но я же постарался от всего уйти, забыть, убежать, скрыться в этом городе. Черт побери! – выкрикнул друг, вскочил пружинисто на ноги и агрессивно зашагал передо мною по кухне от окна к двери и обратно. – Достали гады! – возмущался он. – И так ухищренно!

– Присядь, пожалуйста, – попросил я, и Юра вернулся на свое место. – Нам пора начинать серьезно и основательно сотрудничать, – спокойно определился я.

– Хорошо. Объясняй, что делать, – в отчаянии почти потребовал он.

Некоторое время я молчал. Юра всматривался в выражение моего лица, как больной, ожидающий спасительной таблетки. Но я в это время находился в своих внутренних рассуждениях несколько в другом месте. Я думал: «Божив работал вместо меня директором кинотеатра Лесного поселка. Ведь он же помнит это время и годы. Почему же не сопоставляет, что он не

мог все это делать, скажем, в свои восемнадцать лет! Будто у него выключен возрастной анализ. Мне взять и раскрутить эту ситуацию прямо сейчас?».

Понимая, что пауза затянулась, я перевел дыхание и оживленно заговорил.

– Вначале я кое-что поясню тебе, Юра, а потом уже начнем действовать, – улыбнулся я. – Сейчас вам требуется вернуть свои силы, Вике и тебе, прийти в энергетическую норму, равновесие, и я помогу в этом.

– Ну, я им устрою! – стукнул Юра кулаком по столу.

– Для того, чтобы сражаться, нужно сперва восстановиться, – возразил я. – Не торопись, хотя и медлить особо уже нельзя. Все-таки договоримся так: я начну, а дальше все вместе продолжим, хорошо? – но Юра промолчал в ответ, видимо, он глубоко озадачился про себя новостью, что астральная шайка и тут его нашла, и мне пришлось повторить свой вопрос: – Я говорю, хорошо?

– Что хорошо? – опомнился он.

– Я начну, а потом продолжим вместе? – переспросил я.

– Да, – вяло подкивнул мне головой Божив.

– Тогда, слушай, – утвердительно сказал я и начал объяснять ситуацию с алкоголиками. – Масса желания употреблять спиртные напитки не больше и не меньше на Земле, чем, к примеру, масса желания любить человека или кататься на коньках.

Твой сосед Юра имел при себе часть от всей массы желания пить алкоголь. Он переехал, ты говоришь, на другую квартиру, так?

– Так, – увлекаясь моим повествованием, соображал Юра.

– А хочешь, я угадаю, что было дальше с твоим соседом? – и, не дожидаясь ответа, я определился сам. – Он перестал пить.

– Точно... Стоп!.. – останавливая меня жестом руки и загадочно улыбаясь, друг выказывал намерение, что он хочет сам попробовать все объяснить. – Тогда, получается, – размышлял он, – ту часть, на которую мой бывший сосед бросил пить, принял на себя я! Но отчего так?

Почему эту же часть не принял какой-то другой человек, те же алкоголики из нашего дома или же еще кто, скажем, в другой стране, в Америке, почему я?

– Потому что я стану угадывать дальше, можно? – теперь загадочно улыбнулся и я.

– Давай! – поддержал Юра.

– У тебя с этим соседом обязательно была взаимосвязь, которая закончилась конфликтом. Возможно, ты потребовал от него бросить выпивать, не так ли? – полюбопытствовал я.

– Ну, ты вообще, извини, конечно, как бабка-гадалка. Поразительно! Именно подобное и было, – засуетился Божив и рассказал: – Это было так. Мы с Викой с полгода как переехали в эту квартиру.

Нас в гости пригласил сосед, о котором сейчас идет речь. Мы неплохо провели вечерок при застолье. На его кухне я засиделся с ним допоздна, понятно, что выпивали. Вика с детьми уже ушла домой, его жена и дети легли спать. Я и сосед мирно болтали и пропускали рюмочку за рюмочкой. Вдруг вбежала его жена, вся разъяренная, начала ругаться, прогонять меня, стыдить. И я недоуменно ушел от них. Я не понимал тогда, почему она на меня набросилась так агрессивно. Я же не знал, что ее муж крепко выпивает.

С того момента сосед усиленно стал мне навязываться в друзья и гости. Я же старался его не принимать, не хотел осложнений с его женой, с которой через какое-то время я встретился на лестничной клетке, и она, довольно несчастная в голосе, попросила меня посодействовать, чтобы ее муж бросил пить. Я пообещал ей помочь.

Чуть позже я наткнулся на соседа на той же лестничной клетке и сказал, что он должен бросить пить, ибо ему осталось жить не больше года. Почему именно так пророчил, даже не знаю. Говорил, что чувствовал. Но именно где-то в течение года сосед и переехал на другую квартиру. Я же стал больше употреблять спиртных напитков, и алкоголики начали обхаживать мою персону. Хотя до этого, пока сосед

жил тут, они вертелись только вокруг него и совершенно не замечали меня.

– Ну, и какой ты делаешь вывод? – настойчиво спросил я и энергетически подключился к Юриному сознанию, чтобы он мог мыслить, рассматривая сюжет со стороны.

– Дай подумать... – печально проговорил он, принял позицию стороннего человека, взбодрился и высказал свое мнение. – Когда я был в гостях у соседа и выпивал с ним, я открылся ему, впустил в свою душу. Таким образом, как я понимаю теперь, алкаши размножаются среди обычных людей. Произошла увязка наших судеб. В меня энергетически вошла пьющая часть его характера, и его желание пить я разделил с ним пополам. А его жена выгнала не столько уже меня, сколько часть своего пьющего мужа в моем лице, который и тянулся-то ко мне потом, словно к себе самому. Ему не хватало его части алкоголика, чтобы полноценно бухать.

Получилось, логически его жена уже была увязана со мной. Потом она встретила меня на лестничной клетке и попросила, чтобы я посодействовал ей в отстранении ее мужа от нехорошего пристрастия. Я согласился. Далее, встретив на лестничной клетке соседа, я запретил ему выпивать. Он испугался, и оставшаяся часть алкоголика в нем начала перекочевывать в меня. Как следствие, он переехал на другую квартиру, избавился от выпивки, а во мне его пьющая натура оказалась целиком.

– Поправлять не буду. Если не учитывать детали, то все верно, – сказал я и задал еще один вопрос. – А сможешь объяснить, почему алкоголики к тебе лезут?

Я усилил свое энергетическое влияние на друга.

– Они, – отвечал он, – воспринимают меня словно соседа, с которым раньше представляли единое целое, организм. Но, в отличии от их собутыльника, я, ежедневно хочу избавиться от спиртного, отчего им, конечно же, больно на любом расстоянии. Потому и встречаются каждый день, чтобы я не убил их в себе,

– подытожил Юра, – и как же мне теперь избавиться от всего этого? – грустно спросил он.

– Я помогу, – убедительно сказал я.

События в стационаре

В клинику к Вике я направился один. Ее требовалось спасти в первую очередь. Над ней откровенно ворожили самые настоящие враги.

Это был день, напряженный солнечным светом. Я твердо шагал к любимой некогда девушке, да и разлюбил ли я ее окончательно?

Чтобы остановить меня, Магистру, Остапу Моисеевичу, требовалось уничтожить опорную точку, которая являлась наиболее важной, убить моих друзей, но я не мог этого допустить.

Вскоре я подошел к кирпичному четырехэтажному зданию больницы и остановился под окном Викиной палаты, сориентировавшись по названным ранее Юрой приметам. Я поднял голову и громко позвал:

– Ви-и-ка-а!

Подождал некоторое время.

Из соседних окон сквозь дымчато грязные стекла на меня стали пялиться какие-то женские лица, больные из других палат. Я не обращал на них внимание.

– Ви-ика! – снова оранул я.

– Вика... Божива!.. Виктория!.. – продолжал я выкрикивать на второй этаж

Вдруг поодаль от меня, шаркнув, приоткрылась парадная дверь и в образовавшуюся отщелину высунулось чье-то старческое суетливое лицо, которое вначале, словно по-собачьи, вынюхало что-то в воздухе. Я присмотрелся к нему.

И вот дверь, болезненно проскрипев в петлях, открылась настежь, и на крыльцо, по-хозяйски, в угловатых движениях подростка, шагнула старушка-медсестра в белом длинном халате, теперь уже определившаяся в своих предположениях, когда изучила меня в щель.

Она, вся такая заостренно худая, невысокого роста, будто полукарлик, молча и усиленно замахала в мою сторону своими культевидными ручками, как я понял, призывая меня подойти к ней, что я и сделал.

– Любовник, щоль? – хитро и лукаво, заискивающим полушепотом спросила она и совместила кивок своей головы с тем, что прищурила в это же время оба глаза и сладостно сглотнула слюну от какого-то внутреннего удовольствия, известного только ей.

Вопрос меня озадачил.

– Хошешь, – заговорила она проворно и очень шепеляво и снова подмигнула мне обоими глазками и кивнула головой, – я тебя к ней проведу? Она в двушместной палате одна-а. Щейщас пошле укола, шпит. Так как? Провешти? Шо ты молшишь? – задумчиво возмутилась она.

– Сколько? – спросил машинально я.

– Пять тышяш, – сориентировалась старушка-медсестра, приняла серьезный вид и мельком оглянулась на распахнутую дверь в больницу, видимо, чтобы убедиться в том, что ее никто не услышал, кроме меня.

Я полез в задний карман брюк, чтобы извлечь оттуда деньги, но она испуганно замахала руками и возмущенно сказала:

– Ни-ни! Вы шо?! Это потом. Будете ушходить, отдадите.

– Понял, – услужливо согласился я и сделал вид, что просто отряхиваю сзади свои штаны.

– Подошдите меня шдесь, у вшхода. Во внутрь шами не вшходите! – строго приказала она.

– Как скажете, – успокоил я свою помощницу.

Она же, пригнув голову к груди, исподлобья, с мольбой во взгляде посмотрела на меня, видимо, определяя окончательно, обману я ее или нет, можно ли мне доверять?

– Шмотри, – сказала она, горделиво и по-детски озорно подтянулась в росте и подытожила, – не подведи меня. Как только шкажу, шрашу ше уйдешь, понял?!

– Все будет как надо, – подтвердил я свою искреннюю расположенность воспользоваться без обмана ее услугами и доверительно улыбнулся.

– Я щейщас. Побегу, рашведаю, штобы враща не было. Штойте щдесь, – засуетилась она.

– Жду, – подыгрывая ее заговорщическому тону, подтвердил я.

Старушка коротенькими и быстрыми шажками прошаркала в больничное пространство, из глубины которого вскоре послышался ее голос.

– Катюша!

Издалека звонко откликнулась какая-то женщина:

– Да-а, Галина Ивановна, что вы хотели?!

– Там вше тишхо? – оранула та, как из колодца.

– Да-а, – совсем, едва слышно, осведомили ее.

– Так, мы идем! – ворчливо предупредила она, и послышалось шарканье ее тапочек, которое явно приближалось ко мне.

Увлекшись теневым проникновением в больницу, я машинально огляделся по сторонам.

Старушка-медсестра вначале выглянула из-за двери, убедилась, что я не ушел, и открыла дверь пошире.

– За мной, – негромко сказала она и снова кивнула мне головой и умиленно прищурилась обеими глазками так, будто собиралась со мной заняться любовью.

Я шмыгнул в дверь. Мы пошли по небольшому фойе, в котором было множество каких-то выступов и углов. Старушка вкрадчиво семенила впереди меня так, словно пол в больнице охранялся сигнализацией. Резкий запах какого-то, скорее всего, дезинфицирующего воду при уборке общественных помещений вещества сразу же начал въедаться мне в глаза и ноздри. Даже во рту я почувствовал привкус какой-то инородной горькости, словно, как в детстве, лизнул заплесневевшую электрическую батарейку от карманного фонарика. Глаза у меня стали слезиться, дышать было противно и тяжело.

Вскоре, шагая за проворной медсестрой, я уже поднимался на второй этаж по широкой лестнице несовременной конструкции. На ходу я адаптировался к противному запаху. Мой взгляд блуждал. Я морщился, глядя на потрескавшиеся и шершавые от краски стены.

Мелкие и частые ступеньки, обрамленные металлом, закончились. Мы очутились в широком и мрачном

коридоре с высоким потолком и множеством белых дверей, в котором было совершенно пусто. Прошли метров пятнадцать-двадцать по рваному во многих местах паркету, о который кое-где вполне можно было споткнуться, и остановились.

Старушка бесцеремонно открыла ближайшую от нас дверь.

– Пришли. Быштро шашходи, щереш щас я ша тобой шайду, – дала указание она.

Я протиснулся в палату мимо нее. Она закрыла за мной дверь.

Оказавшись в больничном боксе, я почувствовал, что окончательно адаптировался и перестал ощущать едкий запах.

Немного помедлив, я сделал несколько шагов по палате и оробел. Справа от окна стояла металлическая кровать, на ней спала Вика. Сосредоточенно я всмотрелся в ее измученное, но по-прежнему ласковое и волнующее меня лицо.

Почувствовав чье-то присутствие, девушка шевельнулась под одеялом, вытащила из-под него руки и перевернулась с бока на спину, потерла ладонями глаза и открыла их. Теперь, оторопев, она смотрела на меня.

За годы летаргии, разлучившие нас, мы увиделись впервые и оба понимали сейчас, что, на самом деле, мы значим друг для друга.

В единое мгновение во мне все вспомнилось. Было такое ощущение, будто мы только вчера расстались на лестничной клетке в доме, в котором когда-то жили. Я стоял и головокружительно наливался горячим соком любви. Под одеялом обозначались изгибы Викиного тела. Я упал возле кровати на колени, и мы обнялись. Я жадно вдыхал запах женственности.

Мы ничего не говорили, только ласкались и замирали ненадолго. И вот мои губы зависли над ее губами всего в нескольких миллиметрах так, что, даже не прикасаясь к ним, я ощущал их мягкость и аромат, от которого у меня стал, словно растворяться в ласково-невесомой неге, низ живота. Было такое ощущение, что мой живот, приятно перетекает сквозь одеяло в Викино тело.

Внезапно я начал нестерпимо целовать девушку. Жадно подлавливал ее губы, ускользавшие в сторону только на мгновения.

– Подожди, – беспомощно прошептала она и крепко ухватилась обеими руками за одеяло.

Я немного приподнялся над ней, опираясь одной рукой о стену, а другой – о спинку кроваги. И вот она резко сдернула с себя одеяло. Ее обнаженное тело шелково промагнитило меня насквозь, и я плавно опустился на него.

Через некоторое время мы уже просто лежали рядом, вспотевшие и приятно уставшие.

– Я сошла с ума, – тихо и мягко проговорила Вика, прильнув к моей щеке своею щекой.

– Это – сильнее человека, – загадочно улыбаясь, отозвался я.

Мы смотрели куда-то в потолок.

– Ну, вот! Теперь я окончательно узнаю, что рядом со мной Сергей Истина, – сказала, проказливо кивая головой, Вика и улыбнулась, а потом словно опомнилась и спросила: – Нет, на полном серьезе, что я скажу Боживу? – ей, видимо, было стыдно за свой поступок, ее щеки покраснели.

– Ничего не скажешь, – прошептал я возле ее уха, отчего она негромко хохотнула.

– Щекотно же! – сказала она и повернулась ко мне лицом.

Я тоже посмотрел на нее.

– Я действительно люблю тебя, только тебя одного. – не удержалась она, ласково рассматривая меня в упор.

Я промолчал.

– А как там? – замысловато проговорила она.

– Там? – переспросил я, будто сам у себя, и ответил, словно размышляя вслух. – Трудно сказать, «как там». Так же, как и здесь, только скорости огромные и мгновенные изменения форм.

– Ясно, – мягко, с оттенком вежливой и покорной зависти сказала она, потом оживилась и задала вопрос. – У тебя есть женщина?

– Почему ты так решила? – немного удивился я.

Вика положила мне руку на грудь, немного подумала и призналась:

– Ты знаешь, Сережа, я чувствую, что-то не так в этом мире. Будто какой-то провал, о котором никто не догадывается, словно я что-то никак не могу вспомнить из того, что было. И ты со мною только частью, не весь. Чертовщина какая-то. Я.., наверное, точно уже схожу с ума. Бред какой-то говорю. Да?

– Отчего же так сразу и бред? – улыбнулся я и поцеловал ее у краешка губ.

– Она красивая? – интуитивно спросила Вика.

– Да, – едва слышно отозвался я.

Подруга легла на спину и, отрешенно смотря в потолок, осведомилась:

– А как ее зовут?

– Наташа, – ответил я и тут же опомнился и приготовился выслушать целый ряд вопросов. Мне не хотелось травмировать девушку. Она, хоть и занималась совершенством своего мистического мировоззрения, но все же еще была не настолько подготовленным человеком, чтобы достаточно точно оценить правду.

Но она, словно понимая мой прокол, заговорила о другом:

– Ты знаешь, Сережа. Мне кажется, что тут, в этой больнице, все не просто так. Думаю, меня хотят убить.

– У них ничего не выйдет, – твердо среагировал я.

– Позавчера они решили сделать мне укол какого-то «хлористого». Вызвали в процедурный кабинет, уложили на кушетку, подготовили вену на руке, а я спрашиваю у медсестры...

– Это которая шепелявая старушка? – уточнил я.

– Да, она самая. Так вот. Я поинтересовалась у нее, мол, а что это за укол? А она не слушает, вводит иглу. А я опять за свое, мол, какой укол мне делаете? Она молчит и вдавливает в меня какую-то жидкость из шприца. Вдруг по всему телу стал разливаться огонь, словно раскаленных углей в меня напихали. Я закричала, мол, что же это такое, что вы делаете? А медсестра говорит, даже

показалось, что она садистки улыбалась в этот момент, мол, лежите смирно, а то игла может вырваться под кожу и будет у вас глубокий, до кости, внутренний ожог. Представляешь, Сережа! О таком серьезном уколе я узнаю тогда, когда мне его уже делают!

– Негодяи! – сосредоточенно проговорил я.

Вика продолжала рассказывать:

– В глазах у меня стало темнеть, я вся покрылась потом, невыносимо тошнило, я чуть не потеряла сознание, – выговорилась она, помолчала несколько секунд и жалобно сообщила. – Но это еще не все! У меня на следующее утро произошло кровоизлияние в глаз! Я думаю, что это результат того сумасшедшего укола.

– Разберемся, – коротко ответил я.

– Ты что, хочешь с ними пойти ругаться, выяснять отношения? – заволновалась она. – Да они же меня вообще уничтожат, ты же это сам понимаешь.

Вика беспокойно приподняла свою подушку повыше и прилегла на нее головой так, чтобы видеть меня обзорнее.

– Ошибаешься, – решительно определился я, – не ругаться я буду с ними, а драться и, если такое понадобится, то и убивать.

Она ничего не ответила, с нескрываемой надеждой глядела на меня. А я смотрел на нее и анализировал ситуацию. Во мне начинал просыпаться здравомыслящий человек, который пришел на помощь. «С больничными героями, естественно, разберусь, – думал я про себя, – это само собой разумеется. Сейчас надо понять, зачем я совершил этот поступок, снова люблю Вику?»

Требовалось логическое оправдание моих действий.

К счастью, я точно знал, что никогда не делаю ничего напрасно, просто так, похоти или еще чего другого ради. Даже тогда, когда я поступал вроде как невежественно, впоследствии оказывалось, что именно так и нужно было сделать.

– Прочти что-нибудь, – ласково прошептала Вика.

– О чем? – улыбнулся я и приблизил свое лицо к ее лицу.

– Все подряд, – сказала она, завороженная моим близким взглядом и теплым дыханием от меня.

Тогда я прилег поудобнее на спину так, чтобы видеть ее. Она закрыла глаза от предвкушаемого удовольствия. Сделав глубокий вдох, я задумчиво заговорил стихами:

Человеческая раздевалка

Дай Силе ты только раздеться –
И вдруг обнажается Разум...
Когда обнажается Сердце,
То Сила оденется сразу.

Новое в неведанном

Коль Тьма есть Ночь и есть познанье,
То ночью спать нам или днем?
Всю ночь мы спим, а утром встанем
И днем ничто не познаем...

Творчество живет

Не ожидайте творчество вы в кресле,
Оно не обнаружится на месте.
Оно всегда в движении и там,
Где бесконечность гор и бездна ям.

Какое-то время я читал стихи. Я понимал, Вика, скорее всего, больше наслаждалась звучанием моего голоса, ведь она так давно не слышала его. Очередное стихотворение закончилось. Я спросил вслух, скорее, у себя:

– А ведь и правда, почему я это сделал?

– Что касается меня, то я поступила так, потому что люблю только тебя одного, – ответила сама себе Вика, понимая, о чем идет речь.

Я подскочил на кровати и уселся рядом с ней.

– Что касается меня, то-о.., прежде всего, я пришел тебя спасти! – определился я.

– Ясно, Сережа, – грустно согласилась она.

И тут я понял кое-что важное и поспешил задать вопрос:

– Ты сейчас что-нибудь чувствуешь?

– Да, – задумчиво ответила она и закрыла глаза, мечтательно вслушиваясь во что-то невидимое.

– А что именно? – уточнил я.

– Такое впечатление, что ты до сих пор меня обнимаешь, – улыбнулась она.

– А живот, как ты ощущаешь свой живот? – исподволь подбирался я к главному.

– Как-то непривычно, неестественно, – объяснила она, открыла глаза и загадочно посмотрела на меня. – Такое впечатление, что твой живот во мне, в моем животе. – Вика снова прикрыла глаза и поделилась со мной подробностями. – Да, именно так и есть! Надо же, я только теперь обратила на это внимание! Твой живот будто просочился в меня, слился с моим животом, а ты словно продолжаешь лежать на мне, и мы обнимаемся. Просто обалденно, и все так реально! – она открыла глаза и простодушно спросила: – Отчего так происходит?

– Так нужно, – сказал я и пояснил: – Я сейчас на тебя прилягу.

– Ты снова хочешь меня? – выразительно удивляясь моему деловому тону в таком деле, немного возмутилась Вика.

– Не-ет. Вернее, не нет, потому что не хочу, а нет, потому что я думаю теперь же сделать другое, – путанно пояснил я.

Она не поняла меня, хотя и уступила прилечь на себя.

– Значит, так, – сказал я, когда оказался на девушке, – я не стану от тебя ничего скрывать. Я не медсестра, делающая смертельно опасный укол. Сейчас мы с тобой поменяемся местами.

– Ты хочешь, чтобы я на тебя легла? – спросила, проказливо улыбаясь, она, совершенно не догадываясь о моих подлинных намерениях.

– Нет. Это произойдет не так, как ты подумала. Ненадолго, я стану тобою, а ты мною, – настаивал я.

– Не понимаю, Сережа, – уже испуганно, пытаясь удерживать ускользающую с губ улыбку, огорчилась она.

Я начал объяснять:

– Слушай внимательно. Я полностью войду в твое тело. И вначале ты будешь ощущать меня как бы дважды: лежащего на тебе и находящегося полностью в тебе одновременно, это понятно?

– Кажется, да, – неохотно сказала Вика.

– А потом, удерживая мое тело руками, – продолжал я объяснять, – ты перевернешься на живот и физически окажешься на мне. После чего я помогу, ты войдешь в мое тело. Я же останусь в твоем, – я боялся чрезмерно стращить девушку, но времени оставалось не так уж много, в любую минуту в палату могла войти старушка-медсестра.

– А зачем все это нужно, Сережа? – не понимала моих требований она.

– Затем, чтобы разгромить мерзавцев, – упрямо ответил я.

– Хорошо. Сделаем так, как ты хочешь, – не особо решительно согласилась она.

– Расслабься как можно глубже, – начал инструктировать я. – Ощущай свое тело хрупким, вязким, водянистым, безвоздушным, способным пропустить в себя любой предмет, находящийся на нем, меня.

Вика подчинилась скорее бессознательно, потому что я энергетически воздействовал на нее.

И вот я почувствовал, как она вся обмякла. Я проваливался, увязал в ней и вскоре полностью выскользнул из своего и вошел в ее физическое тело, а мое предметное тело, пустое, как манекен, оставалось лежать сверху девушки.

– Вика, – плавно проявил я свои чувства, находясь внутри ее тела. – Ты меня ощущаешь?

– Да-а, – отступая паузами от каждого произносимого слова, протяжно ответила она. – Словно... я... – это... ты...

– Медленно обхвати мое земное тело руками, перевернись и приляг на него, – напомнил я дальнейшие действия.

Она сделал так и оказалась на манекене моего тела.

– Теперь как бы проваливайся в мое физическое тело, перетекай в него чувствами. У тебя это получится. Я помогаю, – напутствовал я.

Вскоре Вика стала мною, а я ею. И я окончательно убедился в том, что мне удалось открыть новый вариант перехода из тела в тело, минуя Астрал.

Да, между нами произошло любовное деяние, но это было подсознательно верным решением с моей стороны. Таким образом я увяз своим животом в животе не подготовленной к выходам в Астрал девушки, и сейчас у нас все получилось как надо. Опять подтвердилось, что я ничего не делаю просто так.

– Какие необычные ощущения! – восхищалась Вика. – Ты знаешь, Сережа, такое впечатление, что я одела какой-то толстенный нежно-пороллоновый комбинезон, у которого есть даже лицо!

– Слушай, у тебя очень сильные последствия после кровоизлияния, – поразился я, – как ты вообще могла видеть через такое громадное пятно!?

Я отшагнул от ее кровати в сторону, внимательно посмотрел ее глазами еще раз и ужаснулся:

– Кровавое пятно на расстоянии двух шагов закрывает изображение сантиметров на пятьдесят!

– Вот так, – только и сказала она.

– Ладно, это я сейчас же исправлю, – сообщил я, на несколько секунд сосредоточился, закрыл ее глаза, потом открыл их и обрадовал: – все чисто!

– Так просто? – не зная, как это проверить, засуетилась возле меня она.

– Ну, ну. Перестань, – успокаивал я ее.

Но она продолжала вертеться возле моего лица.

– Да прекрати же ты! – мне пришлось взять Вику за плечи и насильно отставить немного от себя.

– Дашь посмотреть? – настырно не унималась она.

– Потом! – строго сказал я.

Девушка еще попыталась прорваться через мои руки к своему лицу, которое сейчас было моим, но я крепко сдержал ее на месте.

– Угомонись! – убеждал я ее, как ребенка. – Поделимся впечатлениями потом. Медсестра уже идет по коридору в эту палату, я это отчетливо чувствую.

Я быстро надел халат и приказал ей:

– Лезь под кровать и лежи там тихо.

Только она успела это сделать, в палату молниеносно влетела старушка и напористо заговорила:

– Пора ушходить! – но осеклась, замолчала и внимательно осмотрела все вокруг.

Помещение было небольшим, но медсестра все-таки обошла его по кругу и обшарила своим наглым взглядом все углы, астрально я остановил ее позывы заглянуть под кровать.

– Где он? – раздраженно обратилась она к Вике, то есть ко мне.

– Кто? – как можно спокойнее ответил я.

Медсестра, блымкая глазками, задумалась, не зная, что сказать.

А я тем временем внимательно присмотрелся к ее энергетическим подключкам, к адресам, которые руководили ее поступками.

Сейчас у меня не было никаких земных привязок. А посему я мог делать что угодно так же, как и в Астрале.

Наконец старушка нашлась, истерично потребовала ответа:

– Где он, я тебя ширашиваю, твой шашхоль?

– Ушел, – выказывая совершенное безразличие к происходящему, ответила ей девушка.

– Как ушел? – опешив, словно переспросила саму себя та. – Когда ушел? Я ше вше время шидела в коридоре! Он не прошходил! – безумно тараща глаза, отчаянно доказывала она.

– Не знаю, не знаю, ушел и все. А почему вы его не видели – это ваша проблема! – равнодушно высказался я и агрессивно прикрикнул на нее. – Крыса!

Она попятилась от меня назад и присела на другую кровать, которая стояла напротив Викиной и была пустой.

– Ты шо? – трусливо заморгав глазками, спросила медсестра.

– Значит, так, – заговорил я откровенно мужским голосом, – тебе пообещали дополнительные годы, так я сейчас тебе устрою обратный отсчет, сокращу твою крысиную жизнь на десяток лет.

– Шо ты, детка.., – забеспокоилась старушка, – я ничего такого не знаю, у меня там еще уколы надо делать больным, я пойду, шхарашо?

В ней стремительно нарастал страх. Она, было, и в самом деле начала приподниматься с кровати, чтобы убежать из палаты, но я остановил ее.

– Сиди на месте! – грубо сказал я.

Она притаилась.

Я подошел к ней. Положил свою руку на ее темечко и безжалостно ввел в объем ее головы сильный поток безадресной, освобожденной энергии ветра. Мое воздействие протекало недолго. Этого было достаточно. Она замерла с открытыми глазами и больше не шелохнулась.

Нейтрализовав врага, я вышел из палаты в коридор и направился в комнату для курения, зная, зачем я туда иду.

Я вошел в курилку в физическом теле Вики. Единственное окно было открыто настежь. Из него валил дым на улицу. Несколько человек болезненно и умиленно болтали друг с другом и периодически затягивались едким дымом сигарет. Какой-то мужчина ютился посередине помещения на корточках и был закутан с ног до головы в тонкое шерстяное одеяло. Два молодых человека, один в зеленой рубашке и в черном трико, другой тоже в черном трико, но в темно-красной рубашке, сидели на стопке застарелых матрасов, уложенных прямо на пол у стены. Около окна стоял еще один молодой человек, у него были длинные, до плеч, волосы.

– А-а, – удивленно развел руки в стороны длинноволосый парень у окна, он первым увидел вошедшую девушку. – Вы тоже курите? – ехидно спросил он.

Двое молодых людей, сидящих на стопке матрасов, тут же обернулись ко мне лицом и заулыбались так,

словно Вика пришла к ним обслужить их по-женски. Они о чем-то шушукнулись и дружно хохотнули. Мужчина в одеяле комично запрокинул голову назад, чтобы тоже посмотреть на девушку, и едва не свалился на спину, еле удержался о пол руками. Все рассмеялись.

– Ты лучше сиди на месте, – злорадно рыгатнул в его сторону длинноволосый, – тебе уже поздно этим интересоваться!

Я молча подошел к распахнутому окну и встал возле него. Длинноволосый потеснился в сторону, выказывая вежливость, и бесцеремонно уставился на Вику оценивающим взглядом.

Я понимал, что не все люди в курилке реальны.

Дело в том, что любого из нас достаточно часто окружают пустышки. Я их называю люзами. Они создаются специально и выставляются на любом расстоянии, в любое место и в любом количестве и качестве, чтобы управлять нами. Люз может оказаться не только человеком, но даже предметом, камнем на дороге, деревом, животным, вспышкой ветра, конкретным чувством или мыслью, совершенно чем и кем только возможно представить.

Суть любого люза – зеркалить, отражать, возвращать. Люз – это ложный адрес в пространстве вокруг нас, настоящая иллюзия.

К примеру, стоит в магазине человек возле кассы, оплачивает продукты, а кто-то позади толкнет его, может, даже скажет какую-то провокационную фразу, мол, что ты топчешься, ну-ка, подвинься. Тот выплеснет энергию раздражения или гнева на обидчика, вслух или про себя, неважно. А его-то, на самом деле, обидчика, нет, это люз. Куда пойдет такой энергетический выброс? Естественно, вернется обратно к хозяину, как выпущенный бумеранг, который не достиг цели. Это все равно, что послать письмо по почте, когда адрес неправильный или адресат выбыл. Оно возвратится обратно. А растратится такой возвратный удар на болезни, проблемы, на всякого рода и вида негативы по жизни.

Работу люзов человечеству выдают за карму, мол, ты получаешь по заслугам, потому что, мол, плохо подумал или сделал.

Люз может пострадать от тебя, но, если ты ударишь не по нему, а по хозяину, которого определить простому смертному практически невозможно.

Люзов не подставляют только особо избранным, своим, которые смело ведут себя среди нас и позволяют творить какое угодно зло над людьми. За это их не наказывают, потому что им не подставляют люзов в это время, они бьют нас, конкретные адреса, им ничего не возвращается, нет перед ними зеркал. И не дождаться, что судьба им воздаст по заслугам.

Существование люзов тщательно скрывается от людей теми, кто их генерирует. Разные учения на Земле тысячелетиями навешивают человечеству лапшу на уши, типа, весь мир – это иллюзия. Таким образом прикрываются люзы, чтобы никто не догадался, что они есть. На самом деле не весь мир – иллюзия, а только люзы.

Христос попытался открыть тайну, намекнуть на существование люзов через свои заповеди, мол, ударили по одной щеке, подставь другую. То есть на зло отвечай добром и получишь добро. Христа за это казнили. Кстати, его заповеди, к сожалению, не являются полноценным выходом в борьбе с люзами, хотя бы потому, что практически невозможно искренне пожелать хорошее негодяю, который, к примеру, насилует твою дочь в твоем присутствии.

Какой-то человек, порою, мучается всю жизнь и гадает, отчего у него все наперекосяк. Ему и невдомек, что все его неурядицы от того, что рядом с ним люз, который может быть женой или мужем, другом или родственником, ходить на работу, даже рожать детей.

Если начались ужасы, особенно внезапно, надо срочно избавиться от люза, он обязательно неподалеку от вас. Может, нужно сорвать с потолка недавно купленную люстру и выкинуть ее в окно, ибо формы люзов непредсказуемы...

Я знал, что люзы создавали специальные ситуации вокруг Вики и Юры для генерации и накопления страхов, сомнений. Но мои друзья были сильными личностями, и потому их страхи и сомнения, хотя и возвращались к ним через люзов, но не в качестве конкретных проблем по жизни или в форме определенных болезней, а лишь как энергия, лишенная всякого смысла, которая была способна выплескиваться только в сильные повышения температуры физического тела, и не более того...

Дальше молчать в курилке мне было незачем. Требовалось начать общаться, чтобы все проявили себя, и устранить люзов, задача которых в настоящий момент состояла в том, чтобы поддерживать Викину болезнь со стороны среды.

– Сигаретка найдется? – вежливо улыбаясь, спросила Вика у длинноволосого.

– А как же! – спохватился тот.

Он торопливо вытащил початую пачку сигарет из накладного кармана своей серой рубашки, приспущенной поверх синего трико. Как-то неуклюже извлек сигарету, что еще одна, к ней прицепившаяся, упала на пол. Тогда он раздавил оброненную сигарету тапком.

– Что упало – то пропало! – прокомментировал он свои манипуляции.

Озабоченно улыбаясь, подал мне оставшуюся у него в руках сигарету и сказал:

– Курите, мы не возражаем.

Я взял ее, он щелкнул зажигалкой и вежливо поднес огонек мне, я прикурил.

– Кошмар какой-то! – огорченно заговорила девушка. – Замучила, блин, температура, с утра до вечера. А ночью вообще ужас!

– А что врачи говорят? – спросил мужчина, сидящий на корточках в одеяле.

– Да ничего толком! Все анализы в норме. Что со мной, просто не знаю! – посетовала она.

– Не расстраивайтесь, – добродушно сказал тот и поддержал, – возьмите себя в руки.

– И в ноги тоже! – гадко пошутил парень в зеленой рубашке, сидящий на матрасах.

Не обращая внимания на шутника, мужчина в одеяле рассказал свою историю заболевания:

– Я попал сюда позавчера. – с досадой заговорил он. – Пришел с работы и чувствую, что знобит меня сильно. Дома был один. Жена ушла в ночь на работу. Улегся под сто одеял, не проходит. Взял градусник, сунул под мышку, температура под сорок!

Не выдержал, вызвал скорую, приехали, забрали и привезли сюда. Воспаление легких! По шесть уколов в сутки, пять дней подряд. Сегодня вот только оклемался. Вылечат и вас.

– Да уж, вылечат! – ухмыльнулся молодой человек, который сидел на матрасах и был одет в темно-красную рубашку.

– Отчаиваться не надо, это верно! – вмешался его напарник по матрасам, в зеленой рубашке. – Ты помнишь соседку? – толкнул он краснорубашечника локтем.

– Вальку что ль? – отозвался тот.

– Ну, да, у нее же рак, – объявил многозначительно зеленорубашечник.

– Да ты что? – наигранно удивился парень в красной рубашке.

Подтвердил зеленорубашечник:

– Да-а, раковая больная, – и пояснил: – причем, она знает об этом. Пашет в какой-то фирме, получает приличные бабки и все спускает на лекарства. Уже лет пять борется, – выговорился он и усмешливо посмотрел на Вику, будто на свою соседку, больную раком.

– Борись не борись, а все равно подыхать, – подытожил парень в темно-красной рубашке.

Я понял, что пришло время действовать.

– Стоп-стоп, ребятки! – решительно я остановил этих молодых людей и спросил у них. – Это ваша соседка, так?

– Да, да, – в разнобой ответили те.

– Опаньки! – воскликнул девушка. – Значит, это ваша болезнь, ибо ваши проблемы не от вас, а при вас. – произнес я энергетическую формулу.

В следующее мгновение я увидел этих молодых людей в образе двух зеркал, которые совершенно не видят меня, то есть я в них не смотрюсь. Потом я осознал так же, но отдельными зеркалами, все их произнесенные слова. В своем воображении я представил, как парни-зеркала отражаются в своих словах-зеркалах. Получилась закольцовка, отражение, помноженное на отражение. Зеркало против зеркала.

И тут, прямо на моих глазах, физические тела этих парней начали светлеть и таять и вскоре совсем растворились, исчезли, будто их и не было в комнате для курения вовсе. Интересно, что длинноволосый так же испарился. Его не стало в курилке автоматически, как погибает сын или дочь, когда мать, которая являлась люзом, по каким-то причинам умирала. Длинноволосый был порождением молодых людей, что сидели на матрасах.

Мужчина, завернутый в одеяло, встал во весь рост и как ни в чем не бывало сказал:

– Ладно, покурил, пойду полежу немного, а то сквозит здесь, – он обратился только к Вике, и по всему его виду было понятно, что для него тех молодых людей, которых он вроде бы как уж несколько дней знал, словно и не было никогда. Создавалось полное впечатление, что он находился один в курилке, когда в нее вошла Вика. Мужчина ушел к себе в палату.

Я выкинул окурок в окно и тоже покинул курительную комнату.

Я знал, что делать дальше. Так, пройдя по коридору, я свернул в дверь, которая вела на лестничную площадку, и начал спускаться вниз по лестнице. Тут я почувствовал, как температура Викиного тела понизилась, она явно начинала приходить в норму, ибо я отстегнул уже немалое количество логики люзов. Девушка выздоравливала.

Когда я опустился на нижнюю площадку, навстречу мне выпагнула из коридора первого этажа какая-то девушка-медсестра.

– А вы это куда направились? – настойчиво потребовала она ответа и приказала: – Сюда спускаться нельзя, сейчас же вернитесь в свою палату!

Вика, выказывая покорность и согласие, попыталась оправдаться:

– Я только хотела спросить, не приходил ли мой муж?

– Что там такое? – неожиданно послышался начальствующий голос с лестничной площадки второго этажа.

Я посмотрел наверх. Там стояла лечащий врач Вики, женщина лет за пятьдесят, невысокого роста, плотненькая, рыжеволосая, с умиротворенно притворным лицом.

– Вот, нарушитель у нас объявился! – донесла на Вику медсестра.

– Понятненько, – сонливо и вкрадчиво определила ситуацию врач и сделала вид, что задумалась, как поступить с нарушительницей.

Я почувствовал, что она готовится к попытке построить в сознании Вики очередную гадость. Она была не люзером, а умышленной сволочью. Я приготовился дать отпор.

– А что, на вас, девушка, расписание больничного дня не распространяется? По всей больнице тихий час! – ядовито укорила она.

Вика пожаловалась ей, выискивая сочувствия:

– Простите меня, пожалуйста, так получилось. Переживаю, температура замучила, Какой-то кошмар!

Та специально выдержала паузу и вкрадчиво произнесла:

– Вы вот, насколько я знаю, мистикой с мужем интересуетесь, магией, так?

«Ну, все! – подумал я. – Сейчас проявится по полной», и она проговорила свое:

– Вам надо знать, что нельзя говорить три слова: «Господи, прости! Кошмар! Рак!» – довольная собственным поступком, врач злорадно улыбнулась.

Враги знали, что любой страх – это магнитирующая в себя пустая яма, готовая в любой момент заполниться чем угодно, принять любую форму, к примеру, неизлечимой болезни. Исподволь определенная масса страха постоянно поддерживалась в сознании Вики и Юры через люзеров.

Теперь же, учитывая то, что чувство неправоты или вины всегда вызывает энергию страха, достаточно было строго окрикнуть пациентку, мол, ты что тут делаешь, быстро к себе в палату! И у той обязательно возникнет страх, хотя бы потому, что она неправа, а значит, в этот момент откроется доступ к накопленной ранее энергии страха вообще.

Слово «кошмар» было поставлено врачом в середину неспроста, девушка часто произносила его в тех случаях, когда выказывала свои сомнения и беспомощность. Оно олицетворяло в ней ключ от ямы страха. Врач зацепилась за него, использовала как транспорт для внедрения логики неизлечимой болезни.

Чтобы Вика отдала ключ, фраза «Господи, прости!» прозвучала первой, в качестве одновременно отвлекающего внимание и располагающего к доверию элемента, который говорил о том, что доктор тут ни при чем, она просто не может сказать ей правду.

Враги также знали, что, если яме страха дать имя, энергия страха станет материализовываться в реальности. Вот почему заключающие слово «рак!» было поставлено в конце.

Все выглядело, как на рыбалке. «Господи, прости!» – приманка, «кошмар» – червяк, а «рак!» – крючок. Клюнул – пойман.

Какой благородный врач, надо же! Благодетель, который, хоть и нельзя говорить, но исподволь все же намекнул о болезни. То есть у Вики «рак!», и потому у нее температура столько месяцев подряд.

Кроме того, врач специально стояла на площадке вверху, над головой девушки, и произносила внушение сверху вниз, ибо пространственное расположение в таких случаях играет не последнюю роль.

Это было профессионально посеянное построение на заранее подготовленную почву.

Расчет был на то, что все пройдет гладко, но не ожидали враги одного: что в теле Вики был сейчас я и встретил их нападение во всеоружии. Я не проявил никаких чувств, никакого страха, потому что был

совершенно не привязан к Викиному телу, оно не было моим.

– Жаль, – сказал я, обращаясь к врачу.

– О чем «жаль»? – поинтересовалась та, приостановив на своем лице очередную умиленную улыбку.

– Жаль, что вы произнесли все три запрещенных слова. Ведь согласитесь, что сказать только одно слово «кошмар» – это исправимая ошибка, тем более, что я не обращала на его запрещенность никакого внимания. Оно для меня не запрещено. Это вы сказали и знали о том, что оно запрещено. Следовательно, оно было и есть запрещено для вас, у вас, но не у меня. Вы произнесли все запрещенные у вас три слова подряд – это уже не исправимо. Срочно сдайте соответствующие анализы и флюорограммы. Вы больны раком.

– Что вы несете! – возмущенно выкрикнула врач. – Немедленно вернитесь в свою палату! – попыталась она прикрыться полномочиями, но было видно, как она сильно испугалась про себя.

– А вы идите сюда и помогите мне подняться. Разве это не ваша обязанность? – спокойно предложил я.

Врач спустилась вниз по лестнице и озлобленно наорала на Вику:

– Что вы капризничаете, вам что, настолько плохо?

– Нет. Я чувствую себя хорошо, – скромно ответила та и внезапно взбежала на площадку второго этажа.

Она сделала это так быстро, что врач не успела ничего предпринять и сказать, как девушка уже оказалась над его головой.

– Теперь я себя чувствую по-настоящему хорошо! – выкрикнула задорно она и тут же скрылась в коридоре.

Врачу пришлось услышать ее слова о том, что она здорова, взирая снизу вверх. Построение разрушилось!

Стремительно я прошагал в палату подруги и торопливо вошел в нее.

– Быстренько вылезай. У нас опять мало времени, надо успеть поменяться телами и уходить отсюда

немедленно, – потребовал я, наклонившись к полу и заглядывая под кровать.

– А как же температура? Я больна, Сереж? Мне же надо лечиться... – выбираясь из своего укрытия, переживала Вика, напуганная моим скоропалительным настроем к немедленным действиям.

Перейдя на более ласковый тон, я терпеливо попросил:

– Ложись на кровать.

Через пару минут мы уже оба были в своих физических телах, я – в своем, а она – в своем. Вика прилично удивилась тому, что температуры у нее не было.

– И в глазу все чисто! Я хорошо вижу! – обрадовано, даже подпрыгивая от счастья, говорила она, кинулась мне на шею и обласкала мое лицо многочисленными поцелуями. – Спасибо тебе, Сережа! Твои способности уникальны, ты настоящий Друг! – заклинающе, не веря открывшемуся благополучию, тараторила она.

– Я рад, что ты счастлива и здорова, – признался я.

Старушка продолжала молча сидеть на кровати и безумно таращить глаза в пустоту. Вика обратила на нее внимание.

– Что с ней будет? – жалобно спросила она.

Я пояснил:

– Думаю, скорее всего, дня на три она угодит в психушку. Потом придет в себя. Возможно, ее оттуда выпустят. Но вряд ли она когда-либо еще будет работать медсестрой.

Мы не стали уходить из больницы через коридор по лестничной клетке. А поскольку это был всего лишь второй этаж, мы связали два одеяла в канат, прикрутили его к батарее и кинули в открытое окно. Взобрались на подоконник, осторожно спустились вниз, вначале по одеяльному сооружению на ветровой козырек крыльца, потом по решетке на окне первого этажа. Спрыгнув на асфальт, мы поспешили покинуть территорию клиники и выскочили на улицу.

Вскоре мы шли уже по двору, где находился дом Боживых. Вику окликнули:

– Здравствуйте! – это хрипловато выразил свое приветствие сидящий на скамеечке одноногий алкоголик.

– Вот он, нарисовался уже, – находу шепнула мне Вика.

Понимающе я, кивнув ей в ответ, искоса глянул в сторону алкаша, отчего тот неуклюже съежился.

Мы скрылись в подъезде, но тут на нас чуть не налетел мужик, которого я проименовал боксером.

- Здравствуйте, Вика! – сказал он, любезно уступая нам дорогу.

– Здравствуйте, – вынужденно ответила она.

– Прямо-таки с ног сшибают. И второй тут, как тут. Будто поджидают, гады! – пробурчала подруга, когда мы уже поднимались по лестнице вверх.

У двери в квартиру она остановилась. Было видно, как ее охватили какие-то переживания.

– Я даже не знаю.., что я скажу Юре? – растерялась она.

– Смелее, все хорошо, – твердо поддержал я.

Когда Юра открыл нам дверь, его удивление тут же предложило сбегать за бутылочкой. Я неодобрительно покачал ему головой, и друг отказался от этой затеи.

Виртуальный пробел

Вчера я успешно приступил к сражению за своих друзей. Для его последовательного продолжения требовалось освободить Юру от нелепого увлечения спиртным и навести порядок в школьных отношениях Оксанки.

Я анализировал ситуацию. Информации для помощи Боживу у меня было предостаточно. Но, чтобы полноценно посодействовать Викиной дочери, требовались дополнительные факты. И я их собрал.

По существу, Оксанку просто вытравливали из класса на основе именно веры. Классный руководитель раздала всем детям книжки Библии и откровенно заявила, что для нее не существует никаких других праздников, кроме христианских. Опираясь на некоторых, заранее подготовленных родителей, она, в присутствии учеников, оскорбляла и унижала «нерадивую» ученицу на занятиях. Навязывались христианские мотивы жизни и все остальное не просто отрицалось, а старательно уничтожалось на корню или выдворялось за пределы школы.

Однажды, когда потребовалось написать любимое стихотворение на одном из уроков русского языка, Оксанка написала стихотворение своего отца. Учительница возмутилась и объявила, что та зомбирована и глупа. А когда за нее заступился ее товарищ по классу, сказав о том, что каждый имеет право любить своего отца, классный руководитель тут же поставила ему двойку за плохое поведение. Вообще, она делала, что хотела. К примеру, запросто могла занижать баллы по любым предметам.

Параллельно кто-то повадился воровать тетрадки Оксанки и исправлять в них одни отметки на другие. А когда Вика обратилась с просьбой разобраться, что происходит, то обвинили ее дочь, мол, никаких краж нет, ученица сама исправляет оценки.

Как-то, при выходе из школы, девочку сбили с ног, и она сильно ударилась о бетонный пол головой.

Юра возил ее в травмпункт, в котором даже не хотели делать флюорограмму, несмотря на сотрясение мозга. Городок небольшой, и, по всей вероятности, многие уже были в курсе событий и поддерживали гонения иноверцев. Когда же Божив вежливо и тактично попытался получить объяснения в школе по поводу случившегося, то классный руководитель встала в позу протестанта и заявила: «Я не войду в класс, пока там ваш ребенок, мне не нравится то, чем вы занимаетесь!». С трудом, через директора, который исподтишка поддерживал огонь в ситуации, удалось восстановить обучение. Правда, в отместку, всему классу было объявлено, чтобы с Оксанкой никто не разговаривал, ослушника ожидает двойка за поведение. То есть, по существу дела, организовывалась дедовщина против ребенка, который вообще ни кому не мешал, помехой были родители, вернее, их род занятий.

Классный руководитель постоянно экскурсировала детей по всевозможным храмам и церквам. Никогда не приглашала Юру и Вику на родительские собрания, проводила их тайком. А когда Оксанка заболевала простудой, она старалась скорее давать новый материал и как можно больше, чтобы ненавистная девочка отстала от школьной программы.

История ученичества Викиной дочери походила собой больше на классовую борьбу, нежели на получение знаний.

Оксанку колотили, оскорбляли, и вся эта зараза уже начинала распространяться и на всех соседей семьи Боживых по дому и двору. Все пристально косились на них. Вика и Юра пребывали в отчаянии, они не знали, что делать в таком положении.

За всем этим незримо, конечно же, стоял Остап Моиссевич.

Школьный шлейф

Мои энергетические отношения с друзьями стали гораздо яснее и доверительнее, и потому сегодня мне не составило никакого труда позаимствовать у Юры его физическое тело.

В нем я покинул квартиру Боживых, спустился по лестнице на первый этаж, неторопливо вышел из подъезда. Странно, но ни одного из ожидаемых алкоголиков не явилось мне навстречу. Я несколько раз возвращался в подъезд и снова выходил из него во двор, терпеливо поднимался и опускался по лестничной клетке, но все было тщетно.

Проделав так, наверное, раз десять, я понял, что Юру зацепили глубже, чем я предполагал. Алкаши реагировали уже не на его предметное тело, а на душу.

В физическом теле Божива сейчас были астрализованы мои кости. А скелет человека — это вместилище его астрального тела, никто об этом не ведает, даже супер-астральщики. Мы живем в наших костях, из них управляем телом, они и есть мы, материализованная сущность. «Были бы кости, а мясо нарастет» — поговорка, существующая неспроста. С ее помощью истинное знание хранится и передается устами профанов из поколения в поколение. Я первым на Земле осознал истинное предназначение костей, что до сих пор еще не знает ни один ученый. Огромное количество школ на Земле, включая йогу, занимаются мясом, но не костями. Они не преподают главного — первородный навык управления собственным скелетом, а значит, собою. Научившись управлять костями, человечество сможет стать бессмертным.

Короче, алкаши не реагировали на меня.

«Боживу придется самому проделать отрыв от них, а я буду рядом и помогу», – подумал я и отложил решение проблемы со спиртным до завтра.

Не тратя времени, я уверенно зашагал на помощь Оксанке. Оказавшись неподалеку от ее школы, я не стал заходить внутрь здания, а присел на лавочку в

крохотном сквере, который разделял проезжую часть улицы пополам. Я сосредоточился и через пару минут, энергоментально, в пространственных ощущениях, оказался в нужной аудитории. Там, чтобы обзорнее наблюдать за происходящим и видеть учительницу со спины, я принял форму классной доски.

Я появился вовремя, намечалось проведение мероприятия, которое как раз можно было использовать, для экстренного наведения энергетического порядка и справедливости.

Классный руководитель, женщина маленького роста, совсем без фигуры, около шестидесяти лет на вид, с черными, подстриженными под мужчину волосами на голове, гипнотически произнося слова, вела урок природоведения. На ней была надета серая юбка длиною намного ниже колен и черная блузка, поверх которой на толстой золотой цепочке висел большой крест размером сантиметров пять.

Она важно похаживала перед детьми ласковой коброй с прогнутой грудью вперед, будто ее кто-то однажды, приятно и поощрительно погладил по спине, и она забыла выпрямиться.

Ученики слушали учительницу в какой-то неестественной, принудительной полудреме, так что казалось, еще немножко, и они раззеваются или же заплачут и запросятся домой к папе и маме. Было заметно, их подсознательно пугал этот человек, но они не имели выбора.

Я наблюдал. В следующее мгновение учительница обнажила иной тон в голосе, она торжественно обратилась к ученикам:

– А теперь, детки, достаньте каждый свою бутылочку со святой водой, которую мы с вами набрали в Храме Христа Спасителя на прошлой неделе, помните?

– Да-а, – вяло согласились ученики и стали шелестеть пакетами и греметь портфелями, ранцами, ерзать на стульях.

Они доставали принесенные емкости с водой, которые каждый должен был обязательно иметь сегодня

при себе. У Оксанки святой воды, естественно, не было. Учительница полностью лишила ее права участвовать во всех общественных мероприятиях, отстранила от коллективных посещений театра, цирка, парка, кино и тому подобного за то, что девочка смела не ходить со всем классом в святые места.

– А ты, гм... – запнулась учительница и, подождав немного, пока все ученики обратят свое внимание на Оксанку, пренебрежительно произнесла, – так сказать, Божива.., посиди и поучись уму-разуму, нормальному поведению, раз тобой соответствующе не занимаются твои родители.

Все дружно хихикнули.

Учительница строго осмотрела свои владения, ученики замерли. И вот ее взгляд остановился на любимчике Кирилле.

– Умница, Кирилл! – воскликнула она. – Ты принес святую воду в такой фигурной и красивой бутылочке, дай мне дневник, я поставлю тебе пятерку за поведение.

Мальчик (естественно, он был отличник) испытывая собственную важность, незамедлил выполнить приказание преподавательницы, которая с восхищением на лице вывела шариковой ручкой обещанную пятерку и обратилась ко всему классу:

– Детки, берите пример с Кирилла – достойный мальчик, и учится хорошо, и в Бога Верит! И никогда не разговаривайте, и не имейте дело с такими, как.. Бо-о-жива! – она самодовольно глянула на Оксанку, брезгливо поморщилась, выказывая тем самым презрение так, словно от девочки дурно пахло.

– Безбожница! – негромко выкрикнул Кирилл, уже успевший вернуться на свое место.

Оксанка, которая сидела тихо и скромно, могла вот-вот расплакаться, но сдержалась. Она уже научилась оставаться озорной, приветливой, смышленой и подвижной девочкой в подобных случаях.

– Не надо, Кирилл, – благодарно кивнув любимчику головой, учительница пояснила: – она и так скоро уйдет из нашего класса, и я... – она немного подумала и спросила у всего класса: – мы все вздохнем

с облегчением, не так ли, детки? – но ученики промолчали в ответ. Тогда учительница настойчиво переспросила их во второй раз: – Вы обрадуетесь, если от нас уйдет Оксана?

– Да-а! – хором оранули достаточно громко ребята, словно кутенок, гавкнувший от удара хозяина, от удара, который был нанесен в качестве наказания за невыполнение команды «голос». Учительница осталась довольна результатом своей дрессировки.

Страшное дело, подумалось мне, эта женщина ратует за христианство, а совсем недавно, я все считал уже энергетически о ее прошлом, она так же боролась за партию, октябрят и пионеров и ненавидела религию.

Человеку, который работал после окончания школы на небольшом заводе в качестве обыкновенного секретаря и только в двадцать восемь лет закончил заочно педагогический институт, доверяли на протяжении еще неменьших лет коверкать судьбы детей, выдавать на-гора, поставлять в жизнь страны лицемеров, подлиз, гордецов и прочих негодяев.

Мне сейчас вспомнились слова Божива, когда мы с ним в первый раз обо всем этом беседовали у него дома:

«Да пусть лучше вообще будет не хватать учителей, но оставшиеся будут настоящими людьми, да и зарплату станут получать повыше! Пусть лучше классы будут по пятьдесят человек, но дети будут при хороших людях, чем классы по двадцать и такое обучение!».

Сейчас все ученики, ожидая дальнейших приказов, следили за передвижениями учительницы по классу, которая неторопливо прошлась от своего стола к двери и обратно.

– Детки, – спросила она, – кто скажет, как называется молитва, которую нам оставил Христос? – она бдительно наблюдала, кто поднял руки, а кто нет, потом улыбнулась любимчику. – Кирилл! – обратилась она к нему. – Скажи всем, как называется эта молитва?

– «Отче Наш»! – бойко подскочив на месте, выпалил тот, как выкрикивали в свое время в этом же

классе другие некогда учившиеся здесь пионеры «всегда готов!».

– Правильно, Кирилл! Умница! Садись на место, – радушно похвалила его учительница. – А теперь, – сказала она, – я продиктую вам эту молитву, а вы красиво и без ошибок, я потом всех проверю, запишите ее в свои тетрадки по природоведению на оборотной стороне обложки, вот сюда, – учительница схватила первую попавшуюся тетрадку у близсидящего от нее ученика, разлистнула ее и показала то место, куда требовалось записать молитву. – Поняли, куда?

– Да-а! – подали голос ученики.

Она с наслаждением и расстановками продиктовала молитву, дети приготовились к очередной команде.

– А теперь, – строго объявила она, – все вместе, повторяя за мной и посматривая в свои тетрадки, стоя, прочитаем молитву Христову вслух. А ты.., Божива.., – надменно посмотрела она в сторону Оксанки, – встань и тоже постой.

Оксанка тут же встала, хотя все остальные ученики еще сидели на своих местах, отчего преподавательница замешкалась на секунду, потом раздраженно оранула на весь класс. – А вы почему сидите, быстро встали!

Дети тут же послушно и шумно повскакивали со своих мест.

Она начала произносить молитву, ученики громко повторяли за ней, заглядывая в тетрадки.

Когда читка закончилась, дети покорно остались стоять в ожидании новых команд.

– А теперь, детки... – продолжала муштру учительница, – осторожненько, чтобы не пролить святую водичку на столы, откройте свои бутылочки.

В классе началась возня. Вдруг один мальчик, заигравшись, выдернул у своей соседки по столу бутылочку с водой, и бутылочка упала на пол. Из нее вылилась небольшая лужица святой воды прямо на паркет. Организовалась немая сцена.

Девочка, которой принадлежала бутылочка с водой, стояла вся побелевшая от страха перед готовящимся гневом учительницы. Мальчик вообще весь сжался

в комочек и притаился, он от страха старался задерживать дыхание. Все ученики выражали на лицах неодобрение и молча поглядывали на учительницу, выказывая таким образом свое осудительное участие. Оксанка боялась даже мельком взглянуть в сторону случившегося, чтобы лишний раз не обнаружить свое присутствие в классе и не получить какого-нибудь очередного пинка.

– Антон! – наконец-таки истерично выкрикнула учительница имя натворившего это безобразие мальчика.

Тот покорно опустил голову и приготовился к наказанию.

– Дай мне немедленно свой дневник! – потребовала она, всем своим видом предвкушая наслаждение от расправы.

Мальчик услужливо и быстро вытащил дневник из своего ранца, быстро его поднес, перепугано положил на учительский стол и вернулся к себе.

– Я ставлю тебе единицу за поведение! – нервно, но гордо и показательно для всех произнесла преподавательница.

Затем она наспех разлистнула дневник и с наслаждением садиста выцарапала толстенным фломастером огромную и корявую красную единицу так, словно жертвенно пустила кровь.

– Все! – сказала она и, словно палач, раскатисто объявила окончание казни. – Выйди из класса, – велела она Антону, – и останься стоять в коридоре!

Мальчик скорее выбежал из аудитории.

– И ты, Настя! – вспомнила она о девочке, бутылочка которой упала на пол и разлилась. – Дай мне свой дневник, я тебе поставлю двойку за поведение, чтобы ты впредь вела себя более бдительно.

Ученица поднесла дневник, ожидая его возвращения, стояла рядом с преподавателем. Та посмотрела на нее и злобно рявкнула:

– Не стой возле меня, как истукан! – Настя передернулась в плечах. – У тебя есть чистый носовой платок? – угрожающе спросила учительница.

Девочка в ответ молча покачала головой, выказывая тем самым, что у нее нет чистого носового платка.

– Ладно, неряха... – разочарованно сказала учительница и полезла в свою сумочку стоявшую у нее на столе, поковырялась там, вытащила чистый носовой платок, подала ученице.

– На-ка, возьми вот. Немедленно пойди и аккуратно промокни пол. Как не стыдно, пролить святую воду!

Настя взяла платок, подошла к луже, присела на корточки и стала протирать пол под пристальным присмотром учительницы.

– Я же сказала тебе не протирать, а промокнуть! – недовольно прикрикнула та.

Ученица промокнула пол и осталась стоять у своего места с мокрым платком в руке.

– Истуканша, – съязвила преподавательница, – дневник заберешь на перемене.

Настя с опущенными глазами облегченно и как можно незаметнее перевела дыхание.

Учительница выдержала многозначительную паузу и обратилась ко всему классу.

– А теперь, детки, я разрешаю вам отпить понемно-о-жечку из ваших бутылочек святой воды. Не торопитесь, пейте аккуратно. – Дети стали брать в руки каждый свою бутылочку и, осторожно прикасаясь губами к горлышкам, отпивать воду.

Преподавательница дождалась, пока все выполнят ритуал, и, монотонно внушая, на едином дыхании, проговорила:

– А теперь, поставьте бутылочки на свои столы и закройте их пробочками и уложите бутылочки обратно в свои портфели и ранцы, только делайте это все не спеша, детки.

Я почувствовал, что весь это спектакль завершается, до перемены оставалось минут пять, не больше. Я вспомнил, зачем я сюда явился и что пришла пора предоставить этой учительнице получить то, что она и заслуживает по своей природе.

У меня даже в мыслях не было самому ее наказывать. Это было ни к чему, да и не в моих правилах. Для этого, имелись ее отвратительные заслуги, которым сейчас и предстояло сработать.

Ведь она уже накопила достаточное количество негативной энергии.

В каждом человеке всегда есть в наличии как положительные потенциалы, так и отрицательные. Отсюда его жизнь складывается так или иначе, в зависимости от того, что перевешивает в нем, дурное или хорошее. То есть: накапливается отрицательная энергия, а тратится положительная, либо наоборот. Среда этой женщины, в основном, поддерживала ее христианские капризы, а значит, она получала удовольствия и тратила только положительную энергию. Я понимал, что учительница, как аккумулятор, была сильно заряжена отрицательной энергией, которая была способна ее наказать, стоило только дать ей ход.

Ведь если какой-то человек будет в некой среде совершать невежество, а все вокруг будут ему потакать, либо ненавидеть, сопротивляться ему, то такой плохой человек будет жить себе, благополучно совершая гадости окружающим без обратных наказаний. Что и удавалось учительнице, потому что ее поддерживало большинство в школе, пусть даже и на основе страха, зависимости. С ней пытались бороться, но никто из ее окружения даже не задавался вопросом увидеть ее в злодеяниях нейтрально.

Бесспорно, что она, даже плюсуя к ней все положительные стороны веры, за которую ратовала в школе, все равно накопила приличную массу гадостной энергии. Хотя бы потому, что поступала скверно относительно Оксанки и ее родителей, а так же по отношению к ученикам ее класса, которые, несмотря на какой-то положительный христианский образ жизни, все-таки получали отрицательный опыт, и его можно было озвучить так: «Убей одного, чтобы всем было хорошо». Это ли не нарушение Заповедей?

Я обьявился в классе только для того, чтобы вскрыть отрицательный нарыв, и не более, без конкретных вмешательств.

Мне были не безразличны друзья, Вика и Юра, их дочь, Оксанка, а посему я автоматически становился для учительницы человеком из ее окружения. От меня требовалось малое – увидеть поступки этой женщины,

совершенно без отношений с моей стороны, и наказание должно было произойти автоматически. Это я умел делать на «отлично».

– А теперь, детки, сказала учительница, – я тоже, как и вы, выпью святой водички.

Она сейчас же полезла к себе в сумку и извлекла оттуда свою бутылку с водой и ловко откупорила пробку.

«Пора, – подумал я, – самый подходящий момент».

Плавно я перешел на полное безразличие к этой женщине, к ученикам ее класса, к Кириллу и ко всем остальным, даже к Оксанке и к ее родителям и вообще ко всему, что мне было известно и знакомо в этой связи. В этот миг я превратился в посредника, в обыкновенного зеваку, проходящего мимо, в искреннего, откровенного наблюдателя, и не более того, то есть сгруппировался в абсолютное зеркало, такими бывают юродивые, почему их все и боятся.

Учительница отпила немного святой воды из своей бутылочки, поставила ее на стол рядом с пробкой.

– А теперь, – заговорила было она далее, но тут же осеклась и затаила свое дыхание.

В следующее мгновение изо рта, из носа у нее потекли кровяные струйки. Среди учеников начался суетливый переполох. Дети вскакивали со своих мест и опрометью убегали из класса.

Учительница стояла, не понимая, что с ней происходит. Кровь у нее лилась и лилась, словно змейками выползала из нее.

Это продолжалось с минуту. Потом она захрипела, рухнула на пол и замерла

Я не ожидал, что этот человек настолько провинился, что заслужил такой ужасной и прилюдной смерти. Но она сама совершила все это. Я просто увидел ее вовремя и правильно. Этого было достаточно. Я был правильным энергетическим свидетелем, и не более того.

Я удалился из класса, возвратился своими чувствами и пространственными ощущениями в физическое тело Юры Божива, на лавочку в сквере. Дождался, пока

из школы выбежит ошарашенная произошедшим Оксанка, взял ребенка за руку и решительно повел домой.

Мы шли очень быстро и молчали. Девочка постоянно всхлипывала и вся дрожала.

Я думал: «Люди пьют святую воду и корыстно направляют своим сознанием ее влияние только себе в угоду!

Сегодня же состоялся прецедент, который открыл новый закон в сознании человечества.

Теперь достаточно какому-то человеку на любом расстоянии видеть со стороны и в нейтральном состоянии, как, кто-то святотатствует, пьет святую воду, до этого не очистившись от грязных помыслов и желаний своих, и действие святой воды будет обратным, наказывать такого нечестивца, попирающего Заповеди Христа.

Хорошо бы осознать многим, что прежде, чем пойти помолиться в храм или попить святой воды, совершить какое-то таинство или же принять в нем участие, каждый верующий должен много раз подумать о том, а не накажет ли он себя так? А может, прежде, чем войти в храм или попить святой воды, требуется вначале очиститься в помыслах своих, в желаниях, сделать много добрых дел? Тогда останется мало верующих на Земле, но они будут истинными, и Остап Моисеевич не сможет воздействовать на них. Подавляющее большинство псевдоверующих пытаются отмывать свою грязь святой водой, совершенно не очистив душу. Этому положен конец».

Я вел Оксанку домой, неожиданно я осознал в себе голос. Я его не слышал, только понимал чувствами, это был Его Голос:

«Истинно говорю, я переосмыслил все религиозные таинства. Отныне не праведным нет защиты от Меня».

Мне было немного жутко.

«Сказано же, что человек «не ведает, что творит», – подумал я и задал себе вопрос. – Сам ли я сегодня оказался в школьной ситуации или же мною руководил Он?».

Алкогольный шлейф

Я посоветовал друзьям перевести дочь в другую школу, и они согласились со мной. У Юры еще сохранялись незначительные скачки температуры, но он уже выглядел повеселевшим, в нем просыпался воин. У Вики больше не было всплесков жара, правда, оставались некоторые переживания насчет мужа, его увлечения спиртным.

Этим утром я и Божив скоро позавтракали, быстро собрались и решительно покинули квартиру. Мы спустились по лестнице вниз на первый этаж и с прицеленной сосредоточенностью наперевес, все детали которой скрупулезно продумали еще вчера, уверенно шагнули во двор. На улице сегодня было пасмурно, царило какое-то болезненное солнечное освещение. Солнце напоминало горькую таблетку.

На лавочке, метрах в десяти от нас, уже сидел алкаш, которого я прозвал боксером. А из противоположного подъезда (дом изображал из себя букву «П») выскочил второй алкоголик, который, нервно перебирая костылями и волоча единственную ногу, тут же подковылял к нам.

– Привет! – выказывая активную заинтересованность в его адрес, первым сказал Юра.

– Здравствуй! – поспешно отозвался тот и засуетился на месте, выискивая костылями безопасные точки на выщербленном асфальте, чтобы не свалиться.

– Как дела? – поинтересовался у него мой друг.

– Хоть на бутылку бы пива где-нибудь достать, – посетовал он и спросил: – У тебя нет? Займи рублей десять!

– Вот видишь, как плохо, что сосед отсюда съехал, не правда ли? – нашелся Юра.

– Какой сосед? – растерялся тот.

– Возле меня жил, забыл уже что ль? – подсказал Божив.

– А-а! Да-да, – полубеззубо заулыбался алкаш и тоскливо высказался. – Хороший мужик. Всегда помогал.

Он грустно осмотрелся по сторонам, жалобно заглянул в глаза Боживу и снова спросил:

– Может, выручишь?

Мой друг промолчал и только улыбнулся.

Тогда алкаш нагловато, буквально почти потребовал:

– Умираю совсем, дай хоть десять рублей!

– У меня на это денег нет. Я не сосед, – ловко ответил Юра.

– Будь же ты человеком, червончик всего, а? – взмолился алкоголик.

– У меня свой уклад жизни, а у тебя свой, – деловито пояснил Юра. – Ты должен знать, в реестре моего семейного бюджета твое пиво больше не значится.

Пока одноногий, выражая недоразумение в глазах, не знал, что сказать, Божив свободно из без стеснения крикнул сидящему на лавке боксеру:

– У тебя есть десять рублей?

– А-а? – откликнулся тот, не понимая, что от него хотят, вскочил с лавочки и быстрыми шагами метнулся к нам, возможно, надеясь на то, что мы все вместе соображаем на выпивку.

– Здоров! – бодро поприветствовал его Юра.

– Здравствуй! – спешно поздоровался тот.

Что интересно, на меня алкаши вообще не обращали внимания. Для них я был неким неясным пятном, инородным фоном, который заметно сковывал их разговор с Боживым.

Мой друг в серьезном тоне задал вопрос боксеру:

– У тебя на пиво есть?

– Нету, – опешил тот, потом опомнился и спросил: – А ты что, выпить хочешь?

– Нет, вот он хочет! – кивнул головой на одноногого Божив и добавил. – Он тут соседа вспомнил. Сказал, что тот выручал всегда, когда невмоготу было.

– Какой сосед? – поинтересовался боксер у Божива.

– Да вот у него и спроси! – снова кивнул головой в сторону одноногого Юра.

– Какой сосед? – требовательно переадресовал свой вопрос боксер с Божива на одноногого.

– Володька! Геодезист! – нервозно ответил тот так, словно собутыльник заподозрил его в чем-то нехорошем.

– А он что, здесь? – обрадованно спросил у одноногого боксер.

– Да нету его! Просто вспомнили! – озлобленно ответил тот.

– Вам повезло, ребята! – торжественно заявил Юра.

– В чем это? – удивился боксер.

– Щас... – сказал Юра и полез к себе в задний карман брюк.

Вытащил оттуда двадцать тысяч рублей четырьмя бумажками по пять и протянул их обоим алкоголикам. Его рука с деньгами оказалась строго между ними, на одинаковом от каждого из них расстоянии.

– Держите! Это ваши! – равнодушно произнес он.

– Да ты что?! – воскликнул боксер, выхватил купюры из руки Божива и, взволнованно наливаясь черным багрянцем в шее и в лице, отчетливо подмигнул одноногому, потом, было, открыл рот, желая что-то сказать.

Но мой друг не дал ему это сделать и распорядился:

– Это вам обоим от вашего соседа.

– От Володьки? – протиснул к Боживу свой вопрос одноногий и вытаращил глаза, ожидая ответа.

– От него, – разворачиваясь уходить, безразлично ответил Юра.

– Спасибо ему передай! – спохватился боксер.

Мой друг приостановился, отрицательно покачал головой и высказался на этот счет:

– Сами и скажите, а заодно и его жене

– Почему ей?! – удивился одноногий.

– Это ее инициатива помочь вам с деньгами, – ловко перенаправил изумление алкаша на жену соседа Юра.

– Во, как! – сверкнул глазками от удовольствия тот, испытывая собственную значимость.

– Молодец, Ирка! – поддержал боксер и, почесав затылок, спросил. – А когда же они передали?

– Давно, – коротко ответил Божив.

– А что же ты сразу... – попытался высказать претензию тот.

– Дома лежали. Сегодня избавился, как вспомнил, – опередил его мой друг.

– Спасибо тебе, Юр! – подлизываясь похвалил одноногий.

– Ваше спасибо мне некуда ставить. Сплошные дела, – быстро проговорил Божив и отрезал. – Конец связи.

Алкоголики начали срочно разговаривать о своем.

А мы тем временем стремительно ушли прочь.

У друга с собою было родительское заявление на предмет перевода Оксанки в другое учебное заведение города на основании вчерашних событий в классе. Когда мы оказались возле школы, он направился в нее один. Я же решил подождать его возвращения прогуливаясь все в том же сквере напротив.

То и дело под мои ноги попадалось собачье дерьмо, словно специально уложенное аккуратными кучками.

Болезненное солнечное освещение постепенно начинало развиваться, и все чаще солнце жарко и жестко прорезалось многочисленными лучами сквозь серую дымчатость неба и переставало напоминать горькую таблетку.

Я был весьма доволен тем, что все задуманное относительно отрыва Юры Божива от алкоголиков сегодня прошло как надо.

Мой друг сделал все правильно и никого не обманул, сказав алкашам, что деньги не его, а принадлежат соседу.

Вчера, подготавливая друга, я все ему объяснил:

«Юра, ты не обманешь. У тебя имеется в наличии определенная масса энергии желания пить спиртные напитки, которая принадлежит не тебе, а соседу, ее необходимо вернуть на место.

Ты должен сосредоточиться и выявить в чувствах и даже в физических ощущениях, какая именно сумма денег будет жертвенно отдана тобою алкоголикам. Она должна быть такого размера, чтобы сосед, особенно его жена, узнав о ней, пожалел бы, что такие деньги отданы каким-то проходимцам. Чтобы сосед и его жена были не прочь, хотя бы на подсознании, отнять у алкашей эту сумму, чтобы они как-то позарились на

нее, возможно, в своем воображении. Тогда они позавидуют, проявят корысть и снова, энергетически попадут в зависимость от спиртного.

Жена соседа увидит своего мужа как человека, безрассудно тратящего такое бабло на алкоголь. А значит, тот в ее сознании, как и раньше, будет выглядеть все тем же пьющим, таким же, как она его и воспринимала раньше.

Даже если вдруг сосед или его жена никогда не узнают о случившемся, о том, что ты дал деньги алкашам, то и в этом варианте все сработает. Потому что алкоголики обязательно окажутся благодарны соседу и его жене и будут к ним тянуться энергетически, помня о халяве. Они станут интуитивно ожидать подобного явления, чтобы оно повторилось еще раз и, в конечном итоге, являясь представителями среды, будут магнитировать такие ситуации и события вокруг соседа и его жены, в которых сосед так или иначе начнет выпивать.

Любой из вариантов сработает автоматически и на любом расстоянии.

Здесь еще очень важна временная задержка: то, что деньги были отданы когда-то, а ты забыл об этом и только вот передал. Во-первых, сосед не сможет вспомнить, когда и сколько он отдал и отдавал ли вообще. Во-вторых, ты подчеркнешь, что все это время деньги соседа, его желание пить были у тебя и теперь ты их вернул. А, в-третьих, алкаши так или иначе будут расстроены, что ты не передал им деньги сразу, а только сейчас, отнесутся к твоему поступку отрицательно, что и требуется, потому что так они будут сами отторгать тебя от себя.

А дальше, Юра, для тебя важно: безразлично несколько раз отказать в деньгах алкоголикам, когда они вновь попытаются вдруг просить их по привычке».

«Жертвоприношение состоялось, — подумал я, неторопливо прогуливаясь по скверу. — Оно закрепило в сознании Юры и его среды обитания другую логику, где мой друг оказался в стороне от спиртного, — и я подытожил. — Как думаешь ты о себе и люди вокруг тебя о тебе, так и живешь».

Я замедлил шаг у перекрестка. Здесь заканчивался один пунктир сквера и через дорогу начинался другой.

Несколько минут я стоял на месте и просто созерцал все вокруг. Так, одна такая минута отследила группку подростков, которым было лет по двенадцать-четырнадцать. Они не обращали никакого внимания на идущее с ними в ногу и патрулирующее их поведение время. Рыгача наперебой и безусо матерщинясь, они направо и налево, отплевывая дым сигарет. Пацаны сосали из одинаковых бутылок пиво и были заметно во хмелю.

Я снова прошелся в сторону здания школы.

Вскоре Юра возвратился с положенными документами. Оксанка больше не являлась ученицей агрессивного учебного заведения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Два единства

Совместимость

Я зашел в приемную центра «Магия Духов». На мне были надеты черные джинсы, пошитые по форме классических брюк, майка без рукавов, тоже черного цвета, и черные кеды.

– Добрый день! – добродушно сказал я, обращаясь к женщине-секретарю, которая тут же внимательно окинула меня изучающим взглядом.

У нее была шапка кучерявых каштановых волос на голове, короткий носик с горбинкой и пухлые щечки. Она сидела за столом. Перед ней лежало несколько стопок каких-то бумаг и папок.

– Здравствуйте, – вяло и грустно ответила она.

– Что-то у вас пустовато, никого из посетителей, – выразил я соболезнование.

– А сейчас многие «на мели», – пояснила референт и начала перекладывать бумаги и папки со стола в выдвинутый ящик тумбочки.

– Что же это вы так? – поинтересовался я.

– В каком смысле? – уточнила она, продолжая наводить порядок.

– Слишком искренни, – признался я, – распугаете всех прихожан. В вашем положении лучше блефовать.

– Молодой человек! – приостановила работу секретарь и укоризненно покачала мне головой. – Вы не посетитель, вы пришли по другой причине. Клиенту бы я завороженную лапшу уже с порога навесила на известное место.

Она сделала шумный вздох и выдох через нос, скрестила руки на груди и приняла вид человека, который ожидает выслушать истинную причину моего появления.

– Мои восхищения вам! – доброжелательно признался я, без приглашения, самостоятельно присел напротив нее и глубоко утонул в воздушной мягкости кожаного дивана.

– Что вы хотите? – озадаченно спросила секретарь.

– Директора, – осведомил я.

Референт деловито встала со стула, пристально посмотрела на меня и строго спросила:

– Как вас представить?

– Скажите – Сергей Александрович, по энергетическому делу, – улыбнулся я.

– А точнее? – прислушалась она.

– Сергей Александрович, по энергетическому делу, очень личному, – подчеркнул я.

– Ладно. Попробую так, – не стала возражать секретарь и неторопливо удалилась во владения своего начальника.

Я остался в ожидании ее возвращения.

Не прошло и полминуты, как дверь в кабинет наотмашь распахнулась. Из нее торопливой походкой, улыбаясь мне на ходу, объявилась собственной и жизнерадостной персоной хозяйка центра «Магия Духов», Екатерина Васильевна, моя старая знакомая.

На ней сияло белое кружевное платье, длиною до колен. Выглядела она довольно бодро и молодо. Прежде, когда я еще пребывал в директорах кинотеатра, она была соблазнена в ведьмы астральной шайкой Остапа Моисеевича.

– Ба-а! Какие же лица в наших краях теперь обитают! – провозгласила она, торжественно и широко размахнула руки в стороны и скоро направилась ко мне. Я тоже сделал ей шаг навстречу.

На короткое время мы осторожно обнялись, точнее, едва прикоснулись друг к другу так, словно кто-то из нас был одет в грязную одежду и боялся испачкаться. Не стали и целоваться, но это не умалило праздничного настроения Екатерины Васильевны. Было видно, она и в самом деле обрадовалась мне.

Секретарь, следом за директором, проворно вынырнула из кабинета, прошла к своему рабочему месту и

осталась стоять там, опираясь одной рукой о стол, и теперь смотрела на меня скромно.

– Ольга Эммануиловна! – представила мне ведьма своего референта и сказала ей обо мне. – А это мой очень сильный и близкий друг!

Обижаете, Екатерина Васильевна! – игриво запротестовал я на такую неполную характеристику моей персоны. – Я еще и ваш соратник и человек, обладающий таинственными и огромными возможностями!

Активно обнажая веселость и указывая рукой в глубину своих апартаментов, Екатерина предложила:

– Сергей Александрович! Прошу ко мне. Переговорим на счет вашего таинственного пришествия.

– Я только за, – непринужденно подыграл я.

В кабинете мы словно прилегли в мягкие, низенькие, без подлокотников, кресла, оказавшись друг против друга за небольшим журнальным столиком, выполненным целиком из стекла. Нас обдавало едва подвижной, приятно освежающей лицо и руки прохладой – так выказывалось присутствие беззвучно работающего кондиционера.

– Поговорим? – мечтательно разулыбавшись и хохотнув от удовольствия видеть меня рядом, сказала Екатерина.

Она расслабленно положила голову на высокую спинку кресла и посмотрела на меня, будто узнавая или мечтательно припоминая заново, потом внезапно села ровно, по-детски, негромко прихлопнула ладонями по столику и спросила:

– Что будешь делать в Москве? Опять примешься за старое?!

– Думаю, что мне не удастся оставить в покое наших общих знакомых, – заявил я. – Придется с ними поработать. Как ты на это смотришь, Екатерина Васильевна?

– Нет проблем, Сергей Александрович! Я с тобой! – поддержала она. – Хочешь перекусить?

– Буду кофе запивать соком, – сообразил я.

Екатерина пожала плечами, развернулась в кресле в сторону своего рабочего стола, дотянулась рукой до

селектора и нажала соответствующую клавишу. Она позвала референта протяжно, словно пропела:

– Ольга Эммануиловна.

На несколько секунд воцарилось молчание, никто не отвечал.

– Да, Екатерина Васильевна! Я слушаю вас! – наконец отозвалась секретарь немного запыхавшимся голосом.

– Вы где это были? – спросила у нее Екатерина, будто ласково пригрозила пальчиком.

– Поставила готовиться кипяток в самоваре, – ответила та.

– Отлично! – похвалила ее ведьма и, притворно улыбнувшись мне, сказала. – Она уже научилась читать мысли на расстоянии! Как тебе это нравится, Сергей Александрович, а?!

– Полагаю, ее пора приобщать к непосредственной работе в центре по обнаруженному только что профилю! – пошутил я.

– Я согласна! – бесцеремонно откликнулась та, услышав все по внутренней связи. – Могу считывать количество денег в кармане посетителя и сколько с него взять безболезненно, чтобы ушел из центра, испытывая истинное облегчение!

– Да вы талант, Ольга Эммануиловна! – подбодрила Екатерина Васильевна секретаря. – Надо же, как завернула! – бросила она реплику в мою сторону и подмигнула мне глазом, потом, сделавшись серьезной, сказала референту: – Оленька! Как будет все готово, попросите Шалунью зайти ко мне.

– Поняла, Екатерина Васильевна! – послушно отозвалась та. – Я схожу в магазин за напитком.

– Какой ты хочешь сок? – спросила меня ведьма.

– Томатный, – тут же, не раздумывая, ответил я.

– Томатный? – переспросила она и поморщилась, на секунду призадумалась и высказала свое мнение. – В этом что-то есть, сочетание горько-сладкого и соленого. – Купите томатный, – приказала она ожидавшему этого уточнения референту.

– Хорошо, – исполнительно отозвалась та.

Екатерина Васильевна отключила селектор, развернулась ко мне лицом, полная энергии и активного содействия.

Она упорно полюбопытствовала:

– Ты где расположился?

– Несколько дней пребывал у Юры Божива, в Подмосковье – помог ему кое в чем.

– Понятно. Ты не против пожить у меня? – предложила она.

– Это заманчиво и необходимо, – намекнул я на согласие.

– Вот и мило, – осталась довольная моим ответом ведьма и, присмотревшись ко мне, оценила. – У тебя какой-то усталый вид, Сережа. Поговорим о деле сейчас, в центре, или же перенесем разговор на вечер, ко мне домой?

– Не возражаю, хотя можно немного здесь и там, – нашелся я и спросил: – У тебя есть верные люди?

Екатерина перечислила:

– Шалунья, сегодня, ты с ней познакомишься, Ольга Эммануиловна, ты ее уже видел. Бабка Махам, позже ее покажу. Найдутся и другие.

– Что ж, для начала достаточно. Со своей стороны я подключу еще двух человек, – определился я.

– Ты имеешь ввиду Божива и... его жену Вику? – уточнила моя собеседница.

– Да, – подкивнул я головой.

– А-а, Вика готова к такой работе? – стараясь не вызвать у меня дискомфорта этим вопросом, спросила Екатерина.

– Почти, – сориентировался я, – помогу ей подтянуться.

– Чудненько! Валяй вопросы, – приготовилась информировать Екатерина.

– В первую очередь меня интересует, где они сегодня обосновались и чем занимаются? – обозначил я.

– Прямо на Лубянке! – воскликнула ведьма.

– Прикинулись агентами Федеральной службы? – съязвил я.

– Нет, хотя и там у них есть свои люди. Они обитают через площадь Безопасности в доме напротив.

– Свежее местечко, однако, – удивился я.

– А ты как думал. Остапчик Моисеевич теперь развернулся в большом масштабе. У него свой Научно–исследовательский институт.

– И как же он называется, случайно не «Все дружно закрыли глаза и за мной»?

– Нет. Они сегодня поумнели. Трудятся под фишкой «Народные министры».

– Что, прямо так и называется учреждение? – пожал я плечами.

– Я не шучу, так и есть, – заручилась Екатерина. – А что? Все шито-крыто. С одной стороны, для всех не посвященных в истинную суть работы института он как бы от имени народа и на основе народной смекалки, а народ туда действительно валом валит, предлагает для реального правительства страны различные проекты совершенствования и обновления всех сфер жизни. А с другой стороны, для внутреннего, закрытого пользования, которое никому, конечно же, совершенно не известно, этот институт незаметно внедряет то, что ему, а не народу, угодно, разукрашивая свои блюда, подаваемые к столу правительства, народными пожеланиями и подсказками. Уразумел?

– Д-а, – шумно вздохнул я. – Такой размах... То-то моего друга, Божива, и всю его семью так обложили со всех сторон, что мне пришлось немало потрудиться по обезвреживанию.

– Остап Моисеевич – теперь известная личность во всех кругах и слоях общества, – добавила ведьма. – Правда, зовут его по-другому.

– И как же? – усмехнулся я.

– Иван Иванович Спасов, – огласила она.

– Абсолютно доверительное имя! – прихлопнул в ладоши я.

– А ты как думал! – соблазнительно юльнула глазками Екатерина, – С ним все считаются и все советуются. Авторитет!

– Ладно. Разберемся, – пообещал я. – Нас теперь много, а [illegible] повнушительнее, чем раньше. А возможности [illegible] будут не меньше – это я гарантирую.

– Что ты имеешь в виду? – заинтересованно глянула на меня ведьма.

– Скоро узнаешь, – не стал забегать я вперед.

– Интригуешь? – прищурилась она.

– Не доверяешь? – хитро переспросил я.

– Такого прецедента не было, – рассудительно удостоверила меня Екатерина. – Верю.

В кабинет постучали.

– Да-а! – начальствующе среагировала она.

Дверь плавно открылась.

Вошла девушка. Я сразу же понял, что это Шалунья. Она ввезла изящную никелированную тележку с подносом, на котором находились: небольшой самовар, тарелка, а в ней горка бутербродов с ветчиной и сыром, хрустальный графин с томатным соком, ароматная банка кофе, несколько пластмассовых одноразовых стаканчиков с чайными ложечками в них, возвышался веер салфеток на резной металлической подставке. Чашки для кофе, установленные на блюдца, были расставлены по краям подноса.

Девушка подвезла тележку к журнальному столику и поприветствовала меня:

– Здравствуйте!

Потом она обратилась к директору:

– Екатерина Васильевна, переставить все это на столик?

– Сделай милость, – разрешила та и отчего-то принялась молча отслеживать каждое движение сотрудницы.

Я же откровенно изучал Шалунью. Мне она очень понравилась, если не сказать больше. Давно забытые чувства стали тепло пошевеливаться у меня в груди.

Девушка была среднего роста, стройная до изящности, казались нарисованными белые, идеально прямые волосы до пояса с ровным пробором посреди головы. Высокий лоб, острые брови, голубые, магнитирующие глаза, аккуратный, едва курносый носик, выразительные губы и головокружительная улыбка. Она околдовала меня. На ней была надета серая юбка в ладонь повыше

колен, белая блузка в синюю вертикальную полоску, с привлекательно расстегнутой пуговицей на груди, и серые туфельки на очень низком каблуке.

Когда девушка закончила с перестановками, Екатерина Васильевна сказала ей:

– Возьми стульчик и давай-ка присядь с нами.

Тут же я оживился и вскочил с кресла.

– Не утруждайте себя! Я поставлю вам стул, – сказал я девушке, упреждая ее намерение сделать это самой.

В нескольких шагах от журнального столика вдоль стены стояло с пяток стульев. Я взял первый попавшийся и установил его рядом с ведьмой. Шалунья, стеснительно посматривая на меня, присела на него, грациозно выдерживая стройную осанку. Я вернулся на свое место. Екатерина Васильевна все это время оставалась с видом, подмечающим что-то для себя, потом сказала:

– Лара! – так звали девушку. – Праздники закончились. Это, – она уважительным жестом руки указала в мою сторону, – тот самый Сергей Александрович.

– Угу, – кивнула головою девушка и на миг чему-то загадочно улыбнулась, нежно закрыв глаза.

Мне сразу же показалось, что я ее уже знаю.

Около часа, втроем, мы беседовали на разные темы, в том числе немного обсуждали некоторые детали предстоящего сотрудничества. Я не отводил своего устремленного на Лару взгляда. Екатерина не могла этого не заметить. Ей это не очень нравилось, но все же, из вежливости, она терпеливо позволяла девушке немножко кокетничать со мной.

При деле

Проблемы закончились. Бывший бомж Евгений теперь жил в достатке и весьма довольным своей жизнью. Счастье на него свалилось вместе с удивительным случаем, когда слетевший с крыши дома лист железа серьезно поранил некоего бизнесмена, председателя местного спорткомитета, случайно оказавшегося на месте этого падения. За свое избавление от неминуемой смерти тот щедро отблагодарил своего спасителя. Так Евгений получил работу и стал старшим администратором Дворца спорта. В придачу ему подарили однокомнатную квартиру в новом районе, на окраине города, в самом высоком здании, народно проименованном «Шайбой», потому что в нем жили практически одни спортсмены и больше хоккеисты.

Единственное, что продолжало беспокоить и мучить Евгения, так это Дьявольский голос, который периодически звучал внутри него.

А в остальном благополучие бывшего бомжа было безгранично. И он наслаждался им в одиночестве.

Ему очень нравилось расслабленно и лениво выгуливать себя по собственной квартире. То он посидит немного на кухне за столом. То выйдет в прихожую и там все рассмотрит. То пойдет в комнату и усядется в кресло, медленно перемещая свой взгляд по сторонам. Потом встанет и выйдет на лоджию, постоит, упиваясь свежим ветерком и солнечным простором вокруг. Вдруг ему захочется зайти в ванную комнату, открыть краны с водой и прислушаться к напористому шуму воды. Иногда он заглядывал в туалет и понимал, что в этом нужды сейчас нет, тогда он снова удалялся на кухню.

Часто ему очень хотелось, чтобы к нему кто-нибудь пришел в гости, чтобы раздался звонок в дверь, и он бы впустил человека, которого ему приятно видеть.

Чтобы как-то скрасить уединенность, тайком от соседей он приоткрывал входную дверь в квартиру,

просовывал руку в отщелину, нащупывал на стене заветную кнопку, нажимал ее несколько раз подряд, быстро закрывал дверь и вслушивался в то, как мелодично звучит остаток эха от звонка у него в прихожей. Это создавало иллюзию стоящего за дверью некоего гостя. Тогда Евгений с чистой совестью (звонок-то прозвенел) открывал входную дверь настежь, выходил на лестничную площадку так, будто и в самом деле к нему кто-то пришел.

Он безнадежно верил в то, что когда-то это случится реально. Ему доставляло сладкое и заманчивое удовольствие – воображать и фантазировать на эту тему.

Многие люди, имея какое-то счастье, особенно, когда, оно достаточно долгожданное, с предвкушением мечтаний и реализованное неожиданно, желают делиться им. Но в том-то и дело, что именно делиться, а значит, терять его кусочек, и чем больше делиться, тем больше потерять все.

Так устроен мир, в нем то, что тебя радует, насколько начинает восторгать другого человека, настолько же перестает уже принадлежать тебе. Счастье способно растаскиваться людьми, и Евгений это понимал интуитивно. Его, конечно, подмывало, кого-то к себе пригласить, но, одновременно, он совсем не желал этого. Не хотел, чтобы по его жилищу расселились фантомы гостей, которые сидели бы в кресле, на диване, находились бы в туалете, на кухне, везде и получали бы удовольствие от квартиры вместо него.

Сегодня Евгений немного увлекся собственноручными звонками во входную дверь в свою квартиру. За этой шалостью его заметила соседка. Когда он в очередной раз нащупал рукой в приотщеленную дверь кнопку звонка и нажал ее, послышался стук дверей лифта. Евгений машинально выглянул на лестничную площадку и тут же встретился взглядом с женщиной, которая недоумевающе смотрела на него. Ему стало неудобно, и он стеснительно оправдался:

– Проверяю, работает ли звонок.

На что та ничего не ответила, а только отвернулась спиной от странного, недавно возникшего в этой

квартире жильца. Нагнулась к своим, поставленным у ног тяжелым сумкам и стала копаться в их содержимом, видимо, ища ключи от своей квартиры.

Евгению стало не по себе, он прямо-таки почувствовал физически то, как улетучивается из него, из его души энергия радости и счастья. Он спешно спрятался у себя в прихожей и захлопнул за собой входную дверь. Долго и сосредоточенно стоял там, понимая, что сделал что-то не так.

Вскоре он пришел в себя, направился в комнату и уселся там в кресло.

Неожиданно во входную дверь действительно позвонили. «Это, наверно, та самая соседка. Что ей нужно?» – подумал Евгений и тут же вскочил на ноги, быстро прошагал в прихожую и открыл входную дверь, но...

На лестничной площадке вообще никого не было. Тогда, расстроенный, он вернулся к себе в комнату и снова присел в кресло. Он оставался наготове в случае, если звонок опять повторится, вскочить и еще быстрее пробежать в прихожую, чтобы успеть открыть входную дверь и засечь звонаря.

Но тишину больше ничто не нарушало. Через несколько минут он начал успокаиваться, подумал, что ему звонок почудился.

Но тут-то и случилось то, чего Евгений всегда боялся и неотступно ожидал.

– Хотя бы совесть имей! – вдруг он услышал внутри себя знакомый Дьявольский голос, который отчитал его. – Я ему и то, и се предоставил, а он забаррикадировался, невежда! Прямо-таки примерно ведет себя, и все тут. Что ты ему скажешь?!

Евгений испуганно замер в кресле и молчал, не ведая, как реагировать на происходящее.

– Я не мог к тебе пробиться! Пока соседка не помогла. Все-таки среагировал ты, стервоза! Открылся мне. Допустил ошибочку. Если еще раз посмеешь так себя энергетически грамотно вести и постоянно сосредотачиваться, то снова окажешься за решеткой уличных фонарей и равнодушия! – пригрозил голос, потом сказал. – Ну, ладно.., я тебя великодушно прощаю.

Хочешь со мной поговорить? – настойчиво поинтересовался он.

Евгений не ответил, как придушенный, он затаился и только украдкой, поверхностно, словно подворовывал дыхание и тут же отпускал его из себя.

Ты что притих? – начиная злиться, вопросил голос. – Думаешь от меня отмолчаться? Ошибаешься, хороший мой. Хочешь, прямо сейчас тебе сообщат по телефону, что ты уволен, а? Каково?! Дальше – больше. А потом снова на чердак и собачиться возле протухших мусорных жбанов! – голос выжидательно умолк.

– Нет! – выкрикнул бывший бомж. – Не надо! Мне хочется с тобой дружить.

Он звучно и испуганно сглотнул слюну и весь сжался в комок на кресле, даже ноги поджал под себя, как в детстве после прослушанного страшного рассказа на ночь.

– Как у тебя дела, Сатана? – неожиданно выдавил он из себя.

– Я не Сатана, хотя... мне это имя импонирует, – призадумался о чем-то своем голос.

– А как же тебя зовут? – уточнил Евгений и, немного расслабившись, медленно опустил свои ноги на пол.

– Магистр, – оживился голос. – Зови меня Магистр.

– Ладно, Магистр. Я буду тебя называть Магистр, – согласился бывший бомж и спросил. – Как у тебя дела, Магистр?

– Это другое дело! – похвалил тот.

– Чаю хочешь? – заботливо предложил Евгений.

– Как же я буду пить чай, ведь я же Голос?

– И правда. Тогда.., может, тебе нужно в чем-то помочь?

– Во! Это уже ближе! Перевоспитываешься! Люблю скоро понятливых. Мне действительно нужно, чтобы ты сейчас на меня немного поработал.

– И что я должен сделать? – переспросил, прилежно выражая уважение, Евгений.

– Да, так... Одного человека сведешь с другим человеком. Познакомишь их как обоюдно заинтересованных друг в друге.

И вообще, ты свое квартирное счастье уже засалил и все насквозь вынюхал, пусть оно проветрится. Вставай, иди прогуляйся в парк.

– А что я там буду делать? – осторожно задал вопрос Евгений.

– Я же сказал тебе, прогуляешься. Остальное поясню по пути... Одевайся давай, ну! – оранул на подопечного Магистр. И тот снова попытался сжаться в комок. – Да расслабься, тебе говорят. – Евгений расслабился. – Не сиди, встань. – Евгений поднялся из кресла. – Иди одевайся. – приказал голос.

В парке

Земляне толком еще не ведают, что время – это масса событий, и у каждого человека оно свое. Кому-то принадлежащие: час, минута, год, секунда, месяц – никогда не будут одинаковыми по сумме произведенных дел относительно других людей. У всех различная плотность времени, заполняемость событийной сетки. Много мальчиков Миш или девочек Свет, но все они различны, так и каждая секунда, час или минута не похожи друг на друга.

Злыдни интуитивно или же осознанно, как Остап Моисеевич, способны подключаться ко времени, чтобы, потом сколько угодно и на любом расстоянии, повседневно управлять жертвой. Она обычно легко забывает время возникновения какого-то с нею случая, и тот начинает влиять на нее.

Сегодня было свежо и тепло. В парке, на солнечных полянках возле клумб, стояли скамейки. На одну из них, в атласном темно-зеленом костюме и в белой рубашке без галстука, напряженно присел Евгений.

– Я же сказал тебе, расслабься, развались что ли на спинку лавки, покажи, что ты сыт и доволен жизнью! – жестко потребовал голос от своего подопечного, но тот, оторопев, продолжал сидеть, скрючившись.

Ну, кому я сказал! Объект уже идет. Быстро сел красиво! – приказал Магистр.

Бывший бомж спешно закинул ногу за ногу и принял позу вольготно отдыхающего.

И вот на аллее появился молодой человек, это был Юра Божив. Меньше, чем через минуту, он поравнялся с Евгением, и тот, по настоянию голоса, проворно окликнул его:

– Извините, который теперь час?

– Без пятнадцати два, – беззаботно ответил Юра.

– Но вы даже не потрудились взглянуть на часы? – укорил его мужчина.

– Пару минут назад я уже смотрел на них, – замедляя шаг и приостанавливаясь, оправдался Божив.

– Видите ли, я привык всегда доверять тому, что вижу, а не тому, что слышу. А также тому, что имею, а не тому, что, может, имею, – самодовольно изрек Евгений.

– Мудровато живете, – заинтересовался Юра.

– Это не я говорю, – попытался было оправдаться тот.

– Ты что, осатанел? – воинствующе оранул Магистр внутри Евгения так, что от удара звуковой волны тому пришлось немного согнуться в животе.

– А кто же тогда? – подходя к лавочке, недоумевая, спросил Божив и присел рядом со странным мужчиной, который, корча непонятные рожи, натружено простонал:

– Конечно же, я говорю сам.

Потом выпрямился и стал по очереди отпускать улыбки то внутрь себя, Магистру, то молодому человеку.

– Вам что, плохо? – спешно насторожился Юра.

– Все хорошо, – бравадно ответил тот. – Это так, газы давануло, и деловито представился. – Меня зовут Евгений.

– Юра, – в свою очередь назвался Божив.

– Мне кажется, я вас знаю, – тут же заявил мужчина и спросил. – Это вы с полгодика назад выступали у нас в городе с лекциями по логике сознания человека?

– Да, – скромно подтвердил Юра.

– А сейчас что делаете? – поинтересовался неожиданный собеседник.

Божив замялся:

– Да, как вам сказать... – но выкрутился. – А вы чем занимаетесь?

– Бывший православный, немножко священник, – гордо сообщил Евгений.

– Разуверились? – шутливо уточнил у него Юра.

– Взглядами не сошлись. А если честно, выперли меня оттуда, за аморалку, – признался он.

– Понятно, – посочувствовал Божив.

Собеседник похвастался:

– Зато теперь вот работаю старшим администратором во Дворце спорта.

– И как, устраивает? – удивился Юра.

– Еще бы! Квартиру купил, – продолжал похваляться он.

– Шикарно, – застенчиво поддержал Божив.

– Слушайте, у меня есть идея! – торжественно воскликнул мужчина и отчего-то по-шпионски прошептал. – Сообщаю вам: Местная команда по хоккею в этом году будет сражаться за Высшую лигу.

Юра присмотрелся к нему внимательнее и спросил:

– И что?

– Ее тренер, – рассудительно пояснил тот, – Дмитрий Альбертович Маринов, всегда негласно, ну, вы понимаете, что такое не афишируется, работает в паре с экстрасенсом, который ему помогает выигрывать. Но в этом году Маринов разругался со своим колдуном.

– Понимаю. Но в хоккей никогда не играл, – задумчиво произнес Божив.

– Хотите попробовать? – бойко предложил мужчина.

Юра улыбчиво озадачился и ответил:

– Было бы интересно.

– Вот и чудненько! – обрадовался тот. – С тренером я вас познакомлю.

– Не возражаю, – наивно согласился Божив, достал из кармана свою визитку и отдал ее собеседнику, после чего они почтительно распрощались.

Конечно же, Юра очень быстро забыл о том, что это знакомство началось без пятнадцати два.

«Энергетик АЛЗ»

Екатерина Васильевна любезно предоставила мне исчерпывающую информацию о сегодняшнем масштабе действий астральной шайки. Так, я узнал, что Остап Моисеевич организовал некий банк – «Энергетик АЛЗ». Суть этого учреждения заключалась в том, чтобы вкладчиками банка становились только люди, так или иначе осознанные, но корыстные в чем бы то ни было, которые бы знали, на что они идут и во что ввязываются по уши и навсегда. Этот финансовый центр имел двойной смысл. На поверхности он, как и все подобные организации, управлял реальными денежными потоками, но, кроме того, через откровенное пробуждение корысти в клиентах, тайно делал из них своеобразных доноров, аккумулируя их энергетические потенциалы и, разумеется, дирижируя силой последних по собственному усмотрению.

Влияние Магистра среди посвященных людей во зло укоренялось с каждым днем все больше. Политики и бизнесмены, олигархи и даже отдельные служители некоторых религиозных конфессий являлись теперь его активными членами. Они получали гарантии своего продвижения по служебным и социальным лестницам, наводили желаемый порядок в личной сфере за счет дивидендов от своих вкладов. Все они принимали дозы достаточно ощутимых эффектов.

Естественно, им приходилось чем-то жертвовать, и каждому своим. Одним требовалось соблюдать какие-то, в чем бы то ни было, воздержания и промедления, а кто-то был обязан даже поступиться собственной свободой.

Что поделать, но если они получали то, что хотели иметь, то им обязательно нужно было отдавать то, что они имели, другое. Карьера, деньги и власть их прельщали

больше, и потому они шли на такой сговор и отдавались ему беззаветно.

Работа банка осуществлялась различными способами посредством особых магических конструкций, одна из которых напоминала своеобразный энергетический магнит, черную дыру, и вбирала в себя энергии клиентов, накапливала их. Другая – являла собой некий энергетический кран, через который в нужные места и нужным людям, в строго определенных пропорциях, организовывались доступы к чему угодно, к любой своей мечте или корыстному вожделению.

Понятное дело, что вкладчикам возвращалась только лишь незначительная толика всех энергетических накоплений. Основная же масса таковых принадлежала банку, то есть Магистру, который, понятное дело, определял характер и форму ее материализаций в собственное благо.

Энергетические вклады, накопления и распределения в банке, вернее, через банк, проходили достаточно секретно и уникально.

Чтобы во всем этом разобраться, можно представить себе, к примеру, какой-то город, а в нем огромное количество всевозможных улиц, площадей, по которым ездит множество автомобилей. Машины перемещаются в рамках правил дорожного движения. Но некто, один человек, начинает, кроме этих правил, управлять движением транспорта дополнительно. Где-то создает искусственно пробки, выроет экскаватором яму или затеет реконструкцию моста на годы, а где-то, наоборот, оставит пустые улицы. За счет чего удается своих людей, во все это посвященных, перемещать по городу как угодно быстро и куда выгодно. Ясно, что и сам этот некий человек, вершитель и основатель тайных правил, может перемещаться по городу, как ему заблагорассудится.

Кроме того, он способен, используя свою схему, кого-то наказывать, приостанавливать, даже уничтожать в катастрофах, парковать или же перемещать туда, куда им не нужно, задерживать настолько, насколько нужно ему, и так далее и тому подобное.

Приблизительно тем же самым и занимался банк Магистра «Энергетик АЛЗ». Он функционировал строго в рамках всех социальных законов, имел их как отправную базу и на ней разветвлял свою энергетическую деятельность, выливающуюся в конкретные судьбы событий целой страны, с перспективой расползтись на весь мир.

Вкладчики банка не понимали и не видели объемно всю картину функционирования учреждения, эта была прерогатива только Магистра, который, словно с высоты птичьего полета, созерцал все энергоперемещения и через агентуру банка разрабатывал пространственные, эмоциональные и чувственные расстановки для всех вкладчиков. Скажем, кому-то из них в какой-то день и в какой-то час или даже минуту запрещалось пить воду или же смотреть телевизор, а кого-то заставляли отслеживать определенную телевизионную программу, но со спецподготовленным настроением. Кому-то говорилось о том, что он срочно должен поехать, возможно, в парк и посидеть там на лавочке, в особой одежде и позе и в точное время, о чем-то заговорить с конкретным человеком. Словом, каждому свое.

Конечно же, со всеми вытекающими отсюда последствиями, за собственное благополучие перемещений в энергетической сфере страны клиенты оплачивали деятельность банка самыми настоящими деньгами и драгоценностями, сырьем, материалами, товарами и услугами. Как следствие, организация стремительно богатела и становилась официально влиятельной.

Антихрист

В одной из аудиторий Литературного института Москвы, профессор Тэ Макаяна Шак читал лекцию по философии. Кругполицый, с прямым интеллигентным носом, с высоким лбом и карими глазами, он выглядел лет на пятьдесят. Приодетый в светло-зеленую рубашку без галстука и классический костюм темно-зеленого цвета, он, заломив руки за спину, важно прохаживал перед молодыми писателями.

Тема, которую планировалось разобрать, была прочитана быстрее, чем предполагалось. До окончания пары оставалось некоторое время.

– Анекдоты травить не будем, – объявил литераторам Шак. – Задавайте вопросы, обсудим.

Слушателей было человек пятнадцать. За первым столом у солнечного окна сидел парень в желтой майке, лицо у него было удлиненное, с бакенбардами, как у Пушкина, он спросил у преподавателя:

– Скажите, почему так долго и упорно нас пугают Антихристом? Кто он такой на самом деле?

– Куда хватили! – отчего-то разулыбался Шак, навскидку подумал и непринужденно заговорил. – Христос не всегда пророчил напрямую, часто со скрытым смыслом, особенно, когда дело касалось значительно важных для него и будущего Земли перспектив.

– Как это? – пожал плечами в непонимании студент.

– Я только начал объяснять, – возразил Тэ Макаяна.

– Извините, – покорно ретировался тот.

– Хорошо, – продолжил Шак. – Вся проблема в том, что Троицу трактуют неверно. В мире все только бинарно, двоично, а не троично. Отец там, на небесах, одновременно Он же и есть разделенный на две неразрывных части, как собственный Сын на Земле в Образе Христа, а Святой Дух – это энергетическая взаимосвязь между разделенным надвое одним и тем же Сущим, Богом, а не Третий Бог. Святой Дух исходит

от Бога Единого. А кто станет отрицать, что Отец и Сын не одно и тоже лицо? Сам Христос утвердил это. Он говорил, что, мол, кто видит Меня, тот видел и отца Моего. Смельчаков, чтобы отрицать это, не найдется, если они и в самом деле почитают Святое Писание.

Рассмотрим теперь два изречения Христа, как их нам преподносят сегодня. Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете». Также известно, Христос предрек появление некоего мессии: «Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий пришед найдет ли веру на Земле?»

Во-первых, перевод не точен. Христос имел в виду: не «если иной придет», а «еще иной придет», смысл сразу же меняется, потому что Христос утверждал, а не подозревал. Также мне думается, что до нас дошла вольная трактовка слов Христа еще и в другом. Да, Христос, конечно, «пришел во имя Отца Своего». Это бесспорно. Но, скорее всего, слова Христа об этом исказили. Вероятнее, Христос сказал, что он «пришел во имя Его», а «во имя Отца», – это всего лишь предположение переводчиков и тех, кто записывал Его слова. Тогда, получается, что никакого Антихриста быть не может. Его придумали по недоразумению вольных трактовок божественной речи.

Во-вторых, связывая логику двух высказываний Христа, понимаем: будет Второе Пришествие Христа в образе другого человека, который в этот раз станет действовать «во имя Свое», и Его примут. То есть Христос приходил в первый раз «во имя Его». Кого? Во Имя Себя, Того, кто придет потом, «Во Имя свое». Другими словами, во Втором Пришествии возникнет в образе Сына человеческого сам Бог как Единое Целое, подчеркиваю еще раз, во Имя Которого и приходил в первый раз Христос. Ему по-другому и не прийти, как «во Имя Свое». Ибо во чье еще имя может прийти Бог? Все правильно. Христос подтвердил Истину, а Бог явится ее построить в качестве Царствия Небесного. Христос не говорил, что тот, кто придет «во Имя Свое»,

будет плохим. Он только предупреждал, что возможны самозванцы вокруг этого события.

Вы согласны со мной? – поинтересовался Тэ Макаяна у студента, задавшего вопрос.

– Все логично, – ответил тот.

– Спасибо за понимание, – поблагодарил Шак и подытожил: – Лично я убежден, что так называемое Второе Пришествие Христа в образе сына человеческого надо понимать теперь как Пришествие Самого Бога, который, по сути, и есть Христос.

– К чему же тогда пугают Антихристом? – удивился парень в желтой рубашке.

– Я так полагаю, – улыбнулся Шак, – видимо, злыдни, ненавидящие Христа, которые были и в ту эпоху, когда Он проповедовал впервые, после Его ухода всех верующих, на протяжении долгого времени, в том числе и сегодня, активно готовят к протесту против Его Второго Пришествия. Чтобы снова Христа, как и тогда, не приняли бы и сегодня, когда он явится Во Имя Свое.

Выходит, да здравствует, Антихрист!? – хитро насторожился беседующий с преподавателем студент.

– Я так не сказал, – лукаво увильнул от ответа тот. – Вы только услышали мое логическое мнение на этот счет. И потом, Христос такого слова, как Антихрист, вообще не употреблял, это понятие придумали позже.

Слушатели призадумались на мгновение и негромко зааплодировали. Раздался звонкий треск звонка, извещающего об окончании занятия.

Пробуждение ночи

Личный секретарь Магистра, Мистерий Златович Кузявский, являлся не только полноценным членом астральной шайки и сотрудником банка «Энергетик АЛЗ», но еще и ведущим достаточно популярной эзотерической телевизионной передачи «Пробуждение ночи», в эфире которой выступали всевозможные мистики, колдуны, экстрасенсы, лекари, народные целители, маги, астрологи и гадалки.

Шел очередной выпуск этого шоу. В студии, на фоне звездного неба, за круглым столом в гостях у Кузявского сидел травник, мужчина средних лет, звали его Александр. Мистерий Златович беседовал с ним. На столе в резном подсвечнике горела свеча.

Я находился в квартире ведьмы и смотрел эту трансляцию намеренно. Пора было начинать воочию разоблачать Остапа Моисеевича и его приспешников. А для этого все средства были хороши.

Мне не составило труда, тем более, что эфир был прямой, энергетически подключиться и понять определенные детали, которые я намеревался осветить устами травника на всю страну. Я приготовился воздействовать.

– Александр! – деловито обратился к своему собеседнику Кузявский. – Насколько я знаю, в основном, вы работаете во Франции. Почему не у нас? У вас же, если я не ошибаюсь, наше гражданство.

– Мистерий! – сказал травник. – Считаю долгом жить там, где я нужен.

– Разве в вас не нуждаются здесь? – тут же, наигранно удивляясь, поинтересовался ведущий.

– Смотря в каком статусе, – задумчиво признался гость.

– Ну, как же. Естественно, в связи с вашей профессией, – застенчиво объяснил Кузявский.

– Понимаете, Мистерий Златович, – немного замялся Александр, – в Европе таких передач, как ваша, как собак нерезаных! А тут она практически единственная.

– К чему вы клоните? – насторожился тот.

– К тому, что вы себя ведете со мной, как местный царек, а там, на телевидении, все наоборот, я себя ощущаю человеком и господином, причем бесплатно.

Неожиданно свеча, символизирующая передачу, резко потухла, чего никогда еще не случалось. Кузявский судорожно полез в свой карман, извлек оттуда зажигалку и срочно снова ее зажег.

– Что ж такое-то! – засуетился он и торопливо сообщил зрителям. – У нас звонок! – Представьтесь, пожалуйста, – поспешил он обратиться к позвонившему, – задайте ваш вопрос, вы в эфире.

– Здравствуйте, Александр! – дружелюбно, заговорила какая-то женщина. – Скажите, какую траву посоветуете употреблять при надвигающейся простуде?

– Валериана греческая, – ответил тот. – Проще она называется синюха голубая. Она должна быть в аптеках или ее можно заказать где-нибудь в Интернете. В первый день с утра столовую ложку, без горки, размельченных корней этой травы заварите в двухстах граммах крутого кипятка и лучше в глиняной посуде. Пусть настоится минут двадцать, потом размешайте. На пару ее греть не надо, процеживать тоже, чтобы не поломать энергоструктуру волшебного напитка. Дальше, через полчаса после еды, отпейте половину данного настоя. А в течение дня, делая периодически по одному небольшому глотку, допейте весь отвар. Завтра приготовьте все то же самое, но пейте только небольшими глотками. На третий день так же. Эффект увидите сами. Кстати, эта трава лечит даже туберкулез.

– Надо попробовать самому! – заискивающе улыбаясь, сказал ведущий и в отместку за свое предыдущее унижение задал каверзный вопрос гостю. – Александр! Наслышан, что вы хорошо зарабатываете и купили себе дом недалеко от Парижа.

– Да, приобрел, – спокойно ответил тот. – Правда, десять лет трудился для этого с утра и до вечера. А вот вы, Мистерий Златович, я тоже наслышан, берете взятки за участие в вашей передачке, по десять тысяч долларов с приглашенного, и уже успели, буквально

за три года, освоить собственный огромный особняк недалеко от Москвы.

– Что вы говорите! – возмутился ведущий, дернулся за столом, и свеча опять потухла. – Что ж такое-то! – заволновался он, снова зажигая свечу. – Странная передача! – непроизвольно вырвалось у него. – Еще один звонок в студию! – объявил он и проворно спросил у позвонившего зрителя. – Какой у вас вопрос?

– Чем лечится дизентерия и как экстремально ликвидировать обычный понос? – отозвался какой-то мужчина.

– Понимаю, – улыбчиво сказал травник. – В жизни бывают такие ситуации, когда срочно необходимо продолжить какое-то дело, а тут, как назло, вас расслабило. Имейте всегда под рукой, особенно когда едете на дачу или еще куда, немного обычного крахмала и йод. На полстакана воды столовую ложку без горки крахмала и одну-две капли обычного йода размешали и залпом выпили. После чего лучше немного полежать или хотя бы посидеть, развалившись. Если вас очень сильно несет, то через полчаса, повторите все то же самое. На следующий день из положенного места, ручаюсь, будете все гвоздиком выковыривать. Кстати, дизентерия обычно тоже исчезает, и даже анализы ее не показывают. Только не злоупотребляйте этим советом. Не стоит так делать часто, и не переборщите с йодом. Можно ли давать это пить детям? Не совсем уверен. На ваш страх и риск.

Я решил выключить телевизор. Репутация личного секретаря Остапа оказалась подмоченной. Ему какое-то время придется несладко отбиваться от корреспондентов, тем более, что была озвучена абсолютная правда.

– Здорово, – сказала Екатерина, которая все это время сидела в кресле рядом и наблюдала мое незримое участие на расстоянии в телевизионном шоу.

– Это обязательно ослабит Остапа и его шайку, – уверенно произнес я.

– А я так смогу, научишь? – спросила она.

– Конечно, – заручился я.

Вербовка

Этот разговор происходил в автомобиле, который только что припарковался в Лялином переулке напротив одной из многочисленных библиотек Москвы.

За рулем сидел Тэ Макаяна Шак, профессор Литературного института и, по совместительству, сотрудник центра «Магия Духов».

Рядом с ним, услужливо улыбаясь, иногда выражая на лице откровенную наглость, а в какой-то момент замысловатую стеснительность девушки, но при этом всегда оставаясь себе на уме, уютно нежился в кресле пассажира личный секретарь Остапа Моисеевича, Кузявский Мистерий Златович, Кузя, как его звали среди своих.

Шак заглушил двигатель машины и, развернувшись лицом к пассажиру, настороженно сказал:

– Я вас внимательно слушаю.

Но тот задал неожиданный вопрос:

– Простите, который теперь час?

– А вот, – указал Шак рукой на приборную доску в салоне автомобиля, – часы. Посмотрите сами.

– Извините, я плохо вижу, – настаивал на ответе пассажир.

– Гляньте ближе, – тут же сориентировался Шак и ловко, почти одним взмахом руки, снял свои наручные часы и подал их Кузявскому.

Мистерий Златович аккуратно взял часы. Несколько раз демонстративно приблизил их к своим глазам и отдалил, делая вид, что разглядывает месторасположение стрелок на циферблате. Завершив манипуляции, он наигранно вздохнул и досадно произнес:

– Ах! Надо же! Так время бежит! Мы с вами целых полчаса сюда добирались. Сейчас уже... – пассажир снова поднес к своему носу часы и огласил, – без пятнадцати минут два часа дня.

– Мне как-то все равно, – безразлично высказался на этот счет Шак и так же ловко, как и подал, извлек из рук Кузявского свои часы, скоро надел их себе

на руку и снова повторил свое обращение. – Я вас внимательно слушаю. Какое у вас предложение?

Внезапно пассажир протянул свою руку Тэ Макаяну и представился:

– Кузявский Мистерий Златович – уполномоченный представитель банка «Энергетик АЛЗ», член Совета банка.

Шак только лишь позволил себе посмотреть на его руку, но встречно своей руки отчего-то не подал.

– Тэ Макаяна Шак, профессор Литинститута, - в свою очередь назвался и он.

Рукопожатия не состоялось. Кузявский медленно убрал свою руку и положил ее к себе на колено. Он любезно укорил Шака:

– Но вы не договариваете.

– В каком смысле? – сделал простецки удивленное лицо тот.

Немного нервничая, Мистерий Златович пояснил:

– В самом прямом. Банк делает вам особое предложение не потому, что вы являетесь неким профессором Литинститута.

– Вы имеете в виду мою вторую работу? – уточнил Тэ Макаяна.

– Именно так, – суетливо подтвердил Кузявский.

– Не предполагал, что для вас это настолько важно, – выказал хладнокровную озадаченность Шак.

– Очень даже важно, – коротко и деловито подчеркнул тот.

– Хорошо. Еще я работаю в центре «Магия Духов», – дополнил представление собственной персоны Шак.

– Вот, это уже другое дело! – заискивающе похвалил Мистерий Златович.

Его женственные лепестки губ на едва уловимое мгновение слегка распахнули одобрительную улыбку так, что Тэ Макаяну даже подумалось, что эта улыбка ему привиделась.

– А чем вы там, в центре «Магия Духов», занимаетесь? – прикидываясь дурачком, поинтересовался Кузявский.

– Да так, колдую понемножку, – мечтательно признался Тэ Макаяна. – Надеюсь, скоро получу свой личный, отдельный кабинет, – поведал он, потом немного надменно и свысока спросил у собеседника: – А что может предложить мне ваш банк?

– Вот вы сказали: получить свой собственный кабинет, так? – напомнил тот.

– Да. А что? – недоумевая, куда клонит представитель банка, заинтересованно спросил Шак.

– А хотите его иметь прямо, скажем.., завтра, вас это устроит? – соблазнял Мистерий Златович.

Тэ Макаяна посмотрел на него вожделенно и заявил:

– Это было б неплохо.

– Получите. Нет проблем. Банк вам поможет, – заручился Кузявский.

– Это все, что вы можете? – приготовился удивиться Шак.

Собеседник воскликнул:

– Нет. Отчего же, все?! Если есть желание, вы можете стать заместителем директора центра «Магия Духов». Можно устроить и другие блага.

– А если директором центра? – хамовато съязвил Тэ Макаяна.

– Гм-м... – призадумался на секунду представитель банка. – В этой должности иметь с вами сотрудничество в настоящий момент невыгодно. Возможно, в перспективе, а пока.., только заместителем, устроит? – торопливо обрисовал ситуацию Мистерий Златович.

– Надо бы знать, отчего это банку неудобно, чтобы я сразу же стал директором? – рассудительно заявил Шак.

– Вы не промах, Тэ Макаяна! – игриво подметил собеседник.

– А вы как думали! – оскалился тот и деловито спросил: – Короче. Потрудитесь объяснить. Что взамен потребуется банку от меня и что будет, если я вообще пошлю вас к чертовой матери, а? Может, сразу послать?

– Сразу не рекомендую, – настоятельно посоветовал Кузявский и ехидно улыбнулся.

– Понятно. Значит, угрожаете? – задумался Тэ Макаяна.

– Нет. Отчего же так! Угрожаете!.. – извиваясь в плечах, возмутился Мистерий Златович. – Скорее, предупреждаем о некоторых неуютностях в перспективе вашей жизни, которые могут начаться сразу же вслед за вашим отказом... гм-м.., извините, посылом к чертовой матери.

Шак подумал несколько секунд и ретировался:

– Мудрено. Но намек ясен... Ладно.., пока посылать вас не буду.

– Не стоит, профессор, честно вам говорю, – поддержал его решение собеседник.

– Хорошо, – согласился со своим положением тот и обозначил. – Тогда, я повторяю свой вопрос, так сказать, крупным планом: что вам конкретно нужно от меня, работающего в центре?

Мистерий Златович заговорил решительно:

– Будете доставлять по первому же требованию различные сведения. За это мы выделим вам бесплатный и безвозвратный кредит на сумму пятьсот тысяч долларов.

– И все? – заинтересованно оживляясь и вытаращив глаза, спросил Шак.

– Вам кажется маленькой сумма? – приятно улыбаясь Тэ Макаяну, в свою очередь спросил Мистерий Златович.

– Нет. За такую простенькую работу деньги вполне приличные, – прикинул тот и объяснился. – Наверное, я могу стать вашим пассивным осведомителем, но не активным доносчиком! Не в моем стиле, знаете ли, специально что-то вынюхивать. Могу предоставлять только ту информацию, которая будет встречаться по пути моей работы в центре, – это все.

Кузявский пристально посмотрел на будущего агента банка и высказался:

– Вынужден вам сказать о том, что пассивный доносчик – это хорошо для нас, но вам все-таки потребуется быть еще и активным.

– Тогда – нет, я не согласен, – резко отказался Шак.

– Вы меня поняли не так, как я того бы хотел, – не унимался представитель банка.

– А как же еще можно вас понимать? – заупрямился Тэ Макаяна.

– Вам не потребуется что-то специально вынюхивать, – разъяснил тот. – Все очень просто. К примеру, я могу попросить вас затянуть какую-то работу в центре. Или же, наоборот, ускорить ее. Возможно, понадобится срочно переставить некоторый предмет с одного места на другое. А может, потребуется что-то сказать кому-то из сотрудников, и тому подобные мелочи. Не правда ли, сущие пустяки? А бабло приличное, плюс перспектива карьеры. А дальше и то, и другое способно увеличиваться и возвышаться. Как на это смотрите теперь, мой друг?

– А разве у меня есть выбор? – расчетливо задал вопрос Шак и сладостно призадумался.

Кузявский помолчал немного и серьезно сказал:

– Выбор всегда есть, если точно не знаешь, что тебе нужно, и чем больше не знаешь, тем шире и многочисленнее выбор. Но мне кажется, что я не ошибся в вас и вы точно знаете, что вам нужно. А посему предложение оказаться клиентом нашего банка вам придется в самую пору. Не так ли?

– Все так, уважаемый Мистерий Златович, доверительно определился Тэ Макаяна. – Я согласен.

Представитель банка, повеселев, неторопливо вытащил из своего дипломата стопку листков и дорогую, отливающую красным перламутром ручку. Бережно подал все это Шаку и сказал:

– Осталось вам расписаться на этих бумагах.

И Шак подписал договор.

Трактат о похвале, или В логове Зла

Магистр восседал за своим рабочим столом в величественно просторном кабинете здания банка «Энергетик АЛЗ». Стол был довольно большой, овальной формы, и покрыт черной бархатной скатертью с крупными желтыми сосульками бахромы до пола. Вокруг стола молча и сосредоточенно сидели несколько человек, ожидая начала планового мероприятия. Подобные встречи Остап проводил регулярно, неколебимо формируя сознание избранных сотрудников. На нем сейчас была надета дорогая, ярко-белая, сшитая на заказ, кружевная рубашка. Освещение было неярким, но его холеная кожа лица и рук контрастно бросалась в глаза и завораживала взгляды присутствующих.

– Итак, приступим, господа! – коротко сказал он и медленно отсмотрел всех поочередно, анализируя то, как его сейчас услышал каждый и насколько верно готов воспринимать дальше. – Кузя! – ласково окликнул он своего секретаря, Кузявского Мистерия Златовича.

– Да! – по-школьному вскочил с места тот, подтверждая свою услужливую готовность исполнить что угодно.

– Ты чего это там, на крайней передаче, облажался? – насупил брови Магистр.

– Остап Моисеевич! – волнительно оправдывался Кузявский. – Непонятно отчего, травник как с ума сошел!

– Ага! – ухмыльнулся тот. – Все в соответствии с названием твоего шоу: «Пробуждение ночи». Вот и пробудилась она у него!

Присутствующие сдавленно хохотнули.

– Здесь что-то другое... – подыскивал свое понимание обидного случая в студии референт. – Мне кажется, кто-то лез!

– Значит, так! – потребовал Остап – Мне нужны только прямые эфиры! Учись блокировать нападающего.

– Понятно, – грустно признал свой промах Кузя.

– Чтобы больше такого не повторялось! – настойчиво предупредил Магистр, потом помолчал и вдохновенно

похвалил секретаря — А вобщем-то, ты молодец! Шикарно справился с заданием. Шак теперь, наш! Блестяще!

– Конечно! – бравадно рапортовал Кузя и тут же уловил на себе завидующие взгляды коллег.

– Тебе не понравилось мое одобрение? – загадочно улыбнувшись, спросил Хозяин банка.

– Почему? Остап Моисеевич! Как может такое не понравиться..., э-э.., все замечательно! – испуганно растолковал свое настроение Кузявский, но у него подкосились ноги.

– Хорош, огурчик! – обиженно заявил Остап. – Ведомо тебе, дружок мой хрупенький, что если тебя одобряют, то не хвали тут же сам себя, а молчи и благодарно принимай данное, тогда и толк будет.

А то я ему «Молодец!», а он – на тебе, «Конечно!». Сколько вас учить можно?! – оранул Магистр на всех остальных, и они, как по мановению волшебной палочки, прилежно вытянули спины по струнке и замерли.

Остап иронично посоветовал Кузе, который совсем уже присел на полусогнутые ноги: – Верни свою задницу на место, а то ходули сломаются.

Секретарь тут же стеснительно присел на стул.

Я говорю, сколько вас учить можно, а?! – ехидно вопросил Магистр и рассудительно пожурил. – Должны уже понимать тонкости разумной логики развития.

Секунду он взвешенно подумал и заговорил более снисходительно:

– Ладно. Пока прощаю. Приступим к распаковке приемов. Рассмотрим вопрос, как нужно реагировать на похвалу.

Можно по-идиотски, в образе профана, возгордиться в движениях тела, эмоциях и мыслях. Начать поглаживать себя по барабанной голове словами, типа, «Конечно!», но, пользы не будет. Только растратишь энергию одобрения на сиюминутный кайф, – референт затаил дыхание, Остап, не обратил на это внимание, продолжая поучительный монолог. – Но, если ты умен и понимаешь смысл в энергетике, поведешь себя иначе. К примеру,

промолчишь и не будешь наслаждаться похвалой. Тогда, ее энергия полностью всосется в тебя, в твое подсознание и пойдет на пользу.

Понимаем далее, – поучал Магистр. – Предположим, при одобрении присутствовал еще кто-то. Что ожидать? Поясняю.

Если свидетель похвалы ненавидит тебя, но не проявил в твой адрес даже внутри себя, в чувствах, ненависть к тебе, то он сгенерирует про запас порцию отрицательной энергии, то есть увеличит свою силу против тебя для будущих общений с тобой.

Это плохо. Лучше этого не допускать. Срочно унизь себя как угодно, прямо на его глазах. Хоть возьми, да пролей себе чай на белые штаны, чтобы тот все-таки породил негатив. А для того, чтобы ощутить, удалось ли противнику остаться в нейтралке или нет и нужно ли себя унижать, обрати внимание на свои чувства: если похвала воспринялась тобою с любым корявым оттенком, значит, точно враг удержал нейтралитет. Шарахни его своим унижением.

Анализируем ситуацию далее.

Если ненавидящий тебя после похвалы тут же совершит какой-то поступок, чтобы попытаться обесцветить твое восприятие одобрения, он получит возвратный удар не скоро.

Если же этот паразит станет хреново эмоционировать внутри себя против тебя, то получит возвратный удар быстрее.

Коли же он без отношений, просто подумает плохо супротив тебя, то его ударит неподалеку.

Бывает и так: недоброжелатель присутствовал при похвале, но был сосредоточен на чем-то другом, книжку читал или еще что делал. В этом случае его шарахнет мгновенно. На это обратите особое внимание. Всегда старайтесь занять чем-либо противника, хотя бы на всякий случай, или отвлеките его сразу же после похвалы каким-то вопросом, предложением, ситуацией. Пусть его все-таки звезданет как следует, как говорится, здесь и прямо сейчас.

Во, как! – воскликнул Остап. – Оказывается, надо уметь грамотно смолчать собственную реакцию на похвалу!

Но существуют и другие способы.

Магистр ненадолго призадумался и высказал свои соображения на этот счет.

– Вариант первый – можно не промолчать, а ответить словами, жестами, пространственными передвижениями вашего физического тела.

К примеру, тебя похвалили, а ты возьми и займись нужным тебе сейчас делом. Или продолжи еще активнее выполнять работу, которую имел до похвалы. Также будет неплохо броситься к занятию, за которое похвалили, и выполнить или же довыполнить его еще лучше, больше, точнее.

Вывод: не наслаждайся одобрением. Старайся энергию радости от похвалы, которая, так или иначе, все равно будет в тебе возникать, незамедлительно и созидательно растрачивать в свое же благо. Главное – занять башку и душонку конкретными действиями, что позволит остаться ровным относительно похвалы.

А еще можно потратить энергию радости от похвалы в ответные слова, что окажется магической операцией, заделом на будущее в твою же пользу. В этом случае в речи следует сделать акцент на том, что именно ты желаешь исправить для себя.

К примеру, тебя похвалили, а погода – дерьмо, тебе же нужна хорошая. Говоришь, мол, какая скверная погода. Погода станет налаживаться.

В элементарной похвале много хитростей и законов. Постараюсь вам еще кое-что подсказать. Задавайте ваши вопросы, господа!

– Э-э! – только и протянул негромко Кузя, но, увидев, как его глупая робость сейчас же перекривила лицо Магистра, набрался смелости заговорить более бойко. – Можно мне спросить?

– Давай, – согласился Остап. – Буксуй вопросом – подтолкну ответом, – и он рыгатнул.

А если внутри себя порадуешься похвале, но не проявишь это вовне?

– Садись, Кузя. Так ты разбазаришь халявные возможности одобрения, прибалдеешь не больше, чем на пару минут, и останешься при своем, будто тебя и не хвалили. Автоматически подобное отношение к похвале (ты же ее сожрал) отразится на твоем деле, за которое ты получил одобрение, и тогда оно способно развалиться, оказаться фикцией или не так выполненным, даже внезапно ненужным, может поломаться или испортиться. Короче, твоя пахота на него обнаружится напрасной. А еще тот, кто тебя одобрил, в данном случае я, может просто забить на то, что он это сделал, и не учитывать свою похвалу в дальнейших общениях с тобой.

Все дружно заулыбались и посмотрели на Кузявского с нескрываемым удовольствием. Он же, понимая, что опростоволосился, решил не сдаваться и, подхалимничая, с места задал витиевато оправдательный вопрос.

– А если я в знак благодарности, получив похвалу от вас, Остап Моисеевич, возрадуюсь вашей любезности, лично за вас, что вы, такой умный и заботливый, нашлись меня похвалить. То есть отдам энергию моего восторга за ваше одобрение моей работы вам, тогда как?

Магистр улыбнулся и незамедлительно рассказал.

– Возрадуешься за того, кто тебя похвалил, практически переадресуешь энергию одобрения ему же, и она у него возникнет плеткой для тебя, которую ты сам же и подал. Ежу понятно, одобритель получит возможность, скажем, прикрикнуть на тебя, в чем-то обвинить и даже увидеть твою работу, за которую только что похвалил, мизерной и наказать, потребовать большего.

Вы что, олухи мои, думаете что монархи и цари в этом мире просто так стремились воспитать своих подчиненных в духе беззаветной и слепой любви к себе?!

Они формировали отношение к своему статусу у своего окружения таким образом, чтобы даже похвала с их стороны вызывала в подданных радость, что их величество у них вообще есть и заметил их.

Рабы, согласно заведенным специальным этикетам, правилам, законам и протоколам, за милость, снизошедшую

на них от господина, обязаны были генерировать благодарность и передавать ее, тратить на господина же посредством всевозможных и обязательных реверансов и встречных ажурных речей.

При таком раскладе дело, которое произвел подданный, оставалось целехоньким, не страдало, а рабу приходилось ишачить дальше еще крепче всего лишь за то, чтобы получить не подкрепленное никакими энергиями очередное воспоминание о похвале. Получалось, что и волки сыты, и овцы целы.

Запомните! Тогда только и процветает начальник, монарх, царь или же президент, когда подданные его, раболепя перед ним, и за похвалы его ответно благодарят.

Вот так, ребятки! – оскалился Магистр. – Учитесь управлять!

Он слегка зевнул, потом прошерстил своим пытливым взглядом слушателей, определяя, кто, как и что понял, и возобновил свою убедительную речь:

– Господа! Вы должны знать, что существует еще и скрытый, массовый механизм, когда похвалят и заберут энергию обратно, а ты, даже понимая, что произошло, не в силах будешь сопротивляться собственной же радости. Все очень просто!

В частности, даст господин подданным пенсию чуть-чуть побольше, организует некую надбавку или же заработную плату едва увеличит, приоткроет какие-то свободы, одновременно поборы, налоги, и другие правила ужесточит. Так, вроде бы, его и ругать не за что. Ты же сперва порадовался, а значит, наперед обезоружил себя. Вот так правят наши люди – учитесь!

Сами хвалят и сами же забирают эту похвалу обратно – четкий государственный механизм управления профанами и процветания избранных.

А идиоты, которые пытаются это замечать и об этом трещать повсюду на митингах и собраниях, – таким либо создают невыносимые условия жизни, отчего тем становится некогда болтать, либо как-то поощряют их, чтобы им было стыдно болтать и ни к чему, либо убирают с физического плана. Усвоили?

Приспешники Остапа на несколько секунд оторвали свои взгляды от конспектов, одобрительно переглянулись друг между другом и радушно заулыбались своему начальнику.

– Молодцы! – похвалил их Остап Моисеевич. Но все промолчали в ответ.

Наступила пауза. И тут, на фоне полной тишины, стул, на котором сидел Мара, развалился, и Геннадий Маринович с треском упал на пол. Все, и даже Магистр, гулко расхохотались. Мара поднялся на ноги, побито и повинно осунувшись в плечах, стоял у стола, не зная, как быть.

– Да-а... – произнес огорченно Остап, обращаясь к нему. – Ты, как я узрел, исподтишка все-таки порадовался тому, что я среди всех похвалил и тебя. – Мара молчал. – И ты моментально убедился, – разворачивал нотацию Магистр, – что дело твое, присутствие здесь, рухнуло под тобой.

В сущности, ты неплохой парень, только малость неграмотный пока. Не расстраивайся, это поправимо, пройдет.

Я не стану тебя наказывать. Не стоит пороть за то, что еще не перевоспитано в тебе. Бить нужно и можно только за хреновое, вновь приходящее, а не за то, что еще есть.

Возьми-ка другой стул и займи свое место по-новому.

Маринович, чувствуя себя виноватым, оттащил обломки стула в сторону, пошел и принес новый. По всему его виду было заметно, что он желает сгладить ситуацию. Остап подбросил ему идею, как это сделать.

– Может, вопрос у тебя какой есть? – сказал он.

Геннадий внимательно подумал и исподволь, посматривая на хозяина, спросил:

– А как защититься от похвалы, не принять, перенаправить ее во зло похвалившему, особенно, если она ложная, от подхалима?

– Хороший вопрос и с намеком. Мне это нравится. Ты удумал защищаться. Против меня – нет, а от других научу, – откровенно высказался Магистр и прищурено посмотрел на Мару, на его реакцию.

Но тот нашелся, что сказать:

– Остап Моисеевич, я и не догадался бы задать такой вопрос, если вы наперед не создали бы его во мне сами.

– Учитесь! – сказал Магистр, лениво указывая рукой в сторону Мары. – Вот, как надо реагировать на похвалу, если хочешь, чтобы у твоего шефа прибавилось энергии.

Он немного помедлил, словно поджидая подходящий момент заговорить дальше, с трудом сдержался, чтобы не зевнуть снова, потом взбодрился и настойчиво оповестил:

– Ладно. Отвечу на твой вопрос, Мара, открою тайну.

Для того, чтобы ударить одобрившего тебя чувака, причем бацнуть как похвалившего честно, так и ложно, да еще и так, чтобы одобритель не смог защититься, даже если и учен в таких тонкостях, надо поступать следующим образом.

Требуется тут же, как только отзвучала похвала, фигово повести себя или же совершить дрянной поступок, чтобы похваливший осудил его и пожалел бы о том, что он тебя одобрил.

Одним словом, нужно обязательно вызвать негодование относительно тебя у одобрителя.

После чего спокойно начинай указывать похвалившему тебя на что-нибудь сделанное им или имеющееся у него добротное, в рабочем состоянии, и оно станет разрушаться. А все потому, что ты энергию похвалы не принял, а, перемешав ее с отрицательной энергией, возвратил, уже как злую, одобрителю по его доброму каналу к тебе, и тот не сможет защититься.

Самое главное в этом ловком, невидимом и достаточно сокрушительном жонглерстве энергиями – найти соответствующую, точную струнку у похвалившего тебя придурка, такую, за которую дернешь, и тот – вот он, тут же в негативе против тебя. А ты ему, мол, накось, получай ударчик. Сам же в это время оставайся

в нейтралке, равнодушным. Все очень просто, не правда ли, господа?

Ученики негромко обменялись друг между другом короткими репликами, одобрительно кивая головами Магистру.

– Остап Моисеевич! Подскажите, пожалуйста, способ, как вычислить подхалима? – заискивающе улыбаясь, спросил Кара.

– Подобного тебе? – лукаво уточнил тот.

– Что вы, Остап Моисеевич! – боязливо опешил Кармовский.

– Я? – деланно возразил Магистр. – Я – ничего. А ты?

Догадываясь, что назревает буря, Кара на всякий случай состроил простецкую физиономию непонимающего человека и напрямую поинтересовался:

– А как мне лучше ответить?

– Хитер, жук! – подметил его поведение Остап. – Ладно, Вилад, лучше молчи пока, но вопрос своевременный. Отвечу на него. Требуется особый опыт, чтобы легко выявлять блюдолизов.

Магистр уселся в кресле поудобнее и вальяжно поведал.

– Любой, даже супер-подхалим, не сможет удержаться в равнодушии, если подчеркнуть в нем какую-нибудь стеснительную или же не приятную для него деталь его тела, характера, проявления мышления и так далее.

Скажешь подхалиму, что у него дурацкие глаза – он выглядит глупо в улыбке, горбат или же еще что другое. А ему пофигу! Все одно лижется.

Здесь надо заявить либо о том, о чем ему еще не говорилось, либо о том, о чем высказывалось, но выразить неповторимыми фразами, в стихах, например. А может, это сделать в присутствии того человека, который является предметом соперничества для него. Хорошо сработает облажать его в присутствии любимого для него объекта, события. Тогда и смотри внимательно. Он обязательно проколется и как-то, но выкажет свое недовольство тобою. А если так, значит, он корыстен к тебе, подхалим, не так уж и предан, каким пытается

быть, ибо истинно любящий тебя отпутится, попросит не обижать или еще что в этом роде, даже смолчит.

Магистр неожиданно встал и неторопливо обошел вокруг стола, по пути зачем-то по очереди таинственно похлопывая всех своих слушателей по плечу, отчего каждый из них немного вздрагивал, оборачивался назад и, подыскивая настроение своего взгляда, затаив дыхание, робко улыбался своему наставнику. Остап снова присел на свой стул и как ни в чем не бывало заговорил далее:

– Есть и еще один секрет в области одобрений. Энергию похвалы можно унести с собой и плодотворно растратить в качестве настроения в нужном месте и в нужное время.

Рассмотрим, как это выглядит.

Надо постараться, удерживая в себе безразличие, уйти побыстрее с того места, в котором вас похвалили, и как можно скорее заняться каким-то делом, какое вам нужно. По ходу к нему ни с кем не общайтесь и не заглядывайте никому в глаза.

Бывает, что энергия похвалы в один присест не вся растрачивается.

Это большой профессиональный уровень, если вам удается недорастраченную энергию одобрения отставлять в сторону до следующего употребления.

Подскажу, как это организовать.

Предположим, вы уже завершили какое-то дело или же решили его заморозить до следующего раза, на какое-то время. Может, вам уже пора отправиться дрыхнуть. Но вы чувствуете, что энергия похвалы недорастрачена. Тогда возьмите и прилепите эту энергию к чему-нибудь. Скажем, врубите песенку и прочувствуйте остаток энергии одобрения на фоне ее звучания. А потом, чтобы эту энергию возобновить для использования, когда вы решите продолжить заниматься делом, вам потребуется всего лишь прослушать закодированную песенку.

Так можно намагничивать что угодно. Например, припрятывать остатки энергии похвалы, не обязательно

только на физическом плане. Это не хуже делается в тех же чувствах. Научитесь привязывать остаток одобрения к какому-нибудь образу, к мысли, к ментальной формуле, к конкретному переживанию или ощущению. Но в этом случае переживание или ощущение, к которому прикреплен остаток энергии одобрения, не должен употребляться вами в повседневности.

Магистр еще какое-то время рассказывал учебный материал для членов астральной шайки, а потом перешел к проработке ответственных рабочих моментов.

– Значит, так, – сказал он. – Скоро я удалюсь на Планету. Ты, Кузя, отбудешь со мной.

– Да, да, Магистр, – поспешно согласился тот. – Что прихватить в дорогу? – поинтересовался он.

– Себя. Ха-а-х! – подколол Остап Моисеевич Кузявского. – Ты что, совсем придурок или прикидываешься?! – гневно оранул он на него. – В Астрал же отправляемся!

– А-а... Э-э... Извините, – скоро сориентировался, Кузявский.

Магистр любезно кивнул головой в сторону девушки, сидящей напротив него в розовом платье, и мягко сказал ей:

– Лара! Ты... тоже на Планету, скажу, когда. Останешься, как всех отпущу, поясню, что к чему тет-а-тет.

– Хорошо, – прилежно отозвалась та.

Магистр окликнул другого сотрудника:

– Золотов!

– Я тут! – браво отчеканил газетчик.

– С завтрашнего дня ты учишься выходить в Астрал! – распорядился Остап и резво обратился к другим подчиненным. – Мара и Кара!

– Вот он, я! – суетнулся Геннадий Маринович.

– Да, Магистр, – подал голос Влад Кармовский.

– Вы, – сказал им Остап, – поможете Золотову научиться экстериоризациям в астральном теле, ясно!?

– Сделаем! – заверил хозяина Мара.

– Какие проблемы, научим! – твердо согласился в свою очередь выполнить предписание хозяина Кара, но

тоскливо переглянулся с Марой, предчувствуя муторный труд, после чего он глянул на пустолобо улыбающегося ему Золотова, не выдержал и отчаянно шепнул на ухо Мариновичу. – Жесть.

– Поработаете с Золотовым, а послезавтра отправитесь в командировку, на юг, надо будет в психушке убить одного моего старого знакомого, Купсика. Он слишком много знает обо мне.

– Астрально? – переспросил Магистра Маринович.

– Физически, балбес! – огрызнулся Остап.

– Понятно. Убьем физически! – подтвердил Кара.

– Да вы что, совсем что ли, идиоты!? – встрепенулся в плечах Магистр. – Разъясняю: поедете физически, а убьете астрально. Повторите!

– Да. Физически поедем, а убьем астрально! – шустро выпалил Мара.

– Физически поедем, а убьем астрально, – клятвенно подтвердил Кара.

– Ладно. Зайдете ко мне через пару часиков, я объясню, в чем суть дела и как лучше все обставить.

– Остальные займутся банком – вернусь проверю! Все свободны, – подытожил Магистр.

ЧАСТЬ IY. СТРАСТИ

Предвкушение хоккея

Божив согласился на предложение Евгения и стал ожидать телефонного звонка тренера хоккейной команды. Он был глубоко убежден, что эта работа ничем не отличается от других, официальных.

В сущности, любое спортивное зрелище предполагает, что в нем принимают участие не только те, кто непосредственно его демонстрирует для зрителей, игроки, но и сами болельщики.

Давно известное дело — дома и стены помогают. В правильном спорте, чтобы уравновесить возможности, каждая команда играет с соперником у себя, затем обязательно на территории конкурента или же только в нейтральном месте.

Можно подумать, что, тайно, да еще и за деньги, приглашая экстрасенса в помощь, спортивный коллектив нарушает правила. Ничего подобного. Никому даже в голову не приходит так же обвинить в нарушениях сторонних людей, которые вскладчину, откровенно, делают денежные и другие ставки на игру, чтобы потом, без стеснения, желать победы своей команды и зарабатывать на этом. А ведь их энергии обязательно участвуют в игре, и, порою, существенно больше, чем влияние специально нанятого сенситива или колдуна.

Болельщики, особенно те, которые, заявили ставки, на любом расстоянии, мысленно и в чувствах подключаются к игре.

Приглашенный экстрасенс – можно считать, заточенный на победу, оплачиваемый болельщик, с единственной разницей, что о нем никто не знает, кроме тренера.

Кстати, члены команды не должны иметь даже представления, что на них работает некий колдун, в противном случае, он не сможет толком ими управлять.

Любой тренер обладает всевозможными как положительными качествами, так и отрицательными, последние он вполне имеет право компенсировать за счет оплачиваемого сенситива.

Смешно даже себе представить, пытаться осудить то, когда, к примеру, на войну уходит солдат, а его мать сердечно думает ему вслед, чтобы тот победил. Или же когда студент идет на экзамен, а его заботливо сопровождает в этом мероприятии своими правильно организованными переживаниями друг, который вполне может оказаться природным экстрасенсом и даже сам не ведать об этом. А в спорте кто это проверял? Не исключено, что та или иная команда потому и выигрывает, что некий врожденный, неосознанный колдун годами желает этого, живет где-нибудь на отшибе цивилизации и втихую смотрит игры по телевизору.

Божив с таким же успехом мог самостоятельно, никого не уведомляя и никуда не нанимаясь, следить за ходом игры той или иной команды и побеждать, насколько он энергетически развит. Это нормально – использовать свои потенциалы и навыки за деньги.

Почему и существует грандиозная тяга в человечестве к различного рода шоу, в частности, к спорту, потому что зритель получает право участвовать в зрелище своим уровнем сознания, оказывать непосредственное воздействие на исход спортивного события.

Не считается же зазорным приглашать хорошего тренера, психолога, врача и прочих мастеров своего дела, профессионалов в различных областях, для содеятельности в команде.

Тот же психолог может так подготовить игрока, что он будет шустрить похлеще, чем от воздействия иного экстрасенса.

Понятно, спортсмены не ведают, что ими управляют. Мол, колдун, без их разрешения манипулирует зрелищем.

Опять же, какая разница?! Колдун мог управлять сам, не спрашивая у тренера.

Ну, да, как бы всплывает понятие месторасположения совести. В одном случае все лежит на таковой у тренера, в другом – на стыде колдуна.

В таком случае давайте (это будет логично и оправдано) выразим претензию болельщикам, мол, какое вы имеете право лезть в игру своим сознанием и чувствами, разгоним их с трибун. Тогда лучше играть на Марсе, и чтобы никто не знал. Или вовсе не соревноваться.

Налицо требуется новая эра в спорте, в данном случае, в хоккее, когда команда будет состоять не только из ее ледовых членов, открыто катающихся на коньках с клюшками по полю, но и из экстрасенсов, имена которых даже перечислять перед началом игры. Правда, когда все будут знать о том, что экстрасенс участвует в игре, то от него будет толку, как от козла молока. Нужна закадровая тайна.

Надо просто законно не запрещать пользоваться тренеру услугами колдуна и не заставлять его отчитываться, делает он это или нет.

Зачастую при автодорожной аварии виноват не конкретный водитель или пешеход, а мимо проходивший зевака, сознание которого сконструировало ситуацию.

Мы живем в низкоразвитом обществе, в котором пока нет энергетических законов, принятых на государственном уровне.

Короче, Юра себя чувствовал уверенно и оправданно.

Отшельник Божеству претит

Сегодня Божив взбалмошно проснулся от телефонного звонка. Он вскочил с постели в одних трусах, сделал пару шагов в сторону тумбочки, на которой стоял аппарат, и скоро снял трубку.

– Алло! – сказал он каким-то неестественным, охрипшим и клейким от сна голосом, – отчего сконфузился, отвел трубку в сторону, прорычал и прокашлялся. – Я слушаю, – произнес он уже более естественно.

– Я могу поговорить с Юрием Боживым? – спросил чей-то солидный мужской голос.

– Это я. Что вы хотели? – немного выказывая волнение, спросил Юра.

– Меня зовут Маринов Дмитрий Альбертович, тренер хоккейной команды «К....». – высокомерно представился мужчина. – Мне дал ваш телефон Евгений. Вы познакомились с ним не так давно в парке. Вы непротив, что я вам звоню?

– Все нормально, – задумчиво сказал Юра.

– Кто это? – выглядывая из-под одеяла, глубоко зевая и размягченно потягиваясь, поинтересовалась у него Вика.

– Тише. Минутку помолчи, – прикрывая трубку ладонью, шепотом быстро попросил ее тот.

Вика лениво привстала в кровати и присела на пятки, понимая, что она не в курсе чего-то интересного.

– Алло! Вы меня слышите? – обеспокоенно спросил тренер.

– Да. Говорите, – поторопился откликнуться Юра и на мгновение приложил указательный палец правой руки к своим губам, выказывая тем самым жене свою бессловесную просьбу о том, чтобы она не вклинивалась в разговор и не мешала.

Вике это не понравилось, и она тут же слезла с кровати, надела серый шелковый халат эротической длины и вышла на кухню приготовить кофе.

– Давайте встретимся? – предложил Маринов.

– Конечно. Где? – уточнил Божив.

– Могу заехать за вами на машине, – нашелся тот, – смотаемся куда-нибудь на природу, за город, и там, без напряга, все хорошенько обсудим. Вы непротив?

– Отчего же! Когда вас ждать? – не возражал Божив.

– Часика через два, устроит? – сориентировал тренер.

Юра, секунду поразмыслил и согласился.

– Вполне. Сейчас я вам объясню адрес, куда приехать.

– Не надо, – остановил его собеседник. – Я знаю, где вы живете.

– Хорошо. Договорились, – настороженно сказал Божив.

Он положил трубку на аппарат и, будто застенчиво протирая глаза, вышел на кухню.

За окном стояло яркое утро. Колошилась листва на деревьях. На столе мельтешили солнечные зайчики.

Ему предстояло объясниться с женой, и он ей все рассказал: о предложении случайного возникшего Евгения в парке, о тренере и о работе на хоккей и о том, что можно неплохо заработать на всем этом по пути энергетического развития. Около часа Юра и Вика горячо обсуждали возможные детали предстоящего дела и на ходу успевали фантазировать на предмет вполне реального и, возможно, большого заработка.

Сейчас Божив крепко обнимал жену за талию и серьезно смотрел ей в глаза, приятно ощущая ногами изгибы ее коленей.

– Слушай-ка, Юр, а ты уверен в том, что это не очередная утка, энергетическая ловушка, вся эта завертивающаяся хрень с хоккеем? – неожиданно, меняя тон восторженности и мечтаний на настроение анализировать, спросила у мужа Вика.

– Не думаю.., хотя.., там будет видно. Во всяком случае, я постараюсь быть начеку, присматриваться внимательнее к событиям и обстоятельствам, – успокоил муж.

– Я тебе верю, – облегченно вздохнула и улыбнулась жена.

– Не можем же мы постоянно прятаться и не контактировать с людьми, – размышляя, сказал Юра и задал ей вопрос. – Помнишь, стихотворение Сергея о том, что нельзя жить в стороне от мира?

– Какое? – удивилась она.

– Оно называется «Напоминание», – игриво осведомил он.

– «Отшельник Божеству претит!» – с выражением прочитала первую строчку она.

– «Нам суждено понять отныне», – поддержал он.

– «Что в одиночку, на гордыне...» – продолжила Вика.

– «Во веки к Богу не прийти!» – подытожил Юра и сказал: – У нас нет выбора, надо жить и побеждать!

Отработка прибылей

Ведьма зашла в приемную центра и остановилась у входа в свой кабинет. Тэ Макаяна в этом время сидел у рабочего стола секретаря и рассматривал какие-то бумаги.

– Шак! Я смотрю, у тебя появилась такая роскошная новая машина, – обратилась к нему ведьма.

На Тэ Макаяна была надета белая рубашка и черные классические брюки.

– Здравствуй, Екатерина Васильевна! – любезно отозвался он и сделал комплимент. – Ты прямо-таки с самого утра такая, вся из себя.., просто загляденье!

В деловом костюме серого цвета, с зауженной к низу юбкой чуть повыше колен, в черных лакированных туфельках с острыми носами на невысоком каблуке, Екатерина и в самом деле смотрелась великолепно. Волосы у нее были распущены. Вся она светилась свежестью и привлекательным настроением.

– А ты бы взял, да и заглянул хоть разок, а то все знай себе поглядываешь в сторонке.

– Правда?! – спохватился он и заманчиво озадачил ведьму вопросом. – Можно прямо сейчас?

Та на короткое мгновение призадумалась.

– А почему бы и нет, – таинственно сказала она, настежь открыла дверь в свои владения, зашла в них и оттуда уже выкрикнула Шаку. – Ныряй, я же разрешила! Или ты только словами мастак бильярдить?!

Тэ Макаяна решительно вошел в апартаменты своего директора, захлопнул за собой дверь, неторопливо подошел к стоящей у дивана Екатерине, волшебно посмотрел ей в глаза и откровенно произнес.

– А ты мне нравишься, детка.

– Что-о? – Екатерина приготовилась грубо отпихнуть его от себя. – Ты сегодня на автомобиле накатал такой тон? – фыркнула она и отвернулась от него, кокетливо прошла за рабочий стол и начальственно поинтересовалась. – Ты хоть тормозами пользовался по дороге? – она присела в кресло и, оценив увесистым взглядом своего бестактного сотрудника, подозрительно добавила. – Удивляюсь, как это тебе сегодня удалось невредимо добраться до центра и без попутных оплеух. Притормози, малыш, а то я могу и штрафануть. Я такая.

– Сама же... – оправдался Шак, – позвала... Зачем?

– Я подозвала. Уловил разницу? – нашлась ведьма.

– Еще бы, – согласился Тэ Макаяна.

– В ногах правды нет, – намекнула она, чтобы Шак присел на стул и он сделал это, тогда она бесцеремонно задала ему вопрос. – Откуда такие бабки?

– Ты имеешь в виду автомобиль? – самодовольно и горделиво улыбаясь, переспросил Шак, махнув рукой в сторону окна.

– Другого ничего пока не видела, – подмигнула ему одним глазом ведьма и шаловливо провела рукой по своей груди.

– Я тебя совсем не пойму, – заговорил он. – Ты мне нравишься. Занимаемся одним делом. Думаю, что и я не идиот. Почему бы нам не оказаться ближе друг к другу?

– Ласки захотел, котовый? – хитро прищурившись, женственно и протяжно спросила ведьма.

Неожиданно она ощутила свое тело размягченным, словно под нежным солнышком, а Шак показался ей

стаканом прохладного и вкусного сока, висевшим в воздухе на близком от нее расстоянии. Она заметно сглотнула слюну.

– И тебе точно не хочется? – настороженно притронулся к ней своим вопросом Шак.

– Отчего же так. Просто... я женщина немного заумная, – заявила она.

– Ты не видишь во мне умудренности? – немного выказывая волнение, спросил Шак.

– Надо проверить, – сказала она, повеселела и пояснила. – Ты нагрубил, а мне это не нравится. Я люблю обходительных мужчин.

– Таких, к примеру, как Сергей Александрович? – ревниво обнаружил в себе обиду Шак.

– Ты хочешь сказать, что я с утра и до вечера пропалываю грядки мужских очередей? Так, что ли? – возмутилась было ведьма, в свою очередь показывая, что и она умеет обижаться.

– Ну, зачем же так! – воскликнул Шак.

– Ладно. Если сам не умеешь настроить щепетильную до ума женщину, то я попробую тебе в этом помочь. Могу создать настроение, – приободрилась Екатерина.

– Давай! – охотно поддержал Шак.

– Хочешь полакомиться стишком? – соблазнительно поинтересовалась она.

– Поэзия? – покорно удивился он.

– Ты против? – игриво спросила она.

Тэ Макаяна рассудительно ответил:

– Отчего же! Сам немного пописываю, интересно послушать, кто автор?

– Можно, я тебе потом об этом скажу, когда прочту? – предложила ведьма.

– Конечно! – не возражал Шак.

– У меня принцип, – открылась Екатерина, – в начале укладываю в мозгах поступившую информацию на полку, какую хочу, и уж потом приглашаю автора посмотреть, как я устроила у себя его произведение.

– Ты прямо само рассуждение, – почтительно заявил Тэ Макаяна. – Я тебя еще такой не знал.

– Куда уж там. Всего-то с полгода у меня работаешь.

Он скорчил хитрую физиономию и нетерпеливо признался:

– Мои чувства щекотятся во мне, они проголодались.

– Я знаю, что тебя сейчас щекочет, – съязвила ведьма и громко хохотнула. – У мужиков одна извилина, и та между ног!

– Творчество усиливает влечение, – застенчиво сказал Шак.

– Ладно. Слушай. Совсем коротенькое, – шепотом сказала ведьма и с выражением продекламировала стихотворение.

Больше

Закрой глаза и станешь Больше!
И всё окажется в Тебе.
А там, Дорогой Бога дольше
Иди, иди в Его судьбе.

И может, станешь больше Бога,
Когда пройдешь Его Дорогой.
Глядишь, закончится Дорога,
И дальше Все Есть Больше Бога!

– Класс, – сосредоточенно заверил Шак и спросил. – Автор, конечно же, Сергей Александрович Истина?

– Да, – как-то мягко и нежно ответила Екатерина.

– У тебя с ним что-то есть? – ненавязчиво уточнил он.

– Ну, знаешь, голубчик мой... – только и успела возразить ведьма, как дверь неожиданно распахнулась и в кабинет со стремительностью наперевес влетела бабка Махам, которая практиковала в центре почти со дня его основания.

Все случилось внезапно. Екатерина как-то оказалась на Даниловском рынке, Махам, торговала там всевозможными травами. Ей эта женщина понравилась, и она пригласила ее к себе на работу.

Худющая, небольшого роста, в свои шестьдесят пять лет предсказательница до сих пор еще выглядела привлекательно. Екатерина доверяла ей и терпела от нее любое поведение. Она являлась чуть ли не главным лицом центра «Магия Духов». Еще бы! Ее деятельность приносила около трети всех доходов. Но у нее были свои привычки. К примеру, она позволяла себе спонтанно, возникнуть в любую минуту и в любом помещении центра. А еще ее побаивались за то, что она всегда говорила правду в глаза, но уважали, потому что выполняла свою работу фанатично, прямо-таки жила ею. Клиенты всегда оставались довольны ее сеансами Прозрения. Являясь от рождения наитончайшим психологом, Махам действительно могла предсказывать судьбу. Особенно хорошо у нее получалось видеть, что было с человеком ранее и почему. Все сотрудники тайно периодически посещали ее сеансы. Тэ Макаяну же она не нравилась. Он относился к ней с откровенной брезгливостью и недоверием.

Сегодня Махам была одета, как цыганка, во всем разноцветном.

– Екатерина Васильевна, душечка моя! – бегло перебирая худыми и короткими ножками, на ходу позвала директора центра бабка Махам, молниеносно преодолевая расстояние от двери до стола, за которым сидела сейчас ведьма.

– О-ой! Бабулечка! – воскликнула театрально ведьма.

Та подошла к ней близко и объявила:

– Завтра я выходная, хорошо?

– Так ты же гуляешь по вторникам, – весело напомнила ей Екатерина.

– Ну и что, а мне нужно завтра, в пятницу! – грубо настаивала на своем Махам и, не дожидаясь согласия начальницы на собственно задуманный выходной, тут же дала распоряжение по своей работе. – Значит, так, – сказала она, что-то просчитывая в уме. – Завтра ко мне на прием придут несколько человек. Один из министерства. Так вот, всех отошлете на следующее воскресенье, понятно? – потребовала она ответа.

– Хорошо, я предупрежу секретаря, Ольгу Эммануиловну, и она все устроит, – ласково, словно отчитываясь под козырек, уверила ведьма.

– Нет! – возразила бабка.

– Что не так? – не понимая, в чем дело, пожала плечами Екатерина.

– Всем может сказать Оленька, а... этому, из министерства, он все-таки человек солидный... – Махам отчего-то неприязненно скривила губы, будто у нее свело в желудке. – Вы ему сами скажите, ладно? Понимаете? Уровень для него нужно соблюсти.

– Так, может, ему и другим проще позвонить и перенести прием по телефону? К чему людям притопывать в порожняк? В другом же веке живем, информационном! – разулыбалась ведьма.

– Нет! – наотрез отклонила ее предложение бабка. – Они обязательно должны приехать, таковы правила судьбы!

– Поняла. Я сама подойду к посетителю из министерства и лично попрошу его появиться в следующее воскресенье, – сказала ведьма и вежливо кивнула головой.

– Во-во! Спасибушки, Екатерина Васильевна! – поблагодарила бабка и настырно заглянула в глаза директору, отчего та почувствовала себя немного неловко перед Шаком.

Тогда Махам все так же устремленно направилась на выход из кабинета.

– А во сколько ему к тебе явиться? – окликнула ее ведьма.

– Пусть приходит в свое время, он знает! – спешно распорядилась Махам.

В следующее мгновение она, уже выскочила из кабинета и захлопнула довольно жестко дверь так, что со стороны вполне можно было подумать, что она поругалась с директором.

– Каково! – воскликнул Шак через несколько секунд тишины, в которой постепенно растворился звуковой шлейф от дверного хлопка. – Цирк, да и только!

– У нее особый характер, – оправдала бабку Екатерина. – Она же не из вредности так себя ведет, вся в работе.

– Все равно, какого черта ты ее терпишь? Хотя бы приструнила когда-нибудь! – раздраженно высказался Шак.

– Во-первых, она сама кого угодно способна посадить на место, а, во-вторых, намекни, за что ты ее недолюбливаешь, если не сказать прямо, ненавидишь, а? – укоризненно покачала Тэ Макаяну головой ведьма. – Она тебе наговорила гадостей?

– Да пошла бы она! Конечно, наболтала! – возмутился тот. – Сплошной треп! Мол, ты в прошлой жизни был тоже профессором и любил свою дочь. Влез в тело молодого человека и жил с дочерью! Черт знает что наплела. А этой, как ее.., э-э.., Виктории Леонидовне Юсман она сказала, что она была со мной знакома в прошлой жизни и жила мужчиной в теле женщины. Во, дурит!

– Чего ты дергаешься, – заботливо прервала его негодование ведьма. – Ну, сказала и сказала! Подумаешь! Мало ли что было.

– И не уговаривай меня, Катя, – заерзал нервозно на стуле Шак, будто его стали покусывать блохи. – я с Махам никогда не соглашусь. Она...

– Ну, все! – строго прервала его ведьма. – Достаточно. Забыли об этом.

Екатерина приняла умиленный вид, напоминая всем своим выражением лица о том, что между ними шел, до взрывного прихода бабки Махам, интересный разговор, и его бы надо продолжить. Шак обратил внимание на произошедшие изменение в поведении ведьмы, не замедлил тоже перестроить свое настроение и доверчиво улыбнулся.

– Ты такая заманчивая и симпатичная, Катя. Я просто торчу от тебя, честное слово. Неужели тебе совсем не хочется? – настойчиво поинтересовался он, чувствуя, как в нем вырастает в полный рост любовный подъем.

– Отчего же! – прошептала она, магнитируя Шака взглядом.

Тэ Макаяна не выдержал и вскочил на ноги, быстро прошел к двери, запер ее на ключ и с облегчением сказал:

– Больше сюда никто не войдет.

Затем он прошагал за стол к Екатерине, в охапку выхватил ее из кресла. Она оказалась у него на руках и не сопротивлялась.

Подруги

Прошло пару часов. Шак уже успел удалиться к себе в рабочий кабинет, а Екатерина Васильевна только что приняла душ и водрузилась на своем рабочем месте. Она как раз подкрашивала губы помадой, как в дверь ее кабинета настойчиво, довольно увесисто и требовательно постучали несколько раз подряд. Она быстро спрятала косметические принадлежности в сумочку и непринужденно возмутилась:

– Кто там так барабанит?!

Дверь распахнулась и в нее вошла взволнованная и чем-то обиженная, словно только что получила от кого-то незаслуженную трепку, Лара. На ней были надеты облегающие тело черные джинсы и длинная белая майка без воротника.

Оставаясь пребывать в некой таинственной усладе, ведьма кокетливо высказалась:

– Шалунья! Ты что, сельдерея объелась!? – и она дружелюбно пожурила девушку. – Совсем спятила. Чё так рвешься?

Та нервозно уселась в кресло и опустила глаза себе на колени, потом, мельком, укоризненно глянула на директора и сказала:

– Я уже больше часа не могу к вам попасть. Ну, вы даете, Екатерина Васильевна!

– Ну, знаешь, это моя проблема: кому, чего, когда и сколько давать, понятно тебе?! – игриво пригрозила ведьма взбунтовавшейся сотруднице и подруге.

– Да, – покорно согласилась та, но все же проворчала. – Этот Шак... дороже вам, чем я!

– Могу я немного расслабиться или нет? Имею право! – оскорбилась Екатерина.

– Извините, – осеклась Лара.

– Спасибо, что разрешила! – ехидно подметила ведьма и оживилась. – Короче, Шалунья, говори быстренько, что ты хотела, зачем сюда больше часа рвалась, а то мне еще нужно, вон, привести себя в рабочий порядок, – снова, докрашивая губы, спросила ведьма.

– Екатерина Васильевна! Мне нужно с недельку отгулов! – капризно призналась девушка.

– На когда? – удивленно уточнила та.

– С завтрашнего дня, – жалобно попросила Шалунья и боевито добавила. – Не отпустите, сама уйду.

– Что, так важно? – озадачилась ведьма.

– Очень, – настойчиво подтвердила та.

– Ладно. Уматывай с завтрашнего дня. Не хочешь говорить, зачем тебе нужна свобода – не надо, – насуплено распорядилась директор.

– Не злитесь, Екатерина Васильевна, – плаксиво попросила девушка.

– Ну, все, иди, – приказала та. – Мне сейчас некогда, через полчаса клиент приходит, не забудь, что ты ассистируешь мне.

Лара еще раз выразила благодарность за понимание и выбежала из кабинета веселая.

Хандра

Шак сейчас находился в собственном кабинете. Он достал из своей наручной сумочки записную книжку и уже было попытался разлистнуть ее, как к нему в кабинет едва слышно постучали, и Тэ Макаяна тут же, быстро и пугливо, засунул эту книжку под папки на столе.

– Да, – настороженно отозвался он.

Вошла Виктория Леонидовна Юсман. Ее платье цвета морской волны, расклешенное от бедер и длиною до колен, утонченно подчеркивало фигуру. Ее волосы на голове были уложены в спиральный пучок на затылке.

– Здравствуйте, – вежливо и тихо произнесла она.

– Привет, – невольно улыбнулся ей Шак.

– Я не помешала? – озабоченная своим вторжением спросила Юсман.

– Нет-нет, нисколько. Вы что-то хотели? – заботливо, поинтересовался он.

– Вы знаете, мне как-то сегодня не по себе, – тревожно произнесла Виктория Леонидовна, усаживаясь на мягкий деревянный стул подле рабочего стола Шака.

– Отчего же так? – пристально удивляясь, спросил тот.

– Волнительно на душе, – объяснилась Юсман.

– Бывает, – теплея в голосе, сказал Шак.

Он вышел из-за стола, подошел к собеседнице и присел рядом с ней на соседний стул, предчувствуя услышать какое-то откровение.

Даже не знаю... – доверчиво посмотрела ему в глаза она.

– Душечка моя, это просто хандра! – бравадно высказался он и успокоил. – Могу дать совет, как привести себя в норму, когда наезжают подобные меланхолия и безысходность.

Шак попытался приобнять Юсман за талию, но она – тут же ловко выкрутилась из-под его руки и вскочила на ноги.

– Вы меня совершенно не так поняли! – попыталась разволноваться она.

– Вы тоже неправильно осмыслили мои действия, – уверил Тэ Макаяна и попросил. – Присядьте, пожалуйста, обратно, я намереваюсь кое-чему научить вас, и не более того.

– Хорошо, – неохотно согласилась Виктория Леонидовна и вернулась на свое место.

Шак снова позволил себе обнять ее за талию. Она уже не сопротивлялась.

– Слушайте меня внимательно, – негромко сказал он. Наши какие-то неприятные, дискомфортные ощущения, когда мы не можем объяснить их природу возникновения, на поверку являются совершенно не нам принадлежащими.

– Что вы имеет в виду? – озадачилась Юсман.

– Вы сейчас чувствуете настроение какого-то неудачно проскользнувшего мимо вас человека, но не свое. Это бывает. Просто могли случайно поймать душой, скажем, какие-то неприятности одноразового попутчика в маршрутном такси.

– И что теперь? – задумалась собеседница.

– Расслабьтесь, – посоветовал Шак. – Скажите себе, что вам абсолютно ничего не нужно в этом мире от вашей среды.

– В каком смысле? – не понимая, о чем речь, поинтересовалась Виктория Леонидовна.

– На непродолжительное время включите пофигизм, – предложил Тэ Макаяна. – Перестаньте куда-то стремиться, чего-то добиваться, получите удовольствие от того, что у вас есть, особенно под рукой. И ваши эмоции уравновесятся, а душевное беспокойство вернется тому, кому оно принадлежит на самом деле.

– Вы намекаете, чтобы я начала наслаждаться вашим присутствием и тем, что вы меня обняли за талию? – соображала собеседница.

– Верно, – подсказал Шак.

– Попробую, – сориентировалась она и начала нежиться в теле и улыбаться.

Тэ Макаяна незамедлил мягко поцеловать ее в губы.

– Вам стало легче? – спросил он.

– Да. Вы, чародей, – словно под гипнозом, ответила Юсман и поблагодарила. – Спасибо.

Виктория Леонидовна неторопливо встала со стула и не спеша направилась к выходу из кабинета. Тэ Макаяна окликнул ее:

– Неужели и правда мы с тобой, Виктория Леонидовна, в прошлой жизни были знакомы?

Она приостановилась и, секунду подумав, сказала:

– Думаю, да. Бабке Махам можно доверять, вы же сами не раз в этом убеждались.

Она весело улыбалась.

– Без понятия, – вкрадчиво соглашаясь, сказал Шак. – Черт его знает! – неожиданно воскликнул он. – Может, и так!

Тэ Макаяна прихлопнул ладонями себе по коленям.

– Я пойду, – обрадовалась Юсман.

– Да, конечно. У меня тоже вот.., невпроворот дел! – оправдывался он.

Виктория Леонидовна ушла.

Шикарная штука – жизнь

Шак остался в своем кабинете один. Он прошел к двери и запер ее на ключ. Потом направился к столу и присел за него. Из-под лежащей на нем стопки папок аккуратно вытащил записную книжку, припрятанную ранее, решительно разлистнул ее, нашел нужный номер и вскоре уже разговаривал по сотовому телефону с Кузявским.

– Все сделано согласно договоренностям, – отчитался он.

– Знаю. Для начала неплохо, – принял к сведению Мистерий Златович.

Наступила пауза. Тэ Макаяна нетерпеливо насторожился.

– Будем считать, – сообщил его куратор, – что доступ к вашему баблу вы оправдали.

– Я теперь могу начать пользоваться кредиткой на полную катушку? – заинтересованно спросил Тэ Макаяна.

– В течении ближайших четырех месяцев вы может снять одну треть суммы и употребить ее, как вам заблагорассудится. Деньги ваши. Нет проблем, – пояснил Мистерий Златович и поинтересовался. – Вам понравился подарок?

– Еще бы! Автомобиль – просто сказка! Спасибо! – поблагодарил Шак.

Опять воцарилась пауза.

Тэ Макаяна достал из сумочки свежий носовой платок и несколько раз промокнул им капельки выступившей испарины на лбу.

– И все-таки не теряйте бдительности, – заговорил Кузявский. – Она, конечно же, увлекающаяся, но ее товарищ... Вы понимаете, о ком я говорю.

– Конечно, – согласился Шак.

– Ее товарищ... – повторился Кузявский, – может унюхать. Вам лучше с ним, пока производите обработку, поменьше общаться. Держитесь от него в стороне.

– Учту, – определился Шак.

– Согласно соответствующим пунктам договора, – напомнил куратор, – Вам не учитывать, а исполнять требуется.

– Я исполню, – заволновался Тэ Макаяна.

– Хорошо. Дальнейшие поручения получите Интернетом завтра. Отбой, – подытожил Кузявский.

– Отбой, – повторил вслед за ним и Шак, захлопнул трубку телефона и положил ее на стол.

«Так... – обрадовано и самодовольно подумал он про себя, – оказалось, что начать жить хорошо – гораздо проще, чем я думал. Требовался всего-то такой пустяк, и я обеспечен на всю свою жизнь! Скоро я смогу заниматься только любимым делом, обучать простушек. Один годик потерпим! Сорву свое, никто ничего и не узнает, а там видно будет, реабилитируюсь или же слиняю из центра!»

Тэ Макаяна от удовольствия смачно причмокнул языком и самодовольно расслабился, испытывая облегчение, лениво потянулся, погладил себя по животику и сказал вслух:

– Хороша, Екатерина Васильевна! Честное слово! – но тут он спохватился. – Стоп!.. Я же давненько

не звонил своей подопечной! Интересно, как она там поживает? Надо бы встретиться, чтобы кровь не остывала, – нежная простушка, но девчонка совсем еще! Надо ее использовать!

Тэ Макаяна снова взял в руки телефон и торопливо набрал какой-то номер. Через несколько секунд послышался приятный женский голос:

– Алло! Я вас внимательно слушаю, – приятно и отзывчиво сказал он на ухо Шаку, от чего тот нетерпеливо заерзал на стуле.

– Алло! Сержина, это я – Шак! – повелительно представился он. – Не забыла еще меня?

– Я поняла, – заговорила обрадованным шепотом девушка. – Давайте, я вам сама перезвоню вечерком, хорошо? – попросила она.

– Нет проблем, малышка. Я буду ждать твоего звоночка. Пока, – начальственно согласился Шак.

Этот короткий разговор закончился. Тэ Макаяна отложил трубку в карман пиджака и мечтательно улыбнулся себе на уме.

«Шикарная штука – жизнь», – подумал он.

Консультант

Я работал у Екатерины Васильевны в качестве особого консультанта. Когда сотрудники центра «Магия Духов» не могли разрешить оперативно и самостоятельно те или иные сложности в своей работе с посетителями, они всегда имели возможность срочно обратиться ко мне за помощью. У меня был свой отдельный кабинет. Я не мудрствовал лукаво над его интерьером и не заморачивался на предмет создания особой атмосферы. Все было скромно. Стол, кресло на колесиках, компьютер и десятка полтора стульев у стен. Мне либо звонили по внутренней связи, и я решал вопрос, не покидая своего рабочего места, или же приглашали в какую-то аудиторию центра, чтобы я лично разобрался в той или иной жизненной ситуации трудного клиента.

Обо мне мои коллеги шутили так: «надо сделать звонок другу». Правда, в каких-то строго конфиденциальных случаях они сами прибегали ко мне в кабинет и совещовались совершенно секретно. Когда с каким-то визитером центра вообще никто не мог справиться, его направляли ко мне на прием. Иногда работы было много, но бывали дни, когда я безработно принадлежал только сам себе.

Сегодня в первой половине дня меня почти никто не беспокоил, всего было пару уточнений. В зеленых спортивных штанах, в кроссовках и в белой майке, я сидел у себя в кабинете за рабочим столом и в Интернете поигрывал в шахматы с компьютером «Джин», который был весьма энергетически очеловечен мною. Параллельно я неторопливо переваривал сытный обед. И тут неожиданно я понадобился сразу всем.

Первой меня озаботила женщина-бизнесмен. Секретарь, Ольга Эммануиловна, посоветовавшись с Екатериной Васильевной, сразу же прикрепила ее за мной.

Я внимательно окинул бизнесменшу взглядом. Лет сорока на вид, одетая в дорогой деловой костюм, она старалась казаться сильной. Я задал ей вопрос и улыбнулся:

– Что у вас стряслось?

– Трясется все! – отчаянно выпалила она, подумала и пояснила. – Семейная жизнь на грани развала, фирма, принадлежащая мне, входила в десятку лучших финансовых компаний в стране, теперь едва замыкает сотню, наехала бессонница, чувствую, еще немного, и полный пипец.

– Понятно, – констатировал я.

– Спасите меня! – жалобно попросила женщина.

– И давно? – поинтересовался я.

– Что именно? – растерялась она.

– Все это началось? – разъяснил я.

– С полгода назад, – услужливо подсказала бизнесменша.

Я пораскинул мозгами и понял, что требуется найти среди вороха негативного хлама блоху, с которой все началось.

– А точнее, можете припомнить самую первую неудачу? – сосредоточенно спросил я, помогая несчастной сконцентрироваться на верном ответе.

– Не помню, – опустошенно произнесла она.

– Может, куда-то в то время ездили или же была контрастная встреча с кем-то, возможно, купили что-то? – направлял я ее сознание.

– Точно! – внезапно воскликнула бизнесменша и призналась. – Раньше я пользовалась достаточно недорогим сотиком. У меня была установка – главное, чтобы звонил. Друзья прикалывались надо мной, типа, я не современная. Меня все это достало, и я приобрела супер-мобильник, навороченный до ужасов! В нем было столько разных прибамбасов. Решила взять выходной и до вечера просидела с ним, чтобы изучить все его возможности. На следующий день, когда я приехала в офис, именно на эту новую трубку мне сообщили первую неприятность. Крупная инвестиция, которая нужна была, как воздух, не прошла. Дальше еще хуже, по нарастающей. К кому и куда я только не обращалась! Говорили, что у меня сглаз, порча от конкурентов, что виновата прошлая жизнь, что надо покаяться. Сдуру, триста тысяч баксов оттарабанила в церковь. Все оказалось напрасным.

– А что кардинально изменилось, какие функции телефона явились удобными и особо употребимыми? – раскручивал я главное.

– Первое, что меня тогда особо порадовало, по мелодии звонка я определяла, кто мне звонит. – Второе... – попыталась продолжить женщина, но я прервал ее.

– Достаточно. Вы уже назвали то, что надо.

Я рассудил. Дело в том, что гораздо труднее поверить, что, к примеру, в твоей сумочке, которая у тебя точно есть, что-то затерялось, чем поверить в то, что в твоей сумочке что-то затерялось, когда у тебя сумочки не было и нет.

Когда к нам кто-нибудь должен придти в гости, нам гораздо легче подумать, что у гостя будет хорошее

настроение, чем пытаться это предполагать, когда уже гость стоит на пороге и мы его видим.

Мне уже стало ясно, что раньше, когда в телефонной книге бизнесменши не было разделения на свои мелодии для каждого номера, она могла на лету, пока не взяла трубку в руки, еще во время звонка, строить звонящего, предполагать, что звонит или позвонит тот, кто нужен, так и выходило. Она была активна по отношению к среде и управляла ею. Теперь же ей стала навязывать свою волю среда, однозначно дергая женщину за веревочки звонков, словно куклу в своем спектакле. Так у нее организовались сомнения, пассивность, провалы планов. Бизнесменша начала везде и всему уступать свое место в жизни, которое, как известно, «пусто не бывает».

Не объясняя подробностей причины полосы неудач этой женщины, я тут же предложил ей прямо при мне назначить для всех абонентов в телефонной книге одну и ту же мелодию звонка и обязательно ту, которая была полгода назад.

Какое-то время, судорожно манипулируя пунктами меню и недоверчиво, искоса посматривая на меня, она все же сделала это.

– Ну, вот. Как вы и сказали. Все у меня в одной шляпе, – грустно пошутила она.

– Отлично! – подбодрил я.

Внезапно ее мобильник затрезвонил. Она спохватилась, чтобы отозваться.

– Подождите, пока не отвечайте, – вмешался я и быстро спросил. – Что вам сейчас очень нужно?

– Инвестиция, – без колебаний ответила женщина.

– Кто должен позвонить, чтобы вы получили деньги? – уточнил я.

– Петр Сергеевич из министерства, – машинально проговорила она.

– Принимайте звонок, – разрешил я.

Разговор длился не более минуты. По его окончании бизнесменша несколько мгновений сидела, вытаращив на меня глаза. Потом деловито оживилась и попросила:

– Сергей Александрович! Напишите мне, пожалуйста, ваши паспортные данные. Вечером у выхода из центра вас будет ожидать новый великолепный автомобиль, мой подарок. Инвестиция есть!!! – радостно оранула она.

Я выполнил ее просьбу.

– А все остальное тоже наладится? – бойко осведомилась женщина.

– Конечно, – гарантировал я. – В течение полугода, если не раньше, вы полностью вернете все свое былое могущество и возможности.

Только она успела уйти, Лара зашла ко мне и вежливо присела возле моего стола.

Ежедневно, исключая выходные, хотя бы недолго, я беседовал с ней. Она всегда тянулась ко мне, а я ожидал ее. Все чаще, что бы я ни делал, где бы я не находился, я чувствовал ее рядом.

– У тебя есть вопрос? – непроизвольно и приветливо разулыбался я.

– Сергей Александрович, – стеснительно обратилась она ко мне. – Вы верите в любовь?

– Ты влюблена? – вырвалось у меня.

– Кажется, да, – открылась она и опустила глаза.

– Взаимно? – насторожился я.

– Видимо, так, – негромко ответила девушка и спросила: – Странное состояние, вам оно знакомо?

– Да, – не стал я отрицать.

Возникла пауза. Я исподволь поглядывал на девушку, черт знает что вычерчивая фломастером на листке бумаги, она же во все глаза смотрела на меня. Во мне шла борьба между парнем, который хочет быть с нею, и консультантом, обязанным отвечать на рабочие вопросы. Подыскивая компромисс, я заговорил:

– Знаешь, любовь – это особый навык души, который невозможно потерять, если он уже есть.

– Вы считаете, что любить можно научиться так же, как ездить на велосипеде или вкусно готовить? – догадалась Лара, о чем речь, и на мгновение повеселела.

– Как ни странно, но это так, – одобрил я ее вывод.

– Тогда... – девушка призадумалась, – я только начинаю приобретать этот опыт. А вы? – осторожно спросила она.

– А я... – я помолчал пару секунд, как и она, – начинаю наслаждаться им заново.

– Вы уже любили, – печально произнесла Лара.

– Да, – честно ответил я.

– Я пойду, – сказала она и привстала со стула.

– Подожди, – остановил я ее и предложил первое, что взбрело в голову. – Не возражаешь сегодня вечером, сходить со мной в кино на последний сеанс?

– Не знаю, – замешкалась она и нерешительно оправдалась. – Слишком поздно возвращаться домой.

– Я отвезу тебя на машине, – терпеливо настаивал я.

– У вас же нет автомобиля? – улыбнулась девушка.

– Теперь есть, – добродушно козырнул я.

– Когда же вы успели? – изумилась она.

Я тут же сознался:

– Сегодня, – и повторил вопрос. – Посмотрим фильм?

– Хорошо, – согласилась Лара и быстро ушла из кабинета.

Тут же позвонила Юсман, попросила помочь и повествовала:

– Сергей Александрович, помогите разобраться. С весны лечу женщину, она ни разу не рожала, ей немного за сорок, замужем. И у нее, и у мужа в плане здоровья, порядок. Но ничего не получалось много лет. Лечебные сеансы оказали влияние. За крайние полгода беременела два раза, но выкидыши.

– Муж у нее кто? – спросил я.

– Вы имеете в виду, кем он работает? – не поняла Виктория Леонидовна.

– По национальности, – оконкретил я.

– Грузин. А что это меняет? – размышляла она.

– У него есть друзья? – расследовал я ситуацию.

– Что за грузин без друзей! – хохотнула Юсман. – Есть очень близкий товарищ с детства. Он же теперь друг семьи. Постоянно у них в гостях.

– Спросите у вашей клиентки, – потребовал я, – у друга дети есть?

– Сейчас уточню, – озаботилась моя собеседница и вскоре ответила: – Нет. Он бездетный. У него какие-то проблемы в этом плане.

Мне стало все ясно, и я озвучил рекомендацию.

– Значит, так, – сказал я. – Ее мужу с другом придется расстаться, и ребенок появится.

– Да вы что! – забеспокоилась Юсман. – Вы понимаете, что такое грузинская дружба?! Он на это никогда не пойдет!

– У него нет выбора, – подытожил я. – Хочет иметь детей – прекратит контактировать с другом.

– Попробую уговорить, – приуныла моя собеседница.

– Убеждайте, – прокомментировал я. – Подсознание друга поневоле оказывает воздействие на семью и доминирует.

– Спасибо, – выразила признательность Виктория Леонидовна и отключила связь.

Я сделал кофе, отпил с полчашечки и сладко потянулся в кресле. И тут ко мне в кабинет, как чертик из коробочки, будто вся на пружинках, влетела бабка Махам.

– Сергей Александрович! – выкрикнула она, словно застукала меня с любовницей.

– Да. – спокойно среагировал я.

– Срочно идемте ко мне! – напористо высказалась она.

Молча я проследовал за ней в ее кабинет. Там у нее на приеме находился какой-то парень, лет двадцати на вид, тощий, длинный, с пронзительным взглядом и редкозубый.

– Вот, полюбуйтесь на него! – махнула в его сторону рукой Махам, и тот боязливо заулыбался. – Я ему все рассказала. Кем был, что делал и что ему ныне предстоит. Так подавайте ему какой-то стиль еще! – бабка затребовала объяснений от клиента. – Ну-ка, – дерзко обратилась она к нему, – я не понимаю, объясни Сергею Александровичу, что тебе еще надо?!

– Как себя правильно вести в жизни, стиль поведения, – едва слышно растолковал парень.

– Привстаньте, – попросил я его, он встал со стула. – Пройдитесь туда-сюда, – скомандовал я. Парень принялся не спеша ходить от окна к двери и обратно. – Подергайтесь, покривляйтесь, как хотите, – пристально руководил я им, и он выполнял мои требования. – Замрите, – остановил я его, внимательно присмотрелся к позе, в которой застала его моя команда, проанализировал ее энергетически и объявил диагноз. – Цапля.

– Откуда вы узнали?! – поразился парень моему определению и добавил: – Моя самая любимая поза – это стоять, – он показал, – вот так, на одной ноге, а в бок ее коленки упираться ступней другой ноги.

– Да-да, – уразумел я, – садитесь пока.

Парень присел на место. Я и бабка Махам вышли в холл.

– Причем тут цапля?! – пристала она ко мне.

– Махам, – осведомил я, – каждый человек прежде, чем начать развиваться в человеческих инкарнациях, обязательно был когда-то каким-то животным, птицей и так далее.

– Ну... – соображала она.

– У вашего посетителя, – осветил я проблему, – человеческая душа родилась, когда он был цаплей. А значит, его путь к Богу обязательно должен лежать в этом образе. Чем больше он станет отклоняться от манер поведения цапли в своей жизни, тем больше его будет бить судьба. Это понятно?

– Но он же стиль затребовал?! – упрекнула бабка.

– Правильно. Вот и поясните ему его манеры поведения в жизни. Как живет цапля, как она движется, и так далее. Почитайте энциклопедию и все переведите на действия и человеческие поступки.

– Поняла! – загорелась действовать Махам. – Научишь, как это распознавать? – пристала она. – А то еще кто подобный придет, на стиль повернутый, так я быстренько его уразумлю! – приглушенно хихикнула она.

– Научу. Сразу же не гарантирую, но постепенно освоите, – пообещал я.

Махам опрометью убежала в библиотеку, как я понял, прочесть про цаплю, а я вернулся к себе в кабинет. Едва успел присесть за стол, как по внутренней связи моя консультация срочно понадобилась Екатерине Васильевне.

– Сереженька, выручай! – беспомощно она описала картину. – Какие только защиты не ставила клиентке, и Шалунья помогала, месяц бьемся, ничего не выходит!

– Какая проблема? – прислушался я.

– Малыш у нее. Постоянно его кто-то глазит, порчи с утра и до вечера! – простонала она.

– Если в компьютере вирус привязан к определенному файлу, что нужно сделать? – смутил я ведьму.

– Лечили файл, не помогает! – пожаловалась она.

– А другой вариант? – дознавался я.

– Не знаю! – огрызнулась Екатерина. – Может, переустановить программу? Предлагаешь мальчика умертвить и заново родить?! Скажешь тоже.

– Надо создать другой файл с другим именем и увязать его с программой, – расставлял я точки над i.

– Не понимаю! – взмолилась ведьма.

– Поясняю? – сказал я. – Программа – это его мама. Сын – это файл, с которым она общается. Пусть женщина даст другое имя своему ребенку и держит его в секрете, знает лишь она одна и про себя. Помогите ей в этом.

– И все?! – просияла Екатерина.

– Да. Нападения прекратятся. Вирусы не смогут отыскать объект, потому что его имя будет сокрыто от них. Они лезут через имя.

– Спасибо, Сережа! – обрадовалась Екатерина и отключила связь.

Дьявол, или Хозяин иллюзии

Сегодня в конце рабочего дня ко мне в кабинет пришел некий мужчина, принес оформленные на мое имя документы на новенький автомобиль Mercedes-Benz серебристого цвета. Как оказалось, это женщина-бизнесменша сдержала свое слово.

Конечно, мне было приятно тут же выйти во двор центра, присесть за руль собственной машины и пообщупывать ее рычаги и клавиши. Я похвастался подарком перед ведьмой. Она минут пять бдительно обхаживала и рассматривала мое приобретение.

– Класс! – наконец восторженно высказала она свое мнение и юльнула глазками туда-сюда.

Я укатил домой, чтобы подготовиться к ночному походу в кино с Ларой. Девушка теплилась у меня на душе. Екатерина осталась еще на работе. По дороге я решил заехать в огромный магазин, чтобы купить питьевой воды.

Очутившись в супермаркете, я схватил большую коляску для продуктов и сосредоточенно покатил ее вдоль многочисленных стеллажей со всевозможными товарами.

Вдруг что-то меня заставило осмотреться по сторонам. Я обратил внимание, неподалеку шел какой-то старик, выглядевший лет за восемьдесят. У него была короткая, абсолютно седая борода, беспорядочно заросшие такими же волосами щеки, милая и одновременно противная улыбка, вытянутое лицо и бегающие, очень смышленые, красноватые глазки, которые отчего-то пытливо поглядывали на меня.

Испытывая неприязнь, если не сказать брезгливость, я отвернулся от него, продолжая катить коляску. Через несколько секунд я приостановился, оглянулся назад и увидел, как старик выделывает какие-то реверансы. Он перемещался то одним боком, в подскок на носочках, то другим, при этом явно улыбаясь в мою сторону. Через несколько мгновений он скрылся за ближним от меня поворотом на другую аллею магазина.

«Дурковатый, – подумал я, – а может, из бывших балетмейстеров».

Через минуту я уже забыл о нем. В хорошем настроении я катил пустую коляску еще какое-то время и непринужденно глазел по сторонам. Но из-за очередного поворота на меня снова вышел тот же самый старикан. Он важно прошагал мимо, оскалив, как я понял, лично для меня улыбку. Я приостановился и недовольно посмотрел ему вслед. Тогда он начал идти, словно животное, будто отгребая носками лакированных туфель с поверхности идеально чистого пола невидимую пыль назад, в мою сторону. Было такое впечатление, что у него копыта вместо обуви. Мне это совсем не понравилось. «Гаденыш», – подумал я.

Какое-то время старик не выходил у меня из памяти. Чтобы забыть о нем, я намеренно сделал экскурсию по магазину, рассматривал и ощупывал разные товары. Так, я подошел к киоску, где продавали информационную печатную продукцию, типа газет и других периодических изданий. Тут я стал отчетливо ощущать на себе чей-то посторонний взгляд. Хотя рядом и поблизости от меня никого не было. Невзначай я глянул на товары витринного шкафчика. Там, на лицевой обложке какого-то журнала, прямо напротив моего лица, сияла большая цветная фотография этого же старика. Я всмотрелся внимательнее. Сомнений не осталось, это был он. Я насторожился. Но не выдал своего беспокойства, а постарался побыстрее снова ускользнуть в лабиринты супермаркета.

Не торопясь, минут через десять я отыскал нужный отдел. Взял двадцать пятилитровых баллонов с водой. Что-то подсказывало прихватить еще пару баллонов, чтобы их оказалось двадцать два, по числу Арканов Священной Книги Тота. Но я не стал выполнять каприз подсознания, сославшись на то, что не стоит все свои поступки привязывать к традициям.

Уверенно я покатил коляску в сторону касс. Но через десятка два шагов неожиданно я снова увидел баллоны с водой. «Странно, – подумал я, – словно напоминание».

Почему-то опять появилась навязчивая мысль: «Возьми еще пару баллонов». Тогда, не мудрствуя лукаво, я это легко сделал.

Вскоре в хорошем настроении я подрулил к выходу из магазина. Кассир недоверчиво пересчитала банки с водой, я дал ей карточку, чтобы получить скидку. Вокруг не было никого, кроме нее и меня. Но внезапно к кассе подкатил, тоже с коляской, мужчина, лет сорока на вид, выразительно красивый, с римской физиономией, с волосами, зачесанными назад. Я даже не обратил внимания, как он был одет, кажется, он был в кожаной куртке, которая была расстегнута. Меня поразило другое. Его правый глаз был аккуратно заклеен тонкой полоской белого лейкопластыря, который не прилипал к векам, а был натянут по струнке.

Где-то, мне показалось, он был похож то ли на Булгакова, то ли на героя его романа, Воланда.

Я никогда не видел дьявола во плоти и, признаться, раньше не очень-то верил в то, что он вообще существует. Но сейчас я осознал, что ошибался. Я мог не только чувствовать, но и видеть его реальное присутствие в пяти шагах от меня. Правда, мне совершенно не было страшно, только дискомфортно.

Его открытый левый глаз источал космическую глубину. У другого человека наверняка бы пошел мороз по коже и закружилась голова, но не у меня. В его коляске находились только литровые банки с пивом, которые отчего-то я машинально пересчитал. Их, конечно же, оказалось двадцать две.

Он обратился ко мне, хладнокровно улыбаясь:

– Можно мне воспользоваться вашей карточкой? – и директорски, но вежливо пояснил. – Я свою забыл в машине.

Мне понравился его приятный тембр голоса.

– Да, – так, между прочим, ответил я, ловко забирая сдачу из чашечки.

Признаться, мне все-таки не хотелось помогать ему, потому я намеренно засуетился с кошельком и уже было начал откатывать коляску с водой от кассы, делая вид, что забыл о своем обещании, но мужчина спокойно и настойчиво окликнул меня:

– Вы же сказали, что дадите мне свою карточку? – и, вразумляя мою совесть, добавил. – Она же все равно не именная.

– Конечно, – ответил я и остановился, будто вспомнил о своем обещании только что.

Я достал из кошелька карточку и подал ее кассиру, чтобы та сделала скидку на пиво методично назойливому субъекту.

Я понимал, что отпираться и убегать в этом случае все равно, что сомневаться и уступать свое место, а посему я вел себя прилежно и непоколебимо. Да и у меня не было выбора, потому что позади меня будто возникла невидимая стена.

Кассирша съежилась, грустливо пересчитывая банки с пивом, которые купило это существо. Когда она поняла, что их двадцать две, она с нескрываемой мольбой о помощи на лице посмотрела мне в глаза.

– «Я океан», – сказала капелька и утонула, – непредвиденно произнес дьявол.

Я тут же нашелся, что ответить, и многозначительно изрек:

– «Я капелька», – сказал океан и перестал существовать.

Дьявол внимательно посмотрел на меня и поблагодарил за оказанную ему услугу:

– Спасибо. Извините, что так получилось, – уважительно сказал он.

– В жизни бывает всякое, – философски обобщил я ситуацию.

Поразительно, но на протяжении всего времени, пока происходило это событие, никто из покупателей супермаркета не приблизился к нашей кассе, даже не появился в обозримом пространстве.

Я выкатил коляску на улицу, подвез ее к своему автомобилю и медленно открыл крышку багажника, посматривая в сторону выхода из супермаркета. Мне было интересно увидеть еще раз издалека странного мужчину. Я уложил баллоны с водой в багажник, но дьявол больше не показался, он так и не вышел из магазина.

Вдруг врасплох меня застал телефонный звонок. Я вытащил мобильник из сумочки и принял вызов, на связи был Юра Божив. В трубке возник его суетливый голос:

– Привет, Сергей!

– Здравствуй, Юра, – поспешно отозвался я.

– У меня тут такое творится, не поверишь! – взбалмошно сообщил он.

– Что случилось? – прислушался я.

– Да фиг знает! – возмутился он. – Мы с Викой настолько намучились и выболели. Остался неприятный осадок. Теперь от каждой машины скорой помощи, отплевываемся по сторонам, чтобы не прилипло.

– Ну, и что? – улыбнулся я.

– Да ничего! Сейчас вот иду один, гуляю по городу, – беспокойно пожаловался Юра. – Смотрю, «скорая» проехала, одна, другая, третья, четвертая, пятая позади меня из переулка выскочила. Я уже десятка три насчитал за несколько минут. Вон, вижу, еще одна и еще! – выкрикнул Божив и спросил. – Что это?

– Иллюзия, – спокойно пояснил я. – Тебя посвящают в иллюзию, обильная материализция твоей привязки, которую ты боишься.

– Я задолбался отплевываться от них. Еще едет, сволочь! А вон из переулка «скорая» мне наперерез выскочила. Ее шофер смотрит на меня. Он откровенно хохочет надо мной! Что делать, Сергей?! – истерично волновался и комментировал события друг.

– Успокойся, – посоветовал я. – Надо проверить, эти автомобили видишь только ты или все прохожие на улице.

– Как?! – всполошился он.

– Подойди к «скорой», которая выехала тебе наперерез, и плюнь на нее сзади, – координировал я Божива. – Желательно, чтобы ты увидел чью-нибудь реакцию на твой поступок.

– Ладно. Сейчас попробую. Там как раз парень с девушкой стоят, я плюну так, чтобы они обратили внимание.

Несколько секунд Юры не было слышно.

– Плюнул, – снова объявился его голос.

– И что? – поинтересовался я.

– Парочка увидела, – доложил он.

– Отлично. Гуляй дальше, – руководил я. – Расслабься. Постарайся не привязываться больше к «скорым» и не отлевывайся от них. Они не твои. Не выделяй их среди обычных машин. Уравновесь свое отношение ко всему, что вокруг, и все пройдет.

Еще минут пять Божив делился впечатлениями. «Скорые» прекратили появляться.

– Представляешь, без малого, штук пятьдесят насчитал, на отрезке метров в четыреста! – удивлялся Юра.

– Ладно. У меня еще много дел, – сказал я и попрощался с другом. – Если что, звони. Удачного вечера.

Минут через тридцать я уже был дома, в квартире ведьмы. На улице прилично потемнело.

Только я водрузил на аппресоль баллоны с водой, как электричество вырубилось. В полутемноте я пробрался на кухню, почти наощупь достал из ящика стола свечу и зажег ее. Несколько секунд созерцал, как огонек нежно колышется от моего дыхания. Внезапно я заметил, что расплавленный воск пролился на экран моего мобильного телефона. «Надо же!» – психанул я и, как идиот, открыл кран с водой и сунул трубку под струю, пытаясь отмыть ее от восковых наслоев. В это же время я почувствовал, как тот самый мужик с пивом, который был у кассы, сейчас пытается надменно влезть в мое тело и будто руководит моими нелепыми действиями. «Что я творю?» – засуетился я, предполагая, как быть теперь. Телефон не пострадал, обошлось. Но дьявола я продолжал ощущать, он упрямо протискивался в меня.

Я сообразил: «Карточка. Через ее логику он подключился ко мне». Я угадывал, как теряю контроль над своими поступками. Понимая, что время не терпит, нужно быстрее избавиться от внедрителя, ибо последствия не предсказуемы, я быстро достал карточку из кошелька,

схватил нож и разрезал ее на четыре части. Когда я выкинул испорченную карточку в мусорное ведро, мне стало легко, внедритель отступил.

Тут же восстановилась подача электричества в квартиру. Я прошел в свою комнату к компьютеру. Он у меня был всегда включен. Азартно я разыскал в Интернете несколько фотографий Булгакова и поразился невероятному сходству его лица с обликом мужика у кассы. Оно не было полным, но четко прослеживались общие черты.

«Так и есть, – рассудил я, – он специально предстал передо мной таким, чтобы я понял, с кем имею дело. И через Божива он так же показал свое могущество. Конечно, старик тоже выкидывал кренделя и скалился с фотографии на обложке журнала не просто так».

Ко всем прочим загадкам сегодня я осознал, уже как очевидное, что живу в мире иллюзии, которой управляет все-таки Дьявол. И Он реально существует. Я призадумался. Остап Моисеевич показался мне каким-то маленьким, словно на ладошке. Хотя надо еще во всем разобраться.

Первое свидание

Я прилежно припарковал автомобиль недалеко от станции метро, встретился с Ларой и успешно подарил ей букет алых гвоздик, прочитав тронувший ее чувства стишок:

Под Новый год встречаются года.
Полночное свидание. И наших
Размашисто бегущих два следа
Соприкоснулись.
Что есть в Мире краше?

Она оценила это и скромно поцеловала меня в щеку. Ее распущенные волосы на мгновение облепили мое плечо.

Почуяв дурманящий аромат ее тела и приятное прикосновение губ, я невольно улыбнулся в ответ. В кармане у меня уже лежало два билета на последний сеанс в ближайшем кинотеатре. У нас еще было свободное время около часа, и мы решили уединенно пройтись по Старому Арбату.

Совсем недавно отшумел кратковременный дождь. Стоял поздний, но теплый вечер.

На Ларе была надета короткая котонная юбка и атласная черная блузка с белой звездочкой на животе, на ногах отливали белизной кроссовки. Я вырядился в белую рубашку и спортивный костюм темно-синего цвета и так же сверкал кроссовками.

Какое-то время мы почти не разговаривали, постепенно привыкая друг к другу. Прохожие размеренно обходили нас. Повсюду суетились огоньки реклам, пытаясь привлечь наше внимание. Но мы больше опирались на задумчивый свет фонарей на столбах. Пожалуй, мы даже не слышали городского шума, а только шорох наших подошв. Казалось, еще чуть-чуть, и мы станем различать дыхание друг друга. Лара невесомо взяла меня под руку.

– А почему у вас сегодня Новый год? – спросила задумчиво она.

– Потому что вот так мы встретились с тобою в первый раз, – объяснился я. – И наша дружба началась. Пошел ее первый год. А вон, присмотрись, – показал я рукой, – в луже две лунных стрелки пали на двенадцать. Разве я не прав?

Девушка привлекательно рассмеялась.

– Сергей Александрович, вы прелесть! – сказала она, снова поцеловала меня в щеку, и мы пошли дальше.

– Лара, – нарушив молчание, нежно произнес я.

– Да, – негромко отозвалась она.

Я улыбчиво признался:

– Мне с тобою очень хорошо.

– Мне тоже с вами просторно, – заметила она и заботливо прижалась к моему плечу.

– Ты бываешь на Планете? – спонтанно спросил я.

– Да, – как-то обеспокоенно подтвердила она.

– Что тебя напугало в этом вопросе? – поинтересовался я.

Она отчего-то грустно улыбнулась.

– Ничего, просто, мне кажется, становится прохладнее.

Я снял свою куртку и бережно накинул ее на плечи девушки, она поправила свои волосы.

– А что ты там делаешь? – плавно продолжил я разговор.

– На Планете? – уточнила слегка растерянно Лара.

– Ну, да, – не скрывая заинтересованности, согласился я, послушно ожидая, что скажет девушка.

– Бываю там. Интересно же, – напуская на себя веселость, осведомила она и, в свою очередь, в загадочном тоне спросила у меня. – А вы тоже туда умеете выходить?

Я на пару секунд смутился потом ласково посмотрел в ее очаровательные глаза и уверенно ответил:

– Конечно.

– Вот и здорово! – просияла девушка. – Как-нибудь, встретимся и там!

В этот раз я не удержался и сам поцеловал Лару в щеку. Она посмотрела на меня одобрительно.

Прогулявшись перед сеансом, мы зашли в кинотеатр на просмотр фильма. Честно говоря, я даже не знал, о чем он. Мне было как-то все равно. Главное, что моя любимая находилась рядом со мной. Я почти не смотрел на экран, а все больше на Лару, ревниво оберегая ее за плечи.

Христос

Я вернулся домой под утро. Тихо, словно вор, прошел в свою комнату, чтобы не разбудить Екатерину Васильевну.

У меня на душе сияло предвкушение неисчерпаемой и самой настоящей человеческой любви.

«Лара», – покорно подумал я.

Мне захотелось, не медля, выйти в Астрал, на Планету.

Улавливая сосредоточенность, я прилег на диван и принялся концентрировать энергии чувств. Вскоре

все вокруг привычно зашумело, завертелось, и мягким броском я оказался в открытом космосе.

Внезапно в моем понимании происходящего что-то сместилось в необычную плоскость. Мне трудно было распознать, я вышел в Астральный мир или же просто уснул. Такого со мной еще никогда не было, чтобы я не мог отличить обычный сон от нахождения в астральном теле. И все же я терялся в догадках.

И вот позади себя я услышал чей-то, почему-то очень знакомый и близкий, голос:

– Истина восторжествует отныне!

Я обернулся назад, увидел хозяина произнесенных слов и сразу же узнал Его. Это был Христос. Он смотрел на меня и улыбался, и я зеркалил Его улыбки.

– Ты во Мне, а я в Тебе, – сказал он.

Я молчал и открыто наслаждался Его откровенным присутствием.

– Я принес и подтвердил Истину во имя Его, который будет, но есть сейчас, – промолвил Христос и обратился ко мне. – Сын человеческий, во имя Свое объедини Отца и Дух в Себе, и наступит на Земле Царствие Небесное. Ты есмь я, а я есмь ты. Время пришло.

– И кого же я слышу? – вопросил я.

– Себя же и слышишь, – ответил Христос.

– И кого же я вижу? – снова вопросил я.

– Себя же и видишь, – снова ответил Христос.

– И кого же я знаю? – неотступно вопросил я.

– Себя же и знаешь, – неотступно ответил Христос.

– И кто же я?

– Я.

Неожиданно я очнулся у себя в комнате. Поднялся с дивана, задумчиво прошел к окну и постоял там немного.

«Что это было?» – промыслил я, направился к двери и безотчетно, плавно и настежь открыл ее, как навсегда.

ЧАСТЬ V. СООБЩЕСТВО СОБЫТИЙ

Туда – сюда

В полуподвальном помещении банка «Энергетик АЛЗ» Мара и Кара выполняли распоряжение Остапа Моисеевича, обучали выходам в Астрал газетчика Золотова.

Такое случилось впервые. Обычно новые члены шайки осваивали астральную науку посредством навязываемых сновидений, как это в свое время случилось с Екатериной Васильевной. Но в этот раз Магистр решил действовать иначе.

В квадратном помещении, стены которого являлись совершенно черными, не было ничего лишнего: только плоско разложенный, огромный старый кожаный диван, на краешке которого сгорбленно сидел Золотов и ожидал своей участи, а Мара и Кара стояли поодаль.

Газетчик время от времени глубоко вздыхал и бестолково улыбался. От любого шороха, производимого своими учителями, он машинально съеживался, ему было страшно.

– Раздевайся! – громогласно и раскатисто оранул на него Мара.

– А зачем? – бережно спросил газетчик.

– Меньше болтай! – приказал ему Кара.

– Понял, – неохотно согласился тот и стал медленно раздеваться, раскладывая аккуратно свои вещи недалеко от себя так, будто прощался с ними навсегда. Вскоре он остался в майке и трусах.

– Ты что не понял, идиот! – недовольно огрызнулся на него Мара.

– А что? Я разделся, – предчувствуя что-то неладное, заботливо ответил Золотов.

– Догола нужно! – усмехнулся Кара и шепнул Маре: – Этот дурачок еще, того гляди, может коньки отбросить.

– Он совершенно не готов, – согласился Мара.

– Ребятки, – жалобно позвал Золотов своих мучителей, раздеваясь полностью, – Может, в другой раз попробуем?

Оказывается, от страха у него теперь так обострился слух, что он все-таки расслышал то, о чем между собой переговорили о нем учителя.

– Ушки-то до нас дотягиваются! – усмехнулся Маринович.

– Это и фигово, – возразил ему Кара.

– Почему? – озадачился Геннадий.

– Потому что накрепко в теле сидит, – озлобленно пояснил Влад. – Попробуй – вытяни его оттуда. Растянется до Северного полюса.

– Это так, – озадачился Маринович.

Перед Марой и Карой стояла почти не выполнимая задача: вытащить человека в первый раз из предметного тела без какой-либо подготовки.

Ведь для того, чтобы выйти в большой Астрал, требуется порвать со всеми привязками. А у газетчика их было превеликое множество. Больше того, Золотов боялся покинуть физическое жилище. Он мог серьезно повредить психику или физическое здоровье.

– Надо, чтобы чувачок расслабился, отвлекся, что ли. Как считаешь? – спросил Мара у Кары, сосредоточенно впившись глазами в Золотова, который теперь уже лежал на диване совершенно голый, распластавшись на спине.

– Эй, ты! – надменно крикнул газетчику Кармовский.

– Что нужно сделать? – отрешенно спросил тот.

– Прочти что-нибудь, – рявкнул ему Маринович.

– Хорошо, – подчинился газетчик. – и заговорил стихами:

Предупреждение

Ты живешь и злом лишь дышишь,
Сторонишься Света прочь,
А случись проблема – в крышу
Трещиной вонзится ночь.

Коль живешь и Светом дышишь,
То проблемы не из туч:
Словно вдруг надрежет крышу
В нужном месте солнца луч.

Золотов замолчал. Мара дал указания Каре:

– Начинай выдавливать его из пяток, взволновывай его астральное тело, прогоняй по физическому снизу вверх, а я выдерну у него пробку из темечка.

Для Золотова началось самое ужасное, его нестерпимо подташнивало. Ему казалось, что все его чувства и ощущения насильственно устремлялись сейчас в объем головы. Он задыхался.

– Стоп! Проклятье! Стоп же, тебе говорю, зараза ты, Кара! – брезгливо заорал Маринович, шарахнувшись, немного от головы Золотова.

– Что случилось? – обеспокоенно прекратил свои действия Кармовский.

– Ничего, но могло произойти, – более уравновешенно ответил, анализируя ситуацию, Мара. – Еще бы немного, и я с головы до ног оказался бы в самом что ни на есть дерьме, под фонтаном блевотины этого козла! – объяснился Маринович.

– Понятненько, – ехидно улыбнувшись, сказал Кара и неожиданно воскликнул. – Слушай! А давай так, ты его будешь взволновывать, но наоборот, в пятки, сверху вниз, а я буду здесь его астралку, в объемах ступней, придерживать. Как ты на это смотришь?

– Ну, и что получится? – удивился Маринович.

– Соберем его тут, в самом низу, а потом ты ухватишься за темечко и рванешь пробку, а я отпущу, и он, как на пружине, вылупится из головы наружу. Каково?!

– Надо подумать, – ответил Мара.

– Да все получится, – уговаривал Влад Кармовский. – Ты только лови его там, у темечка, когда он выскочит.

– Хорошо, – неуверенно согласился Мара, – держи его в пятках.

Они снова приступили к энергетическим манипуляциям над телом Золотова. Минуты через две газетчик полностью ощутил себя утрамбованным в пятках.

– Все! – выкрикнул Мара. – Я ухватился за пробку, отпускай на счет три. Начинаю считать: раз.., два... – Маринович осмотрелся по сторонам и установил свои ноги покрепче так, чтобы удержаться на них даже при сильном ударе в корпус его физического тела, – три! – истерично скомандовал он.

Кара резко отпустил астральное тело газетчика из пяток. Крепкая волна молниеносно пробежала по всему физическому телу Золотова. Это походило на то, будто некий громадный комок протиснулся в шланге, который ударился в темечко газетчику так сильно, что того подбросило вверх ногами градусов на сорок пять от плоскости дивана. Тело Золотова на секунду замерло в воздухе в этом положении и рухнуло обратно на диван.

– Нет! – огорчился Мара. – Ничего не получилось. Мне не удалось вытащить пробку. Давай передохнем.

– А почему ты не смог? – удивляясь, уточнил Кара.

– Вот и я думаю, почему? – сам у себя спросил Маринович.

– Слушай! – догадливо прозрел Влад Кармовский.

– Чего еще?! – недовольно поинтересовался Мара.

– Тут все надо проделать еще деликатнее, – определился Кара.

– В каком смысле? – не понимая, в чем дело, посмотрел внимательно на Кару Маринович.

– Что ему больше всего нужно? – рассуждал Кармовский.

– А черт его знает, «что?»... Ты знаешь? Я вот, например, нет! – раздражался Мара.

– Мне известно, – заявил Кара, – он желает ребеночка!

– От своей горбушки? – брезгливо съязвил Мара.

– Да, его горбатая жена много лет уже боится ему родить. Думает, что урода принесет, – сообщил Кармовский.

– И что? – обмозговывал новость Геннадий.

– Слепим ему астрального ребятенка и будем как приманку держать возле темечка в качестве смысла выйти в Астрал. Усек? – пояснил Влад.

– Неплохо. Давай попробуем, – заулыбался, предвкушая окончание проблем, Маринович.

Напарники подвесили астрально энергетический образ ребенка неподалеку от темечка Золотова, как и задумали. Снова взволновали астральное тело газетчика, утрамбовали его в пятки, а потом отпустили, и Маре удалось вытащить пробку. Золотов выскочил в Астрал.

– Ну, все, – устало сказал Мара. – Конец этой работе, дальше он получит инструкции от Магистра и будет тренироваться самостоятельно.

– Поздравляю! – прошептал Кара, наклонившись над головой лежащего бессознательно газетчика.

– Ты его сначала в чувства приведи! – расхохотался Маринович.

Кара сделал несколько довольно увесистых, пухленьких затрещин своими женственными ладошками по щекам Золотову. Тот очнулся, прокашлялся немного, приподнял голову и рискнул осмотреться по сторонам.

– Лежать! – оранул на него Мара и раскатисто расхохотался.

Золотов тут же рухнул головой на диван и сильно зажмурился, испугавшись того, что он опять что-то сделал невовремя и не так.

– Ладно тебе, я пошутил, – успокоил его Маринович.

– Вставай. Все уже у тебя позади, – заверил газетчика Крамовский. – Мы тебя больше не тронем.

– Я где? – робко спросил, поднимаясь с дивана, газетчик.

Сейчас он осторожно усаживался на краешек дивана так, будто боялся, что этот краешек в любой момент может отвалиться.

Мара и Кара, оба, не выдержали и дружно расхохотались.

Религиозная озадаченность

Сегодня бывший бомж Евгений тщательно искупался, надел чистую, черную рубашку и черные брюки. Он решил очистить душу от скверны, от ненавистного голоса, периодически возникающего в нем. В пяти минутах ходьбы от Дворца спорта, в котором он работал, в здании бывшего детского сада, наспех переделанного под культовое строение, находилась церковь, туда он и направился.

Людей в храме почти не было, только сгорбленная, маленького роста, старушка в черном халате и белой косыночке, которая стояла на коленях и что-то шептала, время от времени наклонялась к полу и целовала его. Иногда она озиралась по сторонам и крестилась, машинально нащупывая свои плечи, живот и лоб щепоткой из пальцев.

Как только она заметила Евгения, тут же вся изнутри подтянулась и отчего-то начала особенно усердно расцеловывать пол и осенять себя крестами.

Свечи почти не горели, но все равно в помещении было весьма душно, да еще и темновато, неуютно.

Евгений попробовал тоже перекреститься, но он не успел это сделать, как в зале появился батюшка, мужчина, лет сорока пяти на вид, плотного телосложения, высокого роста, с длинными волосами на голове и аккуратной, коротко подстриженной бородкой, одетый во все черное. Бывший бомж не удержался и выкрикнул ему:

– Здравствуйте!

Тот подал ему знак мягким кивком головы, тем самым выказывая, что он услышал приветствие. Затем он не спеша подошел к горластому прихожанину и вежливо прошептал ему замечание:

– Не кричите, пожалуйста, в храме Божьем, сын мой, вы можете помешать вершить молитву сестре своей.

Конечно, он имел в виду старушку, которая при виде святого отца принялась молиться и расцеловывать пол еще активнее.

Когда Евгений услышал фразу «сестре своей», он опечалился, потому что вспомнил родную сестру, которая лишила его домашнего очага и вынудила долго скитаться в бомжах.

– Она мне не сестра вовсе! – протестански и упрямо, как нервозный подросток, громко ответил Евгений.

Старушка начала заметно подслушивать разговор батюшки с мужчиной.

– Сын мой, вас кто-то огорчил, я могу вам чем-то помочь? – спросил служитель храма, положил свою мягкую руку на плечо Евгению и, внушительно смотря ему прямо в глаза, добавил: – Откройтесь мне, и я успокою ваше сердце добрым Божьим словом.

– Добрым? – занозливо переспросил у него Евгений и уставился презрительным взглядом на батюшку. Потом он хмуро улыбнулся ему и пояснил: – Я из таких же, как ты, из бывших семинаристов.

– Передумали? – спросил святой отец. – Что ж.., такое бывает. Страшного в этом ничего нет. Лишь бы вы от Бога не отступили, и он не отвернется от вас, примет вас к себе.

– А я пока еще умирать не собираюсь, – выказывая немного насмешливый тон, ответил Евгений.

– Я не имел в виду, что вас примет Бог на том Свете, хотя и там он примет вас, если вы заслужите. Я хотел сказать, что...

– Да, понял я, понял, – прервал его Евгений, глянул на старушку, заметил, что та навострила уши, и обиделся на нее.

Батюшка тоже посмотрел на старушку, и она, испугавшись, что ее засекли в подслушивании, рывком, довольно резко прильнула к полу так быстро и старательно, что сильно ударилась лбом, послышался глухой стук.

Некоторое время она так и оставалась лежать. Батюшка насторожился. Возможно, подумал, что сестра убилась насмерть. На его лице оставалось спокойствие, но глаза забегали.

И вот старушка приподнялась, удерживая ушибленное место ладонями. Когда она оторвала руки ото лба, они оказались испачканы кровью, бровь была немного расшиблена. В таком виде она, молчаливо плача, как ударившаяся маленькая девочка, глянула на Евгения, а потом на батюшку.

– Сестра моя, вы аккуратнее, пожалуйста, – волнительно посоветовал служитель храма, обращаясь к ней. – Побольше усердия в душе своей выказывайте, и Бог вас услышит. Зачем же так.

Она ничего не ответила, достала из нагрудного кармана носовой платок и, промокнув им окровавленную бровь, снова начала, но уже осторожнее, молиться.

– Слушай, – сказал неожиданно Евгений коллеге, – пойдем во двор, сядем на скамеечку в тенёк, под деревом, и поговорим, как ты на это смотришь?

– Хорошо. Пойдемте, сын мой, если мои слова вам угодно выслушать, – подозрительно рассматривая прихожанина с ног до головы, неохотно согласился святой отец.

Вскоре они уже сидели вдвоем на лавочке, в тени высокого и ветвистого дерева, близко друг подле друга, и разговаривали.

– Как тебя зовут? – спросил Евгений батюшку.

– Отец Алексий, – мягко ответил тот.

– Давно уже служишь? – уточнил он.

– Совсем скоро уже... почитай... – призадумался священник, – семь лет исполнится.

– Понятно. А до этого, в миру, как тебя звали, кем работал? – будто придирался к нему, Евгений.

– Друшин Александр, – холодно ответил тот. – Работал главным инженером на заводе.

– Понятно, – оживился придирчивый прихожанин и назидательно укорил, – и членом партии, небось, был?

– Да-а, – честно признался тот.

– Водку, пиво пил и с женщинами потешался? – продолжал обвинять Евгений, заставляя оправдываться.

– Я давно покаялся и все осознал, – застенчиво защитился святой отец.

– Понятно, – язвительно подытожил придирчивый прихожанин, который теперь же настойчиво посмотрел священнослужителю в глаза, и тот смущенно отвел их в сторону, делая вид, что он рассматривает здание церкви.

– Слава Богу, храм у нас теперь в городе есть, – сказал он, выправляясь в плечах, пытаясь перевести разговор на другую тему.

– А чем еще занимался в миру? – не успокаивался прихожанин.

– Борьбой и оккультными науками, – не раздумывая, заявил батюшка и негромко проговорил себе под нос. – Господи, прости меня, грешного, что вспомнил о сатанинских соблазнах.

– Да, уж, – сказал Евгений.

– А что вы меня все допрашиваете? – удивился священнослужитель, преображаясь в отца Алексия.

– Да так, – пожал плечами прихожанин и задал неожиданный вопрос: – А если бы сейчас к тебе Христос пришел, как обычный человек, ты бы признал Его?

– Он придет с неба, – мечтательно ответил тот.

– Ты убежден? – настаивал на своем Евгений.

– Я верю в Святое Писание, – сделав умиленное выражение лица, пояснил священник.

– А если все-таки обычным человеком, не примешь Его? – упрямился прихожанин.

– Самозванцев много, – утвердил тот.

– Понятно. Чудеса подавай! – воскликнул Евгений.

– Мне кажется, вы чем-то сильно обозлены на мир Божий, сын мой, – ласково произнес священник.

– Обозлен? – сам себя переспросил бывший бомж. – Еще бы! Я негодую! Как именно ты можешь меня учить, да еще в стенах бывшего детского сада?! Тебе не стыдно?! Ты не достоин служить Вере!

– Свят, свят! – начал усиленно креститься отец Алексий.

– А ты еще ударь меня, ты же умеешь драться! – подтрунивал его прихожанин.

– Богохульствуешь, сын мой! – гневно сказал священник.

Евгений тут же явно обиделся на батюшку. Посмотрел на него в упор, потом молниеносно перевел глаза в сторону одного из окон храма и прямо-таки пружинно вдавил взгляд в одно из окон.

И тут случилось неожиданное. Откуда ни возьмись, в церковный двор через распахнутую калитку въехал на велосипеде мальчик лет тринадцати на вид. Было весьма заметно, что подросток навеселе. В одной руке он с трудом удерживал почти уже допитую бутылку пива, а другой рукой пытался рулить. И вдруг черная кошка, словно из-под земли выскочившая, кинулась перебегать ему дорогу. Чтобы ее объехать, пацан резко вильнул рулем в сторону, его велосипед завалился на бок и рухнул именно в то самое окно храма, в которое только что впивался давящим взглядом Евгений – дорогое мозаичное стекло разлетелось вдребезги.

Батюшка вскочил с лавочки и побежал к месту аварии, размахивая наотмашь кулаками, видимо, чтобы поймать хулигана, причинившего материальный ущерб храму. Парень торопился удрать.

Прихожанин встал с лавочки и крикнул вслед отцу Алексию:

– Сам ты богохульник! – после чего торопливо покинул церковный дворик.

Теперь Евгений в грозном настроении шел по улице и наспех задавал себе вопрос за вопросом:

«Что случилось со мной? Хотел ли я так говорить? Прав ли был? Что руководило мною? Уж не голос ли надоумил меня?»

Хоккейные страсти

Тайно ото всех членов хоккейной команды и болельщиков тренер Маринов Дмитрий Альбертович нанял Юру Божива к себе на работу. Прошло некоторое время, мой друг сопроводил энергетическими воздействиями несколько матчей, которые оказались успешными и удивительно победоносными. Известные спортивные коллективы страны, которые всегда держали за собой непоколебимое право только на самые первые места в Высшей лиге, проигрывали Боживу игру за игрой.

Вначале Маринов был доволен и таинственно счастлив. Но потом все больше стал выражать некую обеспокоенность происходящим. Так, после очередного выигрыша, встретившись с Юрой в своем шикарном автомобиле, вместо радости и благодарности он грустно признался, мол, ему начинает казаться, что это вовсе и не он выигрывает как тренер, и завистливо, испытывая некий страх, покосился на своего экстрасенса.

Но Божив был ослеплен восторгом и потому, испытывая азарт, мало обращал внимание на подобные мелочи в поведении тренера. Его волновало только то, чтобы хорошо выполнять работу, укрепляться волей и верой, развивать способности манипулировать своими чувствами и мыслями на больших расстояниях, материализовывать задуманное.

Конечно, у Божива не на последнем месте значился вопрос заработка, о котором тренер постоянно обещал как о внушительно большом. К примеру, однажды Дмитрий Альбертович, демонстративно выставляя напоказ свой большой палец правой руки и близко заглядывая в самое лицо Божива, как это любят делать люди, побывавшие в тюрьме, уверил моего друга, мол, мы с тобой в этом городе будем жить — во! Он постоянно подбадривал его и каждый раз хитро улыбался, сулил золотые горы, но денег так и не платил.

Вика все больше начинала нервничать не потому, что в ней просыпалась корысть с каждой новой победой в хоккее ее мужа, а потому, что Юра практически

целиком и полностью отдавался всем своим рабочим временем играм, энергетическим наставлениям, поучениям и консультациям для тренера, при этом пока реально ничего не зарабатывал. Денежные средства, требуемые на элементарную жизнь семьи Боживых, таяли на глазах, уменьшались в своих и без того невеликих сбережениях.

Вика пыталась ненавязчиво подсказывать мужу, что пора бы уже тренеру хоть как-то начать расплачиваться за уже выполненную работу, за состоявшиеся победы в играх. Но Божив просто отмахивался от этих претензий, он был твердо уверен, что наступит момент, и Маринов сам, без напоминаний, с ним рассчитается. Юре было неловко поднимать этот вопрос в общении с Дмитрием Альбертовичем, потому как он считал, что это может навредить работе и смотреться как-то не по-мужски. Мой друг не желал клянчить и выглядеть корыстным человеком с маслянистым блеском в глазах.

Но, как ни крути, худой бюджет семьи все чаще напоминал о себе, и постепенно Божив начал принимать сторону Вики. У него все чаще стали возникать вспышки сдержанного гнева в адрес тренера. Наконец, в один прекрасный день он не выдержал и решился напомнить тому о своем желании получить заработную плату. Тренер с огромной неохотой выплатил Боживу двадцать тысяч рублей, что не очень-то порадовало Боживых, они расчитывали на гораздо большее вознаграждение.

Переброс

Раньше мой друг управлял играми на расстоянии, находясь у себя дома. Сегодня он решил сам присутствовать во Дворце спорта и поработать вблизи, видя события на льду своими глазами.

Тренер, Маринов, худой и жилистый, с длинным носом и широкими скулами, его жена Клавдия, в очках, плотненькая и постоянно хитро улыбающаяся себе под нос,

Юра и Вика, все в спортивных костюмах, уютно умостились в креслах, расположенных в самом верхнем ряду зрительского амфитеатра.

– Клава, ты взяла рамки, которые я тебе привез из Европы, или старыми будешь определять? – поинтересовался у своей жены тренер.

– Конечно, европейскими, – заботливо ответила та и достала из сумочки нехитрые приспособления: два металлических прута, согнутых с одного конца, чтобы держать их в руках.

– Проверь настрой моих ребят, – попросил ее Маринов.

Клавдия, удерживая в зажатых кулаках рамки, стала вертеть ими над листком бумаги, на котором был начертан круг и какие-то числа по окружности. Юра покосился на нее недоверчиво.

– Семьдесят восемь, – через несколько секунд деловито заявила она.

– Неплохо, – отозвался ее муж и снова задал вопрос. А у противника сколько?

Клавдия снова завертела рамками.

– Восемьдесят один, – грустно констатировала она.

– Юр, ужми-ка наших конкурентов, – бравадно потребовал Маринов.

Мой друг затаил дыхание, закрыл глаза и сосредоточился на минутку. Потом оживился, посмотрел на жену тренера и спросил у нее:

– И сколько теперь?

Та опять поспешно завертела энергетическими приборами и вскоре обрадовано сообщила:

– Пятьдесят четыре.

– Класс! – воскликнул Маринов. – Сейчас будут, как дохлые тараканы, ползать по льду, пешком обыграть можно.

– Что они делают? – незаметно шепнула на ухо мужу Вика.

– Сейчас уточню, – так же исподволь отшепнулся он и обратился к Клавдии. – Можете меня ввести в курс дела. Какие потенциалы вы определяете?

– Щас, Клава все пояснит, – оскалился тренер.

– Юрий! – преподавательским голосом рассказала жена тренера. – Я измеряю массу энергии внешней среды, которая управляет человеком, в данном случае – командой.

– А каковы ее нижние и верхние границы и что они означают? – уточнил Божив.

– Если будет ниже пятидесяти, то объект теряет интерес к жизни, становится очень вялым, а ниже сорока четырех – вообще едва перемещается.

– Азарт спадает, – смекалисто рявкнул Маринов.

– Понятно, – подытожил Юра и пошутил. – Перед сном хорошо, – и снова задал вопрос: – А высокие показатели к чему ведут?

– Максимально, что может держать и успевать реализовывать человек, это сто восемь единиц, – пояснила Клавдия.

– Вертеться, как волчок будет, но это предел! – со знанием дела предупредил Маринов.

Игра началась. Команда, которой управлял Божив, сразу же начала выдавливать противника со своей стороны и быстро ограничила его перемещения в пределах его территории. И вот в неприятельские ворота влетела первая шайба. Счет стал один – ноль. Тренер надменно заулыбался и самодовольно окинул взглядом волнующиеся трибуны зрителей. Через несколько минут счет уже был два – ноль в пользу его команды.

– Так держать! – крикнул Маринов Боживу.

Вике стало интересно само зрелище, отчего она почти забыла, для чего здесь находится с мужем. А Клавдия продолжала вертеть рамками.

– У них пятьдесят два, у наших девяносто. У них пятьдесят три, у наших девяносто пять, – изумлялась она и постоянно хихикала исподтишка.

Так закончился первый период и начался второй. Юра бросил своих хоккеистов в атаку. Все шло хорошо. Тренер убежал к своим, Клавдия почти не работала с рамками, Вика что-то кричала, топала ногами, пыталась свистеть и периодически подбадривала мужа, ударяя своим плечом в его плечо.

И вот неожиданно команда Божива сникла, словно у нее упал невидимый энергетический парус. А соперники, наоборот, оживились, воспрянули духом, скоро перевели встречу к воротам тренера и тут же забили шайбу, счет стал два – один. Через пару минут к Юре подбежал запыхавшийся Маринов и потребовал разъяснений:

– Что происходит?

Мой друг подумал и сказал:

– Не понимаю. Я давлю, что есть сил.

– А ты что сидишь, – оранул в истерике на свою жену тренер, – что рамки показывают?!

Та вспомнила о своих обязанностях и принялась судорожно вычислять соотношения сторон. В это время снова влетела шайба в ворота тренера и счет превратился в ничейный, два – два.

– Да быстрее же ты! – нервничал Маринов в сторону нерасторопно манипулирующей рамками Клавдии.

– Трудно сориентироваться! Не ори на меня! – возмутилась она и наконец объявила цифры. – У наших шестьдесят семь, у этих восемьдесят девять.

Вика переживала за мужа, она поглаживала его по плечу.

– Что случилось, я же на полную катушку их прокачиваю? – не понимал Божив.

– Ты перебросил, – вяло усаживаясь в кресло, безысходно огрызнулся на него Маринов.

– В каком смысле? – забеспокоился мой друг.

– Вон, она тебе объяснит, – махнул рукой в сторону своей жены тренер.

– Вы дали поддержку нашим больше ста восьми единиц, – огорченно осведомила та. – В нашем случае играет команда на команду, а не один объект получает от вас энергию, а значит, излишки автоматически перешли на сторону противника.

– И что теперь, перестать подпитывать? Как-то же можно все исправить? – озаботился Юра.

– Это уже бесполезно, – вмешался ее муж и ударил кулаком в ладонь. – Игре – кранты. А если ты перестанешь подпитывать моих ребят, они совсем встанут.

Второй период закончился. Начался третий, во время которого команда тренера пропустила еще одну шайбу и счет стал три – два не в ее пользу. С трудом Божив довел встречу до конца. Ему так и не удалось наладить игру своих хоккеистов.

Один на один, когда женщины удалились после игры в туалетную комнату, Маринов нагло выставил претензию Боживу, мол, что ты с собой притащил эту прокладку, имея в виду Вику. Юра не подал виду, что обиделся на эти слова, но по возвращении домой не смог утаить от жены отношение тренера к ней. Вика расплакалась и настойчиво потребовала от мужа прекратить работу на такой хоккей. Мой друг согласился с ней.

В сущности, что произошло на самом деле? Чего добивался Остап Моисеевич?

Сначала Юре беспрепятственно предоставили возможность наработать навыки управления мыслями и чувствами на большом расстоянии – это было плюсом. Он поверил в себя, в свои новые масштабные возможности, окреп духом и существенно поднял амбициозную планку ощущения собственной персоны в мире людей. Но потом его сокрушительно остановили, показали, что он не соответствует такому размаху. Его опустили обратно, но амбициозная планка осталась наверху. Что в этом случае можно было ожидать? Да ничего хорошего. Имея чувство большего собственного достоинства, Божив теперь был вынужден жить воспоминаниями о личном былом могуществе. Ему оставалось злиться, испытывать дискомфорт перед Викой и вообще перед любой окружающей его средой. Он получил откат. Есть такой прием невежества. Память о том, что когда-то умел, оставалась при Юре, но веры в то, что он сможет повторять подобное, у него уже больше не было. А это означало, что его тормознули в развитии, потому что второй раз поверить в то же самое, что можно широко воздействовать на расстоянии, на порядки сложнее, чем в первый, когда окрылен. Ибо во второй раз приходится идти пешком, а не лететь, крылья подрезаны.

А еще, что тоже немаловажно, пока Юра занимался хоккеем и ничего не зарабатывал, его другие возможные прибыли текли стороной и в чужие карманы. А чтобы вернуть их русла в свою сторону, теперь Боживу предстояло немало потрудиться. А это потерянное время жизни, дополнительные расстройства и, как результат, нытье, безверие, желание послать все ко всем чертям.

Магистр убил сразу двух зайцев. Поставил подножку моему другу и предоставил тренеру Маринову, корыстному, а значит, так или иначе, своему человеку, удобный случай заработать даже при таких обстоятельствах, когда экстрасенс покинул его.

После ухода от него моего друга Маринов не растерялся. Поскольку его ребята на тот момент общеголяли известные хоккейные команды, он обратился к их тренерам, чтобы те хорошенько заплатили ему за то, что его коллектив станет, как выражаются в спорте, сдавать очередные встречи, то есть специально их проигрывать, и его коллеги с удовольствием это сделали.

Икона

Сегодня днем, в обеденный перерыв, я решил прогуляться на Патриарших прудах. Погода стояла достаточно теплая, чтобы ощущать свое тело комфортно. На мне были надеты белые джинсы, светло-зеленая майка с коротким рукавом и кроссовки. Солнечные лучи просвечивали кроны деревьев, ощупывая аллею. Было немноголюдно. Поодаль шныряли автомобили, они то и дело притормаживали, фыркали, словно принюхиваясь друг к другу. Во мне нарастали рассуждения, и я присел на одну из свободных лавочек.

«Причем тут Христос? – вскоре подумал я. – Раньше я не очень-то верил, что он существовал. И вдруг контакт. Во сне или в Астрале, какая разница, главное, мы встретились. Вообще-то эту, как я предполагал, шутку воображения можно было благополучно забыть.

Но отчего же тогда я до сих пор, без сомнения, реально пребываю в каком-то заколдованном состоянии. Мысли и чувства будто просвечиваются насквозь моим пониманием, чего ранее так явно не наблюдалось».

Краем глаза я заметил, как рядом со мной присела какая-то пожилая женщина в ситцевом разноцветном платье, в белой косынке и с коричневой клюшкой в руках. Она неторопливо осматривалась по сторонам и периодически, чем-то недовольная, покачивала головой.

– К чему же столько автомобилей! – вдруг высказалась она, явно, чтобы я услышал ее.

Было заметно, как она ожидала моей реакции

– В городах машины вообще ни к чему, – объявил я свою точку зрения. – Нужно развивать современный и комфортабельный общественный транспорт с возможностями даже индивидуального проезда.

– Металл только портят, в пыль превращают, и что же потом будет, когда ресурсы иссякнут? – поддержала разговор она.

– А вы никак в храм собрались? – неожиданно спросил я.

– Да-а, – тут же ответила моя случайная собеседница и улыбнулась. – Вы Шерлокохомс?

– Сын человеческий, – попытался пошутить я.

– Он скоро придет. Я это чувствую, – задумчиво проговорила женщина. – Он уже где-то рядом.

– Христос? – настороженно поинтересовался я.

– А больше некому навести порядок на Земле, – ответила она, потом пожаловалась. – Вы знаете, уже пятый раз пробую пробиться к иконе Божьей Матери, но ничего не выходит. Уникальную ненадолго привезли из-за границы. Прихожу в церковь, народу тьма, очередь несусветная. Хоть плачь.

– А зачем вам к ней? – уточнил я.

– Говорят, что лечит, если душу перед ней откроешь, – пояснила собеседница. – У меня болячек хватает.

– Обязательно увидите эту икону, – с пониманием отозвался я и задал другой вопрос: – А вы, когда идете в храм, хотите попасть к иконе или к Божьей Матери?

– К иконе, конечно же! – не задумываясь, ответила женщина.

– А вы попробуйте сейчас пойти, только идите не к иконе, а к Божьей Матери, у вас получится, – настоятельно посоветовал я.

– Как это? – поразилась собеседница.

– К иконе очередь, а к Божьей Матери никого, – заботливо разъяснил я.

– Странно, – обмозговывала мое предложение собеседница. – Я об этом как-то не подумала. А ведь вы правы.

– А знаете что, давайте я пойду вместе с вами в церковь, – предложил я, – только вы идите туда, как я сказал, хорошо?

– Право, даже не знаю, – решалась женщина, ее терзали сомнения. – Точно увижу икону? – оживлялась она.

– Обязательно, – уверил я.

Минут через тридцать я и моя собеседница с лавочки на Патриарших оказались в храме.

Женщина была изумлена, у заветной иконы Божьей Матери и в самом деле совершенно никого не было.

– Не может такого быть! – не поверила своим глазам она и быстрыми шагами подошла к реликвии, забыв обо мне.

Я постоял немного в сторонке, переминаясь с ноги на ногу. Помпезные атрибуты храма меня не впечатляли. «Веру превратили в дорогостоящий театр, – грустно помыслил я про себя, и вдруг в моем сознании, будто сами по себе, потекли не обычные для меня представления. – Две тысячи лет прошло. Христа здесь не признают и даже не заметят. Научились получать удовольствие не от веры, а от того, что верят. Не вера нужна, а приятно быть верующими. «Я православный», – говорит человек и тем кичится перед другими».

Я уже выходил из церкви, как услышал, батюшка, беседовал с несколькими прихожанами, произносил им какую-то речь, и обрывок от нее долетел до моих ушей: «Пришел Христос и сказал...».

Прозрение

После обеденного перерыва я не стал возвращаться на работу, позвонил Екатерине и попросил меня отпустить до вечера, не объясняя причины.

Сегодня мои ощущения мира сильно изменились. Я почувствовал, что нуждаюсь в уединении. Во мне назревали ранее не знакомые чувства. Хотелось от них избавиться. Я вернулся на лавочку на Патриарших, достал из сумочки ручку и блокнот. Немного подумал и стал выписывать то, что было сейчас на душе. Слова, которые выводила моя рука, будто сами проявлялись на бумаге. Мне всего лишь оставалось рисовать линии букв по уже начерченным, но невидимым контурам. Я не ведал, что творил, но знал, что это надо сделать. Когда все было написано, я испытал облегчение и внимательно прочитал свое творение.

Манифест

Я есмь. Я пришел во Имя Свое, чтобы построить Истину на Земле, Царствие Небесное, какое давно ожидаете, но не знаете о Нем ничего. Я еще расскажу вам о Нем.

По тайне Троицы, до поры до времени, не помня Себя, Я пришел к вам обычным сыном человеческим и долго грешил, так же, как и вы это делаете, чтобы понять вас правильно.

Я не нашел веры среди вас. Но все вы достойны прощения, если покаетесь.

Вы надеялись на Меня, хранили семя Истины, оберегали Его. Но вы не посеяли его. И не проросло оно, и не выросло из него Царствие Небесное. Кто из вас приблизил Такое? Разве у вас самих не было глаз и не было ушей и не было рук, кроме Моих? Мне не нужна вера слепая, а только осознанная, забыли об этом. Слепцов вести надо, а видящие сами идут. Так прозрейте же. Я не поводырь для вас. Я направляю видящего.

Как и обещал вам, Я не в поле, не в пустыне и не в городе, я на бумаге, здесь. Истинно говорю вам, страсти и наживы ваши, как пелена, спадут, тогда Я и сойду к вам отсюда, и узрете Меня воочтую, не пройдет и девяти лет от сих слов Моих. До сего многие из вас плеваться и насмехаться супротив Меня будут или пытаться чинить помехи Моим словам. Таких станет постигать возмездие на глазах окружения их, и они задумаются и поверят в Меня.

Готовьтесь к встрече со Мной. И вот вам начало очищения вашего, на это Воля Моя, чтобы Веру возродить.

Отныне по всей Земле, кто бы ты ни был, на тебя влияют эти изъявления Воли Моей:

Если ты общаешься с любым человеком и кривишь душой своей перед ним, обманываешь его, особо если делаешь это заведомо, наказан будешь. Скоро и путями разными обиженный тобою человек узнает об этом и другие люди так же увидят твои посрамления, перед судом предстанешь.

Если ты обидел человека, особенно старого или ребенка, не помог больному, пострадает имущество твое.

Если ты на машине своей какому пешему не уступишь дорогу, будут мучиться и болеть за тебя люди близкие и родные тебе, а коли нет у тебя близких и родных людей или есть, но не любишь их, сам ответишь телом и душой своими за проступок сей. Коли пеший не прав, все одно пропусти его, пусть ответит и он по Закону этому.

Помните:

Изъявления Воли Моей везде распространяйте, хотя бы из интереса. Говорите о них всякому. Пусть они будут глазами и ушами вашими. Неустанно пересказывайте друг другу свидетельства, как Изъявления Воли Моей сбываются и люди меняются по ним.

Идите туда, где кривят душой перед человеком, обманывают его и получают за то наказания, смотрите там и будете свидетелями Воли Моей. Станьте у дорог

повсюду и следите, как пешему не дают пройти и получают за то наказания, будьте свидетелями Воли Моей. Окажитесь там, где обижают человека, ребенка или старца и получают за то наказания, будьте свидетелями Воли Моей.

Если ты нарушил любое изъявление Воли Моей, скорее покайся душой своей, прими Меня, и наказание пройдет. Во второй раз нарушишь то же самое, опять покайся, и все пройдет. В третий раз нарушишь это же самое, не прощу.

Я Истина. Изъявления Воли Моей, по всей Земле растекаются, чтобы все люди услышали обо Мне, что Я пришел, и поверили в Меня.

Кто знает изъявления Воли Моей, и нарушает их или не знает о них, но нарушает их на глазах человека, знающего о них, тому наказание неотвратимо. Изъявления Воли Моей во всех и во всем и повсюду помнятся. Они вечны.

Не смогли сами так жить, значит, терпите и привыкайте к правильности от Лица Моего.

Я всех вас люблю. Да прибудет с вами Имя Мое. Оно теперь другое, но, до времени Моего снисхождения к вам отсюда, сокрыто от вас. А пока же говорите так: Он пришел, Он сказал.

Я прочитал написанное, сам себе удивился и предположил: «Неужели Христос вошел в меня или же я, и в самом деле, есть Он, как и сказал Он мне? Судя по астральному контакту с Ним, второе вероятнее. Но все покажет время».

Я спрятал блокнот и ручку обратно в сумочку, решительно встал с лавочки и направился на работу в центр, надо было отвезти Екатерину домой.

Индиго

Оксанка в своем дворе, неподалеку от дома, сидя на корточках, возилась возле кустарника, играя в листики. Ее серые брючки и красная майка с коротким рукавом были изрядно перепачканы.

В джинсах и в такой же красной майке Вика вышла на улицу и быстро отыскала взглядом свою дочь. Подошла к ней и разочаровалась.

– Доня! – обратилась она к ней. – Ну, ты даешь! Вся одежда грязная! И к чему тебе пацанячьи игры?

– Это надо знать, – задумчиво, не обращая внимания на улыбчиво подбоченившуюся маму, ответила та.

– Ты еще в футбол поиграй, грудь себе поотшибаешь! – не успокаивалась Вика. – Зачем тебе все это?

– Мама, – рассудительно сказала Оксанка. – Чтобы хорошо знать мужчину, надо понимать его игры. Я бы и в футбол играла. Жаль, – тяжело вздохнула она, – для футбола девочкам нужны нагрудные щитки.

– Запатентуй изобретение, – огрызнулась на нее Вика и настороженно спросила: – Ты что, влюбилась?

– Нет, но это не за горами, – приветливо успокоила дочь.

– Какие горы? Тебе только десятый год! – возмутилась мама.

– «Любви все возрасты покорны» – это раз. А, во-вторых, опыт никогда не помешает, потому что его легко носить с собой, сама говорила. И не волнуйся так, я пока не собираюсь влюбляться, – парировала претензии Оксанка.

– Хорошо, – согласилась Вика и тоже присела на корточки рядом с дочерью. – Что это за игра? Швыряешь ножик в листики с разных сторон. Ничего не понимаю.

– Все очень просто, – пояснила девочка. – Беру и кидаю ножик в листик. Если ножик перережет середину, вот эту толстую жилу листика, то листик убит. Если попадет в другое место листика, то листик жив, но ранен.

– И в чем заморочка? – удивилась Вика.

– В настоящий момент мой листик убегает. За ним послали погоню из семи листиков. А он отстреливается от них.

– Так ты на стороне сбежавшего, подыгрываешь ему! Это нечестно! Специально кидаешь в него неточно. Я вижу, – увлеклась мама.

– Неправда! – капризно возразила дочь.

– Дай-ка, я буду кидать за тех, кто за ним гонится, и сама убедишься, что я его прищелкну в два счета, – потребовала ножик Вика.

– На. Нет проблем. Кидай, твоя очередь, – не стала возражать Оксанка.

Она рассмеялась, когда Вика бросила ножик и не попала в листик вообще:

– Мазила! Он у меня колдун! В него не так просто попасть.

– Слушай, нам пора идти в магазин, – ненавязчиво напомнила Вика. – Сбегай, пожалуйста, домой и переоденься, я подожду.

– Ладно, – спокойно согласилась Оксанка, – я мигом, – сказала она и убежала со двора.

Вскоре девочка вышла из подъезда в синей юбочке клеш и в сиреневой кофточке без рукавов с крупным изображением белочки на животе, на плече у нее висела детская сумочка. Она кокетливо подошла к маме и улыбнулась:

– Ну что, идем?

– Идем! – весело поддержала ее та.

Оксанка достала из сумочки пустую катушку из-под ниток, плотно надетую на карандаш, с привязанной к ней ниткой, которая тянулась из полуоткрытой сумочки. Идя рядом с мамой, она начала вращать карандаш, наматывать на пустую катушку нитку. Какое-то время Вика не спрашивала о новой затее дочери. Но потом не выдержала и задала вопрос:

– Какого фига ты это делаешь? Надумала учиться шить?

– Неа, – усмехнулась Оксанка. – Угадай!

– Шизу гонишь! – тоже хохотнула Вика.

– Нет, – обиделась дочка. – Никакая это не штыза! Что ты меня оскорбляешь?

– Извини, – обеспокоенно попросила прощения мама и объяснилась. – Я пошутила. Мне просто прикольно.

– Ну так, угадай, – весело настаивала девочка.

– Учишься из мужчины жилы тянуть? – рассмеялась Вика.

– Не прикалывайся! – серьезно попросила Оксанка и разъяснила: – Из мужчины не жилы тянут, а деньги.

– Ну, все, сдаюсь, – определилась мама. – Колись, что делаешь?

– В сумочке у меня полная катушка ниток. На карандаше пустая катушка, на нее наматываю ниточку.

– Ну, и что? – соображала Вика.

– Это не просто ниточка тянется, – призналась дочь. Это я демонстрирую художественный фильм, в котором мы с тобой сейчас идем по улице в магазин.

– Хочешь сказать, что у тебя на полной катушке в сумке записаны все наши действия.

– Ну, да, – подтвердила девочка. – Как я подумаю, так и будет.

– Тогда уж надо говорить не «подумаю», а «подумала» заранее, – попыталась поправить Вика.

– Нет! Так я еще не научилась. Я сейчас все думаю, – оправдалась Оксанка.

– Слабачка! – укорила ее мама.

– Ну, вот. Ты отвлекаешь, и я сбилась, – заволновалась дочь. – Нафик! – нервно сказала она. – Я лучше буду сейчас наоборот, снимать, как мы идем, а дома посмотрю.

– Ладно, делай что хочешь, – отстала от нее Вика.

Какое-то время они шли молча. Оксанка продолжала сосредоточенно вращать карандаш и неожиданно, как бы между прочим, осведомилась:

– Мама! Когда к нам в гости придет Истина?

– Не знаю. У Сережи теперь много своих дел, – замысловато ответила та.

– А я его чувствую на расстоянии, – открылась девочка.

– Как это? – заинтересовалась Вика.

– Все очень просто, – показывала ей дочка. – Если у меня в груди, возле плеч, приятные ощущения, он переживает о чем-то хорошем. Если у меня в животе как-то тянет, у него плохое настроение. Понимаешь, мама?

– А сейчас что у него? – подзадорила та.

– И там, и там чувствую. Думаю, что он в растерянности, – поведала девочка.

– Экстрасенс! – хохотнула мама.

– Ну вот, я опять сбилась! – тяжело вздохнула Оксанка и добавила. – Придется все снимать заново.

Неожиданное решение

Вечером, не обращая внимания на присутствие мужа, Вика куда-то позвонила и с кем-то замысловато и коротко переговорила. Потом быстро оделась, молча, намереваясь куда-то уйти. Божив озадачился. Такое было впервые. Он не понимал, что происходит. Пытался ее остановить уговорами и даже силой, но все было тщетно. Она ускользнула из дома...

...

Вскоре на широкой кровати, при включенной настольной лампе, которая стояла поодаль на тумбочке, плотно обнявшись, лежали обнаженные Вика и Тэ Макаяна.

– Малышка... с-с-с..., – втянул в себя воздух Шак. – Я тебя так захотел увидеть, – немного с одышкой, требовательно шептал он изнеможенной Вике.

Девушка лежала и беспомощно ощущала животом упругие и жесткие толчки его мощного корпуса.

– Думал, куда же ты исчезла? – наговаривал Шак. – От меня не уходят. С-с-с... – снова втянул в себя продолжительную букву «с» он. – Ко мне только приходят женщины.

Шак цепкими руками ухватился за Викины плечи, кожа у нее в этих местах побелела. Он будто встряхивал девушку на себя, словно требуя какого-то

ответа. Вика громко стонала с закрытыми глазами. Ее голова металась по сторонам. Истерзанная, она больно закусывала свою нижнюю губу.

Часа через три Тэ Макаяна, как насытившаяся пиявка, отвалился на бок от огненно вспотевшего тела девушки. Он неподвижно лежал рядом со своей жертвой, насмешливо и самодовольно улыбаясь. Она время от времени тяжело и судорожно вздыхала. В комнате стоял душный запах пота.

Минут через пятнадцать Вика наконец-таки открыла глаза и усиленно проморгалась. Прищурившись, она уставилась безразличным взглядом в потолок.

– Хорошо? – протяжно спросил он, будто больше выражая свое мнение о себе, о своем собственном благополучии, нежели и в самом деле интересуясь настроением девушки.

– Пока еще... – призадумалась она, – трудно сказать. Попробую встать, – она попыталась приподняться на локти и тут же рухнула обратно на кровать и распласталась на ней, раскинув широко свои руки и ноги в стороны. – Нет, – усмехнулась она сама над собой, над своей неуклюжестью. – У меня туловище будто разодрано пополам. Ноги, как на резинке, сами раздвигаются в стороны, не могу их сжать вместе.

– Может, еще? – целуя Вику в мочку уха прошептал, будто огрызнувшись, Шак.

– Пожалуйста, нет! Я сойду с ума... – ответила ослабшим голосом она.

– А знаешь, зачем я тебя позвал? – заботливо поглаживая Вику по голове, будто барашка, которого готовится заколоть, спросил Шак.

– Нет, – вздрогнула настороженно Вика.

Она почувствовала что-то неладное в отношении Тэ Макаяна к ней.

– Помнишь, как тебя зовут? – поинтересовался настойчиво он.

– Сержина, – твердо ответила она.

– Нет, – не согласился Шак. – Теперь у тебя другое имя, а это забудь.

– Не поняла? – медленно приподнялась и села на кровати Вика, беззащитно обняв дрожащие колени руками.

– Викжия, – торжественного воскликнул Шак, сделав ударение на вторую букву «и».

– Вик-жи-я, – ласково повторила по слогам, прислушиваясь к новому звучанию себя, Вика.

– Да, – коротко подытожил Тэ Макаяна. Но это только половина дела, зачем я тебя призвал, – сказал он и тоже неожиданно подскочил на кровати и сел рядом с девушкой.

Она сверкнула благодарным блеском в глазах, покорно и ожидательно посмотрела учителю в глаза.

– Ложись, – строго приказал он.

– Вы меня хотите еще? – заворожено спросила Викжия, укладываясь на спину и раздвигая в стороны полусогнутые ноги в коленях, которые еще продолжали заметно вздрагивать.

Она была согласна на что угодно и приготовила свое тело к новому сеансу любви.

– Ты меня не поняла, – сосредоточенно произнес Шак и небрежно скомандовал. – Ножки сдвинь и опусти, расслабься. Я вымучил тебя любовью, чтобы тебе легче было расстаться со своим телом, – методично заявил Шак.

– Вы желаете, чтобы я прямо сейчас умерла? – равнодушно спросила девушка.

– Похоже на то, малышка, – подтвердил ее догадку Тэ Макаяна.

– Я согласна, – безысходно уступила Викжия.

– Я буду сопровождать тебя невидимым голосом. Ты, сделаешь кое-что и вернешься обратно. Поняла? – задал вопрос Шак, но Вика не ответила, тогда он снова повторил свой вопрос, требовательно окликая жертву от внутреннего забытья. – Поняла меня, Викжия?!

– Приказывайте, – ответила та, обмякла и закрыла глаза в неизвестность.

– Вот и ладушки, – нагло прошептал Шак, выдержал многозначительную паузу и приказал. – Сосредоточься на темечке.

Около минуты Тэ Макаяна неустанно смотрел на Викжию. Наконец он активизировался, будто из воздуха, принялся вылепливать руками нечто невидимое, было похоже, что он создавал энергетический шар размером с обхват его ладоней.

Казалось, его руки были гораздо длиннее, чем на самом деле, и остальная их протяженность была тоже невидимой, как и шар. Удерживая на ладони одной руки созданный шар, другой рукой он полез к себе внутрь груди и, вытащив оттуда что-то тоже невидимое, перемешал это с шаром. Потом, осторожно и бережно, будто страшась, что шар может выпасть у него из рук и расколоться на мелкие кусочки либо впиться куда-то не туда, к примеру, в его ноги, Шак положил его на обнаженный живот Викжии в области солнечного сплетения, и тот тут же всосался внутрь тела девушки. Ее живот вздрогнул, словно проглотил волну.

Викжия замерла. Ее дыхание больше не замечалось, грудь оставалась неподвижной. Шак выглядел так, словно не присутствовал в спальне, а находился где-то далеко, неведомо где, и что-то сейчас делал.

Жучок

Вика проносилась на громадной, самолетной скорости в околоземных просторах Астрала. Смазанными пятнами мелькали какие-то объекты. Это продолжалось какое-то время. Вдруг скорость резко спала и девушка поняла, что она зависла, и под ней, там, внизу, стоит какое-то многоэтажное здание, до крыши которого было метров десять.

Она попыталась что-то сказать, но не услышала звучание своего голоса. Тогда она захотела рассмотреть свои руки, но их у нее не оказалось, хотя она ощущала их присутствие. Вика, насколько могла, начала изгибаться в движениях тела, чтобы увидеть его другие части, но ничего не отыскала, ей стало страшно. Она отчаянно сопротивлялась этому состоянию.

– Что происходит? – почувствовала девушка произнесенную фразу внутри себя.

– Все в порядке, малышка, – узнала она там же голос Шака, который пояснил: – В Астрале говорят ощущениями и чувствами.

Тогда она взволнованно спросила:

– А где мое тело?

– Сейчас появится, – успокоил Тэ Макаяна и нацелил свою подопечную: – Видишь эту крышу дома?

– Да, – сориентировалась она.

– Сосредоточься на ней, на какой-нибудь ее части, – руководил он, выждал несколько мгновений и поинтересовался. – Сфокусировалась?

– Да, – убежденно ответила Вика.

– Чувствами тянись к этой части крыши, приближай ее к себе воображением. Расслабься и парашютируй вниз, – инструктировал учитель.

– Получается! – ликовала Вика и через несколько секунд прокомментировала свое перемещение: – Я уже приблизилась так, что вижу какие-то соринки и крохотные камешки. Что дальше?

– Одновременно оттолкнись ощущениями от мусора и вспомни свое тело, – пояснил Тэ Макаяна.

«Тело! Мне нужно мое тело!» – заклинающе произнесла Вика, сейчас же отпрянула чувствами от того, что видела перед собой, и ее тело возникло.

Шак безжалостно и укоризненно расхохотался.

– Ах! – вдоволь насмеявшись, сказал он. – И не стыдно тебе? Совершенно же голая стоишь на крыше дома! Может, приоденешься?

– А как? – стеснительно спросила Вика.

– Вон, видишь, самая длинная и толстая телевизионная антенна?

– Да, – подтвердила девушка.

– Иди к ней и начинай втискиваться в нее. – подсказал он. – Как только, твоя спина поравняется с поверхностью тела антенны, подумай об одежде, какую хочешь, потом спиной же вышагни обратно. Только не вздумай разворачиваться внутри, особенно на сто восемьдесят градусов – станешь тогда антенной! – снова

безудержно расхохотался он и предупредил: – И не проходи насквозь – можешь попасть черт знает куда. Мне нужно, чтобы ты именно в этой местности поработала, уразумела?

– Я поняла, – ответила Вика и направилась к указанной Шаком антенне, но вдруг оступилась и едва не упала.

– Ты что!? – заволновался и в самом деле Тэ Макаяна. – Падать нельзя! – серьезно остерег он. – Улетишь куда-нибудь. В Астрале не падают, а проходят насквозь, малышка. Осторожнее, пожалуйста. И вообще, какого рожна ты вышагиваешь, как среди людей?!

– А как же еще? – удивляясь и бережно выравнивая свое тело в ровностояние, спросила Викжия.

– Можно проплыть к антенне. Потянись на цыпочках, только внутри себя, и ты окажешься над крышей. Только не сильно дергайся, а плавно, чтобы не улететь вверх, в Астрале инерция велика, тормозить нужно заранее.

Ученица все сделала и вскоре оказалась в красивой и дорогой одежде. На ней были надеты: колготы, сплетенные из черных наитончайших нитей, переплетенных с золотыми волосками, коротенькая юбка из черного шелка, ажурно облепленная крупными золотистыми чешуйками квадратной формы, оставляющая обнаженным живот чуть повыше пупка, светящаяся кофточка светло-фиолетового цвета, на ногах оказались коричневые плетеные сандалии. Девушка выглядела, словно астральная фея из сказки.

Шак уверенно провел ее в нужное место, и через некоторое время она уже стояла посреди какой-то комнаты, в чьей-то квартире.

– Где я? – удивилась Вика.

– Слушай меня внимательно, – пояснил Тэ Макаяна. – Все выполнишь, как я тебе скажу, получишь хорошие денежки, ясно?

– Да, – покорно согласилась она.

– Сейчас сюда войдут двое. Один из них тебе очень знаком, – напутствовал Шак.

– Кто это? – насторожилась ученица.

– Сергей Истина, – открылся Тэ Макаяна.

– Как?! – вскрикнула и засуетилась она.

– Что ты орешь! – озлобленно пригрозил он.

Викжия испуганно прижалась к стене.

– Кричать не надо, – требовательно попросил Тэ Макаяна, и Вика молча кивнула ему головой, что поняла. – Плевать, что ты его знаешь, – продолжил он. – Я его друг.

Она была в замешательстве.

– Ты же не хочешь, чтобы Сергей снова попал в новую летаргию? – настраивал Шак.

– Конечно, нет, – тихо проговорила девушка.

– Второй человек – Екатерина, – сообщил он. – Ты ее практически не знаешь. Когда они войдут, по моей команде подкинешь этой бабенке в область левого уха астральную безделушку, но в нужное время. И веди себя тихо, а то придется тебя навсегда оставить здесь, – припугнул Тэ Макаяна.

– Я стараюсь, – охваченная страхом сказала Вика.

– Давай-ка, побыстрее, отлепись от стены и войди в нее, – велел Шак.

Ученица выполнила приказ.

– Развернись в стене на сто восемьдесят градусов и станешь ею.

Девушка беспрекословно сделала так.

– Хорошо, – похвалил Шак и отдал еще одно распоряжение: – А теперь стой и молчи, они уже идут.

И вот в комнату и в самом деле вошли два человека – это были Екатерина Васильевна, ведьма и директриса центра «Магии Духов», и Сергей Истина.

Вика, с огромным терпением не выскочить из стены, принялась наблюдать за ними. Она была сильно взволнована, и Сергей Истина, как ей показалось, на мгновение печально глянул на стену, которой являлась сейчас девушка. Она замерла от ужаса, от взгляда близкого, самого любимого и самого дорогого ей человека. Но Истина отвернулся от нее и продолжил свое общение с Екатериной Васильевной.

Все происходило, как в явном сне. Вскоре к стене подошла Екатерина. Она плавно и женственно

остановилась возле стены и мягко положила на нее свою ладонь и так постояла некоторое время, о чем-то продолжая разговаривать с Сергеем.

Вика будто окаменела. Она почувствовала прикосновение ладони Екатерины к своей груди.

– Внимание, – исподволь напомнил о себе Шак. – Как только Екатерина будет разворачиваться, подкинешь ей вот эту безделушку, – прошептал он, и Вика почувствовала, как в ее руке что-то возникло. Хотя руки как таковой у нее не было, она только ощущалась.

– Бросай не сильно, а то потеряет сознание, окажется в твоем же положении и заметит тебя, – остерег Шак.

В следующее мгновение Екатерина и в самом деле развернулась боком к стене, как и упредил учитель. Викжия плавно сделала, что от нее требовалось, подбросила астральную безделушку в тело этой женщины, которая сразу же пошатнулась на месте, одной рукой схватилась за спинку кресла, стоящего у самой стены, а другой оперлась как бы на воздух возле себя.

– Не бойся, малышка. Она не потеряет сознание. Ты все сделала верно и качественно, – снова объявился в чувствах Вики голос Тэ Макаяна, который разъяснил истинный смысл ее манипуляций. – Любой человек среагирует, когда ему вкладывают «Астрального жучка». Пора возвращаться на крышу, – позвал он.

Но Вика не прореагировала на его слова. Она околдованно смотрела на Сережу, от которого сейчас веяло стихотворением:

Что ты, чувство лишь пришло,
Выставлять его спешишь
На показ!? Какой малыш!
Как живешь ты тяжело...
Что б душа не приостыла.
Все Восторги и Печали
Не растрачивай случайно.
Слитки чувств копи, в Них Сила!

– Ты что это, осатанела, что ль?! – среди забытья Викжии прорвался голос Шака. – Малышка, – просительно прошептал он. – Отсюда надо сматываться.

Девушка, не отвечая, попробовала просто подкивнуть головой в знак согласия, но не рассчитала и немного вышатнулась из стены. Сережа и Екатерина мгновенно обернулись в ее сторону и пристально посмотрели на стену.

Вике стало не по себе. Но через несколько секунд, Истина и его подруга забыли о стене.

– Пронесло, – ужаснулся Шак. – Ты высунулась, и они среагировали. Уходим отсюда. Начинай пятиться назад и окажешься в соседней комнате, а дальше, уже известным тебе способом, валяй снова на крышу, – Вика так и сделала.

...

Ученица снова находилась на крыше многоэтажного дома неподалеку от густого скопища телевизионных антенн вокруг общей, коллективной, антенны.

Она была в той же великолепной одежде и теперь имела возможность наслаждаться ее дорогим и приятным блеском.

– Ты просто загляденье, Викжия! – сделал ей комплимент Шак. – Я тебя хочу прямо сейчас, на крыше. Где еще, малышка, мы сможем так позабавиться, в таких нарядах! – торжествующе проговорил Тэ Макаяна и по-кошачьи замурлыкал Вике на ухо.

– У-у-у... Как приятно... А-а... х... хорошо-то как... – стала наслаждаться Викжия внутри себя действиями Шака.

Она, плавно потягиваясь на месте и пошатываясь из стороны в сторону, обнимала себя за плечи, гладила по груди и щекам, ласкала свое тело, как могла, в ней росло удовольствие, словно она им была беременна. Удовольствие распространялась по всему ее телу невероятным ощущением самого пика любви.

А Тэ Макаяна продолжал свои сексуальные притязания все интенсивнее, и вскоре Вика ощутила то, как любовь началась в самом деле. Девушка неистово кричала и

упивалась своими криками. Такого она не испытывала никогда и ни с кем.

...

Через некоторое время астрального путешествия Вика и Шак уже лежали рядом друг с другом на все той же кровати, где они занимались любовью до выхода в Астрал. Девушка выглядела уставшей. Она ощущала на душе какое-то двойственное чувство. С одной стороны, новый, познанный ею впервые, восторг астральной любви, а, с другой стороны, Сережа, она чувствовала вину перед ним. Ей казалось, что она все-таки предала его. Тэ Макаяна же был весьма доволен произошедшим и выглядел в отличии от нее преображенным и даже каким-то подтянутым.

– Шак, – позвала его Викжия.

– Что еще? – неохотно отозвался он, находясь в собственных соображениях, вынужденно выказывая в тоне голоса наигранный интерес.

– Скажи мне о той тетрадке, которую я случайно разлистнула у тебя еще на твоей старой квартире, когда ты ушел на кухню? – поинтересовалась ученица.

– Почему ты ее вспомнила? – беззаботно удивился Тэ Макаяна.

– Я прочитала в ней одно твое стихотворение, – начала пояснять Вика.

– Ну, и что же с того. Там немалое количество разных стихов, – все так же беззаботно поддерживал разговор Шак.

– Я о стишке про дочь, – напомнила Вика.

Тэ Макаяну этот разговор начинал надоедать, и он пояснил:

– Ты все принимаешь за чистую монету! То стихотворение – намеренная фантазия. Для того, чтобы мамаша, как ты, по-настоящему ужаснулась. А как же еще раскачать на подлинные умерщвления чувств. Выходы в Астрал требуют абсолютного отказа от всего. Рвутся привязки, даже самые близкие. А какие они у тебя? Ребенок, любимый человек и прочие глупости, – усмехнулся Шак. – Так вот, – продолжил он, – если мамаша преодолела свое отношение к своему

чаду и к любви, она уже прилично готова к выходам. Почему я тебе и подсунул намеренно этот, конечно же, гадкий стишок и назвал тебя Сержиной, а потом переименовал в Викжию. Не в реальности, а в сознании этого достаточно, ты преодолела эти привязки и сегодня вышла в Астрал. А пошлости, какой ты испугалась в стишке, не было, нет и не будет. Это энергетический трюк, учебный материал, тренажер, и не более того. Уяснила?

– Да-а, – протяжно сказал Вика. – Мне еще нужно учиться тебя понимать вовремя и правильно, – заключила она.

– Ладно, мальчика, возвращайся к мужу, понадобишься, звякну, – оживился Тэ Макаяна.

– Хорошо, – ответила невесело Вика, поднялась, наклонилась к учителю и поцеловала его, только лишь немного притронулась к его губам, это вышло у нее как-то дежурно и как обязанность. – Спасибо за удовольствия, – негромко сказала она и тяжело вздохнула прямо у самого лица учителя.

– Иди. У меня еще много дел, – теряя интерес к девушке, отмахнулся от нее тот. – Деньги уже в твоей сумочке.

Вика встала, оделась и ушла. Было самое раннее утро. Шак решил куда-то позвонить, взял с тумбочки мобильник, выключил настольную лампу и набрал номер Кузявского Мистерия Златовича.

– Алло! Это я, – сказал он.

– Узнал вас. Установили жучок? – спросил Кузя.

– Все нормально, – отчитался Тэ Макаяна, выказывая на своем лице заслуженную улыбку.

– Молодцом. Я позвоню завтра, – распорядился Кузявский.

Послышались короткие гудки. Связь завершилась. Шак вернул мобильник на тумбочку, подошел к окну и отдернул плотную штору. В комнату хлынул свежий утренний солнечный свет. Он прильнул к стеклу и заглянул во двор, быстро отыскал там свой новенький автомобиль, самодовольно улыбнулся, лениво зевнул и удовлетворенно произнес вслух:

– Все тридцать три удовольствия, браво тебе, Шак!

ЧАСТЬ VI. По следам Созерцателя

Не все так просто

Я жил у Екатерины Васильевны. Она обитала на окраине Москвы, на седьмом этаже высотного здания, в четырехкомнатной квартире, просторной и современной по планировке. Шутила, что колдует на шестом потолке. Неподалеку от ее дома располагались массив хвойного леса и крохотное озеро, по очертаниям похожее на ежика. Как и прежде, одна комната в жилище ведьмы была отведена под Лесную, в которой она совершала магические операции, просто любила отдыхать и восстанавливаться.

Сегодня на работе, в центре «Магия Духов», ей, что часто случалось, подарили огромный букет алых роз.

Она сейчас возилась возле замка, звеня связкой ключей, пытаясь войти к себе домой, но уже пару минут у нее это почему-то не получалось. Я терпеливо стоял рядом и держал охапку цветов.

– Странно, – первничала она, не в первый раз правильно вертя ключом в замочной скважине. – Что за фигня? Заело что ль?

В отчаянии она попробовала ударно толкать дверь плечом, чтобы ключ провернулся. Наконец, все-таки послышался металлический хрустт.

– Замок открылся, а дверь нет! – воскликнула она, увидела, что я улыбаюсь, пеиханула. – Сергей Александрович! Это ты воздействуешь, цветов что ль обнюхался, или какая-то собака лезет энергетически!?

Ведьма начала гневно дергать дверь за ручку туда-сюда, и та мешковато отодвинулась. Мы вошли в прихожую. Я глянул на пол, и мне стало ясно.

– Я в порядке. Это собака, – указал я на случайно попавшую под дверь половую тряпку, которая и не давала нам войти.

Екатерина глянула на энергетическую помеху в кавычках, злобно отшвырнула ее ногой в сторону и жестко захлопнула дверь.

По вечерам мы любили беседовать часик-другой, прежде чем каждый из нас уходил в собственную комнату и погружался в свое до утра.

Вскоре мы сидели на диване в гостиной. Возле нас стоял поднос на колесиках, на котором было все необходимое для легкого ужина, кофе. Хозяйка квартиры уже успокоилась и приветливо улыбалась.

– Выдохлась сегодня, – посетовала она. – Но усталость приятная.

– Понимаю, – отозвался я.

– Слушай, Сережа, – торопливо заговорила ведьма, – давно хотела спросить, никак не могу разобраться. Приходит человек ко мне или же звонит по телефону в центр и сразу же начинает излагать свою проблему, да еще в подробностях. Назначаю день и час консультации. А позже клиент отменяет встречу, мол, у него и так все нормализовалось. Но это же я подключилась к его негативу, а не скатерть-самобранка! Я потратилась, а мне ни шиша! И как быть?

– За право рассказать о проблеме тоже нужно платить, – определился я. – Не выслушивай ничего впредь. Сразу назначай аудиенцию, там и решай все.

– Так и буду теперь делать, – согласилась моя собеседница.

– А тебя в таких ситуациях только прибыль волнует или еще что другое? – уточнил я.

– Баблo - дело наживное, – улыбнулась ведьма, но погрустнела. – Просто стала замечать, расскажет и слиняет, а я потом о его дерьмо спотыкаюсь. Я что, мусоропровод? Почему так?

– Потому что назначенная стоимость любой работы автоматически организует в сознании человека определенное пространство, – рассудил я.

– И что? – заинтересовалась Екатерина.

– Клиент тебе скинул информацию, исчез, не заплатил, его негатив вместо денег заполнил это пространство, – пояснил я.

– И-и? – вопросительно соображала она.

– Эта грязь начинает расползаться, – продолжил я. – По ходу жизни уродливо материализовывается в тебе и вокруг тебя. Таким приемом частенько пользуются интуитивные или же осознанные энергетические отморозки, чтобы напакостить или почистить свои перышки.

– А если заплатил, то расползаются заработанные денежки! – хохотнула Екатерина. – Это куда лучше!

– Так и есть, – улыбнулся я и неожиданно настрожился.

Почувствовал чье-то присутствие. И мне сейчас же отчетливо вспомнилась Вика.

«Странно, – подумал я, – почему? Такое впечатление, что девушка здесь, где-то рядом».

– Слушай! – чуть слышно обратился я к ведьме, не меняя мимики лица. – У меня такое впечатление, что нас кто-то подслушивает.

– Я тоже ощутила, – шепотом ответила она.

Она медленно окинула взглядом гостиную. Потом, плавно привстала на ноги и на цыпочках подошла к одной из стен, осторожно приложила к ней руку. Какой-то астральный фон шел именно от туда. Мы это оба поняли.

И вдруг, когда Екатерина решила вернуться на свое место и стала разворачиваться, она пошатнулась и чуть не упала.

– Что это? – задала она вопрос то ли мне, то ли сама себе.

– В чем дело? – поинтересовался я.

– Да не понимаю! – она стояла и неуклюже потирала себе виски. – Никогда такого не было.

Я уже готов был встать и подойти к ней.

– Голова что-то закружилась, – пожаловалась ведьма и успокоила мое замешательство. – Уже все нормально,

– вернулась к дивану, присела на него и сделала вывод: – Высыпаться надо.

– Мне вспомнилась Вика, – сообщил я, анализируя произошедшее.

– Может, она о тебе близко подумала? – предположила ведьма. – Между вами все-таки немалая связь.

– Разберемся, – сосредоточенно подытожил я. – Не все так просто.

И мы переключились на другие темы. Потом я почитал свои новые стихи. Вечер прошел, как и всегда, интересно.

Полет к Планете

В самом начале ночи Екатерина пригласила меня в свою святыню, Лесную комнату. За все время моего пребывания у нее на московской квартире это случилось неожиданно и впервые. Выйдя на сокровенный остров бытия ведьмы, я приостановился и какое-то время молча изучал его.

Стена, в которой располагалась входная дверь, была совершенно пустой, возле нее ничего не стояло и на ней ничего не висело. Сама комната оказалась параллелепипедной формы. Напротив меня, на противоположной стене от двери, от пола до потолка, сияло художественное панно, выполненное яркими красками, со вкусом, но все-таки любительски. Позже я узнал, его нарисовала сама ведьма. Изображение панно открывало Четвертый Аркан Священной Книги Тота, где непревзойденный Муж и Творец любого и всего на свете творчества и триединства снял юсседал на фоне Божественных Гор в ослепительных блесках молний, которые ударяли в его царственный жезл.

Слева от меня гнездилось множество разных полок и полочек. На них размещались сухие пучки всевозможных трав, камни и камешки, веточки деревьев, баночки с жидкостями, порошки различных цветов и многие другие мелочи, предназначение которых было открыто лишь хозяйке.

Справа от меня, сантиметрах в десяти от пола, располагалось достаточно вместительное лежбище ведьмы, без подушек, покрытое махровым, золотистого цвета, одеялом.

Потолок был расписан опять же Екатериной, крохотными сценами из мирской жизни, где все персонажи выглядели двойственно: из груди каждого человека выглядывал еще один, второй и поменьше. Первый мог доброжелательно улыбаться кому-то, а второй в это время потирал свои коротенькие ручонки от какого-то гадкого вожделения. Первый доброжелательно похлопывал друга по плечу, второй показывал ему язык. Обнажалась истинная суть отношений между людьми.

По традиции, пол в комнате копировал лесной покров.

Хорошо спрятанная звуковая аппаратура производила впечатление громадного простора в помещении. Звучали редкие голоса птиц, неподалеку проливался ручей и похрустывали ветки. Окно в комнате отсутствовало вообще, видимо, Екатерина Васильевна умело скрывала его. Освещение было такое мягкое и приятное, ниоткуда берущееся и ровное, что позволяло легко и отчетливо, и как-то свежо все видеть здесь.

– Ну, и как тебе моя отдушина? – поинтересовалась ведьма.

– Хорошая стартовая площадка, – ответил я убедительно, всматриваясь в ее излучающие таинственность глаза.

Вскоре в форме голубых сигар мы неслись с Екатериной от поверхности Земли в открытый космос. От нас, словно некая жидкость, во все стороны разливалось нежное фиолетовое свечение. Позади стремительно уменьшались географические подробности нашей планеты, а впереди увеличивалось огромное звездное небо.

И вот наша скорость начала затормаживаться. Мы вонзились в нечто невидимое и упругое, и оно, как пружина, сжималось. Казалось, что в любой момент нас могло отбросить назад, как из рогатки.

– Что это? – в ужасе выкрикнула мне ведьма.

– Сейчас будем выходить на поверхность Земли, – спокойно пояснил я.

– Мы же с нее только что улетели! – удивилась она.

– Нет. Мы до нее только добрались, – озадачил я свою спутницу.

Утопая в уплотняющемся сгустке, я собрал свою волю в ударный энергетический кулак и прорвал его. Тут же произошел обратный эффект, нас выстрелило вперед, и мы снова начали удаляться от поверхности Земли к звездам.

– Что за чертовщина! – возмутилась ведьма.

– Люди живут не на планете, а внутри нее, – открылся я. – Сейчас ты впервые это поняла. Весь космос с Земли – это иллюзия, он не реален, настоящий – теперь перед тобой.

– Обалдеть! – таращилась по сторонам она. – Предупреждать надо!

– Аристотель об этом иносказательно предупреждал еще в четвертом веке до нашей эры! – пошутил я.

– Вернусь – обязательно перечитаю этого засранца! – испуганно огрызнулась Екатерина и скоропалительно оранула. – А как же мы обратно!?

Я ничего не ответил. Мы напористо перемещались, испытывая божественную скорость. Повсюду звезды вычерчивали молниеносные лини и зигзагами облетали нас.

– А где же теперь Земля? – не успокаивалась ведьма.

– Не знаю, – честно признался я и посоветовал. – Думаю, лучше держаться ближе друг к другу.

– Все. У меня крыша едет! – отчетливо забеспокоилась она. – Я больше не могу! Начинаю теряться!

– Возьми себя в руки! – отозвался я.

– У меня все кружится! Еще чуть-чуть, и я обезумлю! – паниковала ведьма.

– Ладно, тогда сделаем так, – приказал я. – Начинай приближаться ко мне вплотную.

– Сереженька! – истерила она.

Рывком оказалась возле меня, от чего я ощутил упругий толчок в бок. Чувствами я принялся магнитировать, втягивать в себя астральное тело моей спутницы. Через несколько мгновений она была уже у меня внутри.

Мы продолжали астральное перемещение, вернее сказать, летел только я, а ведьма сидела во мне, словно турист в комфортабельном салоне межзвездного автобуса.

– Что там, наверху? – она пошевеливалась во мне, видимо, поуютнее располагаясь в моих чувствах.

– Ты имеешь в виду – вокруг меня? – уточнил я, снисходительно не сопротивляясь обустройству ведьмы.

– Ну, да, – согласилась она и деловито поинтересовалась. – Скоро это все закончится?

– Если б я знал, – себе под нос прочувствовал я в ответ.

Екатерина не расслышала и переспросила:

– Не поняла. Что сказал?

Какое-то время я молчал. Я практически потерял какую-либо ориентацию в пространстве и только удерживал цель, которая автоматически порождала направление полета.

– Я стараюсь все контролировать, – наконец ответил я.

– Хорошо, – доверительно отозвалась ведьма.

Прошло еще какое-то время. И вот передо мной вспыхнуло громадное космическое тело Планеты, оно взялось ниоткуда, объявилось мгновенно и я вскрикнул:

– Вот она!

– Что случилось!? – тут же усиленно дернулась у меня внутри ведьма своим астральным телом так, что образовавшаяся передо мной Планета едва заметно, но покачнулась, и я даже испугался, что все это – астральный мираж и Планета способна исчезнуть.

– Пожалуйста, больше так не дергайся, – вежливо потянулся я в сторону ведьмы своими чувствами, будто погладил по голове строптивого ребенка.

– А что? – насторожилась она.

– Мы прибыли на место, – сообщил я.

– Можно вылезать? – с ноткой сожаления спросила Екатерина и засобиралась это сделать.

– Посиди пока там, – остановил я ее суету и, замедляя свое движение, сосредоточенно проговорил. – Сейчас... я приземлюсь... тогда и выпущу тебя.

– Ясно, – не возражала она и снова разместилась поудобнее.

Я неторопливо совершал спуск. Мне очень хотелось все рассмотреть подробно. Впервые именно так я видел эту Планету со стороны.

Она завораживала своими возможностями, которые я ощущал возникающими во мне сейчас, неведомыми ранее

чувствами. Планета парила среди звезд, громадным люминесцентно светящимся шаром и казалась насквозь хрустальной. По мере приближения к ее поверхности я все отчетливее различал бесчисленное множество городов.

На Планете

Я приземлился возле шоссе. Был яркий полдень. Я принял форму моего физического тела на Земле. Сейчас на мне возникли серые шорты, белая майка и кроссовки. Осматриваясь по сторонам, я понял, что нахожусь на том же самом месте, на котором когда-то оказался в первое свое посещение Планеты.

И вдруг, как и тогда, я увидел автомобиль. Вдалеке он всплыл на дороге неожиданно и стал стремительно приближаться ко мне.

Буквально через несколько секунд, совершенно бесшумно, он остановился в нескольких метрах от меня. Машина мягко покачнулась на месте. Теперь я узнал ее и мог предположить, кто был за рулем. И я не ошибся. Водительская дверь открылась, из машины вышла девушка Лара, неторопливо подошла ко мне, улыбнулась.

Она сразу же мне понравилась. «Почему, я не обратил на нее внимание раньше?» – озадачился я про себя.

Сегодня она выглядела особенно шикарно, подошла и застенчиво спросила:

– Не ожидал?

– Какая разница, – ответил я и не удержался, на мгновение глянул ниже ее короткой юбочки.

Она это заметила. Но я нашелся, как выйти из положения, и торжественно провозгласил:

– Вы прекрасны!

– Мы уже на вы? Или ты имеешь в виду меня и мои ножки? – покраснела девушка.

Я промолчал. Как ни в чем не бывало, снова поозирался вокруг.

- Поедем? – напомнила о себе Лара.

– Да. Но в этот раз ко мне, – задумчиво сказал я.

– Ладно. Вези ты, – не раздумывая, согласилась она, кинула мне ключи, и я поймал их.

Я про себя подумал: «Ее зовут Лара, так же, как и мою девушку на Земле. Вот почему мне постоянно кажалось, что я уже где-то видел Шалунью. Но обе Лары совершенно разные, они не похожи друг на друга. И все-таки что-то их связывает».

Через минуту я уже сидел за рулем и вел автомобиль в сторону знакомого мне города. Лара нога за ногу разместилась рядом со мной. Некоторое время мы не разговаривали. Автострада в натяг проносилась под нашими колесами, а в салоне была полная, какая-то настороженная тишина и только едва слышался двигатель автомобиля, его звук весьма походил на тихий шум работающего компьютера.

На каком виде энергии функционирует мотор? – отчего-то задал я идиотский вопрос.

На чувствах, – ответила девушка и плавно обвила свои привлекательные плечи руками.

На чьих? – машинально уточнил я.

– На твоих. Ты же за рулем, – привлекательно улыбнулась она и опустила руки одна на другую себе на коленку.

– Везде одно и тоже, суть не меняется, – сделал я вывод.

– Да, – согласилась она. – Все автомобили работают на чувствах, и на Земле так же.

Искоса приглядывая за ножками девушки, я развивал тему.

Машина ломается в голове шофера, пассажиров или пешеходов, – определялся я. – Правда, мало кто об этом догадывается.

Лара несколько раз кивнула мне головой в знак согласия. У нее была очень сексуальная шея.

Если бы об этом еще знали водители, – мечтательно сказала она.

– Ну да, – испытывая теневой азарт в разговоре, продолжал я. – Не уступил дорогу человеку перейти улицу, а потом и думает, отчего в яму влетел и диски погнул или еще что похлеще произошло.

Вот-вот, – согласилась девушка. – Или сам подумал, что деталь выйдет из строя, и ей конец.

Мы замолчали. Казалось, что шоссе пружинисто изгибалось, раскачивалось по сторонам от нашей скорости.

Через некоторое время наша машина оказалась в городе.

– Кажется, мы уже там, где нужно, - оживившись, сказала девушка и начала осматриваться по сторонам, увлекаясь городскими постройками.

Тут-то я только вспомнил, что Екатерина Васильевна до сего момента продолжала оставаться у меня внутри, что я совсем забыл про нее и не выпустил наружу! Мне стало совестливо. «Сделаю это у себя дома», – подумал я.

Откровения

Мы ехали по городу. Я сбавил скорость и стал урывками посматривать по сторонам в надежде заметить хотя бы одного прохожего. Но все мои попытки оказывались тщетными.

– Никого, – заявила недовольно Лара.

– Но мы то есть! – взбодрился я.

– Мы – да! Но больше никого, – уныло определилась она.

– Ничего страшного, – высказался я. – Человек всегда одинок, но только не замечает этого в суете своих дней. Он думает, что разговаривает с кем-то, а на самом деле только со своими мыслями. Болтает всю жизнь, ругается и спорит, дерется и даже занимается любовью сам с собой.

– Это как же? – заманчиво удивилась Лара.

– Каждый по-своему, – понимающе ответил я, а про себя подумал: «Надо срочно решать, куда двигаться дальше».

– И куда мы едем? – занозливо уточнила она.

– Ко мне, - ответил я.

– А ты хоть знаешь, где твой дом? – подозрительно посмотрела на меня девушка.

– Нет, – честно признался я и заверил. - Но мы туда обязательно доберемся.

– Каким образом? – озадачилась она.

– Вот сейчас и проверим, действительно ли на чувствах едет наша машина, – улыбчиво ответил я и перестал намеренно

самостоятельно крутить баранку, просто держался за руль, позволяя управлять им самому автомобилю.

Лара исподтишка наблюдала за мной.

Вскоре мы въехали в какой-то короткий проулок, который быстро закончился и уперся в огромный дом, похожий своими этажами на шахматную доску.

Лара была поражена.

– Как ты это сделал? – спросила она. – Я думала, что ты не найдешь его.

– Мы живем в мире своего материализованного подсознания, надо просто уметь доверять ему в нужный момент, – объяснил я и поинтересовался. – А ты знала, где я живу, и молчала?

– Да, – открылась она. – Было интересно отследить, как ты себя поведешь.

Мы покинули транспорт и направились в дом. Вошли в него. Неторопливо поднялись по широкой центральной лестнице вверх, на второй этаж, и тут же оказались в огромном зале. Стали перемещаться в нем. На отполированном каменном полу наши шаги отзывались мелодичным эхом, озвучивая таким образом некую мелодию, исполняемую под аккомпанемент шороха наших подошв, которые словно перешептывались друг с другом.

Мы остановились возле огромного окна, выполненного из крупного мозаичного стекла в легких акварельных тонах. Я скрестил свои руки позади себя. Мы оба смотрели на улицу, видели внизу стоящий автомобиль, на котором сюда приехали, и всю глубину проулка до самого проспекта.

– Лара, – осторожно заговорил я, – ты что-то хочешь мне сказать.

– Да, – не задумываясь, подтвердила она. – Я должна это сделать, Сережа.

С минуту девушка мешкала, и было видно, как она на что-то сейчас решается, весьма для нее важное.

– Я не совсем Лара, – наконец обнажила она свои переживания.

– Я об этом догадывался, – не стал скрывать я.

Девушка тяжело передохнула и продолжила:

– Я та самая Шалунья из центра «Магия Духов». И еще... я сотрудник Остапа Моисеевича, его банка «Энергетик АЛЗ».

– «Я знаю», - хотел сказать я, но произнес другое: – Бывает.

Мои соображения, что две Лары – одно и тоже лицо, подтвердились. Рядом со мной стояла моя любимая девушка, только выглядела по-другому.

В следующее мгновение мне стало стыдно. Я почувствовал, как во мне шевельнулась Екатерина Васильевна. Понятное дело, что она все слышала. Я больше не мог откладывать ее освобождение и тут же астрализовал ведьму из себя, она оказалась позади девушки.

– И как же это понимать?! – тут же, подбоченившись, гневно потребовала ответа та.

– Екатери... – только что хотела проговорить Лара, оборачиваясь на внезапно возникший за ее спиной знакомый голос, но ведьма прервала ее на полуслове.

– Стерва! Я тебя чумой заражу! - свирепо взъерошилась она – Это с кем же я работала?!

– Со мной, – ответила вежливо Лара и постаралась оправдаться. – Я никогда не причиняла вам вреда. И разве я могла бы вас вообще узнать, если бы не стала агентом Магистра? Конечно же, нет!

Лара взволнованно заходила возле нас взад и вперед.

– Не сверкай ножками! – обескураженно подыскивала нужные слова ведьма.

Девушка остановилась и выкрикнула:

- Я ваша верная подруга, Екатерина Васильевна! Вот!

– Неужели ты думаешь... – снова заговорила озлобленно та, но я прервал ее.

- Подруги! – воскликнул я. - Подруги всегда говорят, во всяком случае, настоящие подруги друг другу – правду. А Лара сказала правду. Может, лучше совместно обдумать ситуацию и воспользоваться ею по назначению?

Екатерина ничего не ответила, ненавистно отслеживала девушку взглядом, которая снова заходила взад и вперед.

– Я так полагаю, что у Лары, то бишь у Шалуньи, имеется для нас веская новость, которая требует безотлагательных действий.

- Говори, Шалунья, – надменно приказала ведьма. – Что у тебя?

– Хорошо! – остановилась та, веселея на глазах, потом, вспомнила, о чем ей сейчас нужно сказать, и погрустнела. – Я здесь по заданию Остапа Моисеевича, а его люди там, на Земле, неподалеку от города Р..... они готовятся убить...

– Купсика? – не выдержал я и энергетически заглянул в то, что скажет дальше девушка, но тут же опомнился и остановил своё видение.

– А вы откуда знаете? – испугалась Лара и закусила нижнюю губу.

– Угадал, как я понимаю, – сориентировался я.

– Да и черт с ним, с Купсиком-то! – будто опомнившись, прикрикнула на сотрудницу ведьма.

– Постой, Екатерина Васильевна, – рассудил я, – меня больше интересует другое: с Купсиком Людочка. А ее требуется спасти. Да и кооператорщика пора бы вернуть на свое место.

– Конечно же, так! – засуетилась Лара.

Ведьма смотрела на нее и была готова ее придушить, она едва сдерживала себя. Я это уловил и объявил:

– Мы туда отправимся завтра, как ты считаешь, Екатерина?

– Не возражаю, – огрызнулась она.

– А сегодня нам лучше отдохнуть друг от друга, – распорядился я. – Поднимайтесь на этаж выше, там ваши комнаты. Та, что с красной дверью, твоя, Екатерина, с оранжевой – Ларина.

Они ушли по очереди, вначале Лара, потом Екатерина. Я же отправился к себе в кабинет на первый этаж.

Я ничего не знал в доме, потому что был в нем первый раз, но одновременно я мог ориентироваться в нем легко. Это было весьма удивительно

У камина

Я еще не был Императором. Сидел у камина в своем доме на Планете, осознавая себя единого:

«Не все он знает, что он знает. Я знаю все, что знает он, не зная, что пожелал узнать. Это разница. Единство в том, что, ранее не зная, знал он и узнал.

Он управляет мной, когда желает знать, что я еще не знаю, я это узнаю и он не знает, зная. Я управляю им, когда то, что знаю я и знает он, не зная, желает он узнать».

– Собой!

– Да, мой повелитель.

– Пора ему тебя узнать.

– Да, мой повелитель.

– Пусть, раздвоение освоит.

– Да, мой повелитель.

– Оставь за ним возможность эту.

– Да, мой повелитель.

– Пока пусть знает он, что был он на Планете нереально.

– Да, мой повелитель.

Я есмь во всем

Лара и ведьма ушли отдыхать в свои комнаты. Некоторое время я сидел в кабинете за рабочим столом и размышлял о Созерцателе. Потом присел на диван расслабиться перед сном и про себя спросил сам у себя, но вопрос прозвучал не моим голосом:

– Ложишься спать?

– Ты кто? – насторожился я.

– Собой, – ответил голос.

– Какой еще «Собой»!? – я возмутился. – Пошел-ка прочь! Сейчас шарахну так, что мало не покажется тебе!

– Я не могу уйти, – пояснил он.

– И почему же? – насторожился я.

– Когда ты сам с собою говоришь, то говоришь со мною.

– Ну, да, а голос-то не мой звучит сейчас, – не поверил я.

– Мне голосом твоим заговорить, как и всегда?

– Не из пугливых я. Так что ты хочешь?

– Хочу, что хочешь ты, – ответил голос.

– А что же я хочу? – задал вопрос я.

– Ложиться спать, но это неприлично.

– И почему?

– А женщины одни и ждут тебя.

Я возмутился:

– Я не могу пойти.

Но голос вопросил:

– Какое оправданье?

– Пойдешь к одной, обидится другая, – нашелся я.

– А не пойдешь, так обе заругают! – не согласился Собой.

– И что теперь? – поинтересовался я.

– А ты иди к обеим.

– Меня неправильно поймут!

– А ты иди одновременно!

– Как это?

– Иди давай!

Я встал с дивана, вышел из кабинета, быстро поднялся этажом выше и оказался в холле между двух, немного приотщеленных дверей. За одной из них, за оранжевой, находилась Лара, за красной – Екатерина Васильевна. Я стоял посередине и думал, как быть.

– Собой, ты здесь? – позвал я голос.

– А где же быть еще мне! – ответил тихо он.

– Ты будешь и подсматривать за мной?

– Когда со мною ты не в разговоре, я ничего не вижу, уж поверь.

– Поверю на слово. И что мне делать дальше?

– Иди к обоим сразу. Вот и все.

Вначале мне захотелось возразить, но я набрался терпения, сосредоточился и, удерживая в памяти дверь Екатерины Васильевны, шагнул в другую сторону, к Ларе.

В это же мгновение я испытал удивительные, трудно объяснимые ощущения, каких не знал еще!

Я остановился у входа в комнату к Ларе, посмотрел в сторону входа в комнату к ведьме, там стоял такой же я. Но одновременно я почувствовал, что посмотрел в сторону себя, стоящего у входа в комнату к ведьме. Мне показалось, что я вообще не двигался с места, а это они, оба я, переместились к дверям! Стало немного жутко, но я справился с этим и шагнул в обе комнаты. Параллельно друг другу со мной заговорили сразу две женщины.

– Добрый вечер, Сергей Александрович, – сказала Екатерина Васильевна, она стояла у окна.

– Добрый, – отозвался я.

– Соскучился? – обрадовалась она.

– Больше чем, – согласился я и подошел к ней близко.

– А как же Лара? – поинтересовалась ведьма.

– С ней все в порядке, она будет довольна, – ответил я.

– Это хорошо, – прошептала Екатерина Васильевна, ласково прижимаясь ко мне спиной.

– Добрый вечер, Сергей Александрович, – сказала Лара, она сидела в кресле.

– Добрый, – отозвался я.

– Хотели поговорить? – обрадовалась девушка и встала мне на встречу.

– Больше чем, – согласился я и подошел к ней близко.

– А как же Екатерина Васильевна? – поинтересовалась она.

– С ней все в порядке, она будет довольна, – ответил я.

– Здорово, – прошептала Лара и ласково обняла меня.

– Послушай, Сереж, – озадачилась ведьма, – я не совсем поняла.

– Что именно? – отзывчиво спросил я.

– И в Астрале, и на Земле, – пояснила ведьма, – все одно и тож, если ты в одежде, то можешь раздеться.

– А-а, – догадался я, что она имеет в виду. – Тебя смущает, что твоя одежда переходит плавно в тело, а тело переходит в одежду?

– Ну, да! Тело как продолжение одежды и наоборот, я, словно кукла! И не могу снять платье! – подтвердила она, огорчилась и положила руку ладонью себе на живот, несколько раз подергала ею туда-сюда, направлением пальцев указывая на женское место, негромко спросила. – А это где?

– Сейчас будет, – улыбнулся я, провел рукой по предполагаемому женскому месту, и оно появилось.

– Класс! – воскликнула ведьма. – Так это в любом месте можно, хоть и по стенке провести, и будет тоже самое?! – оживилась она.

– Зачем в любом, приятнее в положенных, – я взял ее руку и направил себе в самый низ живота.

Екатерина провела там ладонью и тут же обнаружила то, что было ей нужно.

– Ого! – она обалденно юльнула глазками. – Мечты сбываются!

Внезапно я нестерпимо схватил ведьму в охапку, мы упали на кровать и застыли в глубоком поцелуе.

– Я счастлива, Сережа! – застенчиво проговорила Лара.

Я не ответил ей, а только подхватил ее на руки, как ребенка, и бережно опустил в постель. Поцеловал едва. Потом еще, еще едва. Она глаза закрыла. Меж нами дрожь прошла и завершилась всплеском поцелуев.

Все мельтешило и переплеталось. Звучал аккорд любви. Обе женщины слились во мне в единое целое. Я слышал их голоса. В одно и то же время, я мог чувствовать изгибы шелковой спины и встречную упругость живота, обнимать девичью талию и крепкие женские плечи, спрашивать и отвечать. Со всех сторон собою наслаждаясь, я забывал условности. Свободен так бывает только Бог!

А был ли сон?

Утром я и Екатерина завтракали на кухне. Мы ели бутерброды с ветчиной, я запивал их чаем, а ведьма – кефиром.

– Как спалось? – загадочно улыбаясь, спросила она.

– Нормально, – непринужденно ответил я.

– А я такой сон видела! – звучно причмокнула она языком. – Пальчики оближешь!

– И какой же? – поинтересовался я.

– Э-э! – она игриво юльнула глазками. – Секрет.

– А хочешь, я тебе расскажу твой сон? – как ни в чем не бывало предложил я.

– Валяй, – согласилась ведьма, откусила приличный кусок бутерброда и стала жевать.

– Ты была на Планете вместе со мной и Ларой, – сказал я.

– Ага, – беззаботно подтвердила Екатерина и отпила из кружки кефир.

– Потом я отправил тебя отдыхать в комнату с красной дверью, – продолжил я.

Екатерина Васильевна перестала жевать и выразительно посмотрела на меня.

– Через некоторое время я пришел к тебе. Твое тело плавно переходило в одежду и наоборот.

Ведьма открыла рот.

– А дальше – любовь, – подытожил я.

Екатерина опомнилась, схватила несколько салфеток и суетливо вытерла кефир с подбородка, торопливо прожевала остатки пищи и быстро проглотила их.

– Так это был не сон? – потребовала она объяснений.

– Сон, – не согласился я. – Просто я тоже его видел.

– Что за шуточки! – свирепела ведьма.

Неожиданно раздался звонок в дверь.

– Кто это может быть? – скоро проговорила она и подозрительно посмотрела на меня.

– А я откуда знаю, – недоумевая, пожал я плечами.

Екатерина тихо привстала со стула и на цыпочках стала шагать в прихожую. Я спокойно последовал за ней, отчетливо наступая тапочками на пол.

Она остановилась и приказала мне шепотом:

– Не топай так!

Я извинительно поднял руки вверх и тоже пошел на цыпочках.

Гуськом мы подобрались к дверному глазку. Екатерина тут же заглянула в него.

– Это Лара! – обозлилась она. – Что ее принесло, да еще в выходной! – спросила она у меня.

Я промолчал. Ведьма открыла дверь и впустила девушку в квартиру. Та залетела так, будто за ней кто-то гнался.

– Ну, что, – заговорчески посмотрела она на нас, – вы уже готовы?

– К чему? – удивилась ведьма, жестко упираясь взглядом в свою сотрудницу, и потребовала у нее ответа. – Шалунья, ты вообще с какого переполоха здесь?

– Договорились же вчера еще, что сегодня возвращаем Гришу! – сообщила та.

Екатерина Васильевна тупо посмотрела на меня, потом, на девушку.

– Агенты Остапа уже там. Можем не успеть! – теряясь, пояснила Шалунья.

– Так это был не сон, – задумчиво анализировала ситуацию вслух Екатерина.

– Какой сон!? – не поняла девушка и попыталась напомнить. – Мы же все вместе находились в Астрале, на Планете. Сергей Александрович может подтвердить, он был со мной, – проговорилась она и осеклась.

– Он, – Екатерина подбоченилась, на мгновение кинула в мою сторону взгляд, – уж если на то пошло, был у меня! – парировала она признание Лары. – Это так? – задала она вопрос мне.

Я ничего не ответил.

– Чего ты молчишь? – настаивала она, всматриваясь в мою реакцию.

– Сергей Александрович был со мной, – грустно проговорила Лара и присела на стул.

– Понимаешь, Екатерина, – вмешался я, – во сне часто происходит смена событий, всевозможные наложения...

– Вот, в наложения... – перебила меня она и выдержала паузу, – я поверю! Тебя на Лару!

– Так что, получается, ты не была со мной? – уточнил я.

– Не знаю, – отрешенно ответила она и медленно тоже уселась на стул рядом с Шалуньей.

Прошло около минуты. Мы все втроем молчали.

Наконец Лара вскочила на ноги и с укором в голосе громко спросила:

– Так мы будем спасать тело Гриши?

– Да, – сориентировался я, испытывая облегчение.

– Будем, – себе на уме отозвалась Екатерина.

Кафе

В центре Москвы, возле многоэтажного, сверкающего на солнце отливом стекол офисного учреждения, в атласном, европейского происхождения, костюме, в белой рубашке, украшенной фиолетовой бабочкой на шее, Остап Моисеевич, он же теперь Иван Иванович Спасов, императорски вышагнул из огромного, как грузовик, черного джипа, сверкнули его шикарные туфли. Рядом с ним вырос, как из-под Земли, его личный секретарь, Мистерий Златович Кузявский, одетый в классическую тройку, в серой рубашке с черным галстуком, в правой руке он держал черный кожаный портфель. Они деловито проследовали к парадному входу, вошли в здание, стремительно пересекли просторный холл, и через несколько секунд за ними плавно запторились двери лифта.

В кафе сейчас было мало посетителей. За одним из столиков сидели два человека. Один средних лет, толстяк с отвисшим лицом, в дорогом костюме, в синей рубашке с белым галстуком, был похож на восточную игрушку, которая на плотной шее покачивает головой, если ее подтолкнуть. Другой, в костюме попроще, с острой физиономией, прямым носом и густыми бровями, лет пятидесяти на вид.

Периодически заостренный, который был, скорее всего, секретарем толстяка, что-то любезно говорил хозяину, а тот небрежно наклонялся к нему через плечо, подставляя ухо. Они сосредоточенно озирались вокруг.

Посередине зала монотонно журчал небольшой фонтан. С потолка свисали плетеные шаровидные люстры. Все утопало в цветах и зелени. Кондиционированный воздух. Несколько, больших телевизионных экранов мельтешили немыми картинками. Было уютно.

Магистр и секретарь появились в кафе. По зеленой ковровой дорожке прогулочным шагом прошлись к фонтану, постояли немного возле него. Потом неторопливо приблизились к столику, где их давно ждали. Они, словно случайно, присели за него. Остап оказался напротив толстяка, приподнял на мгновение правую руку, как бы

поприветствовал его, и тот качнул ему головой. Кузявский уселся напротив заостренного и обратился к нему:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – ответил тот.

– Мы желаем знать, – высокопарно пояснил секретарь Остапа, – причину вашей заинтересованности в нашем банке.

– Она будет озвучена позже, – объявил секретарь толстяка. – Вначале мы хотим получить гарантии.

Остап незаметно хлопнул ладонью по коленке Мистерия Златовича.

Кузявский посмотрел на него, Магистр подал команду, кивнул ему головой. Тогда Мистерий Златович полез в портфель, извлек оттуда несколько листков машинописного формата с каким-то напечатанным на них текстом и передал заостренному. Тот взял бумаги и бережно положил их на стол перед своим хозяином, который принялся внимательно перелистывать их, читать. Все молчали.

Форма таких переговоров, когда практически абстрактно друг между другом беседуют только секретари, оправдывала себя. В случае прослушки придраться к хозяевам, предъявить им какие-либо претензии было невозможно. Ведь наповерку они даже не общались. А секретари, ну что с них взять? Мало ли о чем они могут болтать.

Через несколько минут толстяк положил правую ладонь на листки и подал знак своему помощнику, качнул ему головой в знак согласия. Тот оживился, протокольно улыбнулся приспешнику Остапа и сказал:

– Мы ознакомились с договором. Нас он устраивает.

– Хорошо, – тоже протокольно улыбнулся в ответ Кузявский и повторил свой вопрос. – Назовите причину вашей заинтересованности в нашем банке.

– Нас, – заостренный коротко глянул на хозяина, – хотят потеснить с занимаемой должности. А мы категорически против этого.

Мистерий Златович вдохновился и заявил:

– Больше никто не посмеет даже намекать вам об этом. Пожалуйста, поставьте свою подпись.

Толстяк подписал документы, отвернулся в сторону фонтана, предоставляя возможность помощнику в это

время забрать их. Тот взял бумаги и отдал Кузявскому, который тут же упрятал их в портфель и сказал:

– Будьте любезны, ваши дополнительные поощрения для нас.

Помощник толстяка выдержал паузу и, выразительно подчеркивая каждое слово, произнес:

– Все коммуникации связи страны к вашим услугам.

– Мы довольны, – определился Кузявский.

– На этом наша встреча закончена, – подытожил заостренный и попрощался. – До свидания.

– До свидания, – отзеркалил секретарь Остапа.

Магистр и Кузя встали из-за столика, прошли к фонтану, с минуту постояли возле него, не разговаривая, и прогулочной походкой молча ушли из кафе.

Закрытое собрание

В тысячном, современном, комфортабельном зале, в мягких красных креслах сидела публика. Мест на всех не хватало, и пара сотен человек толпились в проходах между рядами. Шло закрытое от средств массовой информации, объединенное собрание института Народных министров и банка «АЗЛ». Председательствовал Мистерий Златович Кузявский. Он сидел посредине длинного стола, установленного на сцене, справа и слева от него в несколько рядов располагались члены президиума.

Остап Моисеевич возвышался в мягком кожаном кресле черного цвета поодаль от президиума. Он самодовольно созерцал свои владения. На него периодически, без исключения, украдкой, заворожено посматривали все участники мероприятия. Он успевал отстреливаться от многочисленных взглядов короткими улыбками и едва заметными кивками головы.

Слушатели были разных мастей, от высокопоставленных, бриллиантовых дам в нарядах по несколько десятков тысяч евро до истощенных студентов в дырявых джинсах, доходы которых прикрывала мода на такие брюки.

Среди всех приглашенных в качестве озадаченного зрителя сейчас находился и бывший бомж Евгений. Он совершенно не понимал, зачем его пригласили. Вчера перед сном в нем снова зазвучал голос, который сообщил, что завтра он должен быть готов, за ним приедут. Утром к нему домой действительно пришли какие-то люди, велели быстро собраться и проследовать за ними, приветливо усадили в престижный автомобиль и увезли сюда. Сейчас он пытался внимательно слушать докладчиков и сильно беспокоился, чем все это для него закончится.

– А сейчас, – громко провозгласил Кузявский и для солидности, а заодно, чтобы сконцентрировать внимание публики на себе, прокашлялся, выдержал паузу и продолжил, – слово предоставляется Народному министру нашего института по ценам на продукты питания Шавиной Ксении Сергеевне, поприветствуем выступающего, господа!

Раздались редкие аплодисменты.

На трибуну суетливо, словно подросток, поднялась девушка, лет тридцати на вид, в серых офисных брюках и в коричневой кофточке с короткими рукавами. Маленького роста, с малозапоминающимися чертами лица и редкими, коротко подстриженными волосами, она вряд ли могла значительно впечатлять мужчин. Зал притих.

– Господа! – пискляво выкрикнула Шавина. – Наше Народное министерство, а в частности, подведомственный мне отдел по ценам на продукты питания, инкогнито постоянно проводит мониторинги по стране как среди населения, так и во всевозможных торговых точках, на предмет выявления злоупотреблений в организации цен. Нами проделана огромная работа. Мы уже собрали многотомную информацию, проанализировали ее и подали свои рекомендации в правительство страны. Нами выявлен целый ряд корпоративных сговоров, образование цен «с потолка» и другие нарушения. Господа! То, что происходит на потребительском рынке, настораживает и пугает!

– Купите электрошокер, девушка! – выкрикнул с места какой-то мужчина.

Он выглядел весьма неординарно. В ядовито-зеленом костюме, в белой рубашке с расстегнутым воротником, полуседые волосы на голове, длинные бакенбарды

до основания скул, нос картошкой, немного скошеный, как у боксера, юркие черные глаза.

Бывшему бомжу Евгению понравилась его смелая реплика, и он улыбнулся.

Кузявский несколько раз прозвенел колокольчиком и призвал всех к спокойствию:

– Разговорчики в зале, господа! – громко сказал Мистерий Златович и попытался отыскать взглядом того, кто посмел помешать ходу собрания, но не нашел выскочку, в это время все замолчали. – Продолжайте, пожалуйста, Ксения Сергеевна, – мягко обратился он к девушке-министру.

Шавина бойко затараторила дальше. Ее выступление уже подходило к концу.

– Господа, – подытоживала она свою речь. – До чего же могут дойти коррумпированность, жадность и бездушие. Вы только представьте себе: цены на хлебобулочные изделия в Ставрополе, в магазинах шаговой доступности, выше, чем в Москве, и это в хлеборобном крае! При таких обстоятельствах мы не можем оставаться в стороне и молчать, не позволим дельцам от бизнеса оставаться в тени, мы их высветим!

– Купите фонарик! – снова оранул с места мужик в зеленом пиджаке, и слушатели дружно расхохотались. Евгений снова посмотрел на этого человека и улыбнулся.

Ксения Сергеевна пожала плечами и обиженно посмотрела на председателя президиума, тот махнул ей рукой, мол, достаточно, заканчивай. Она вдохновилась и сказала:

– Внимание, господа! В назидание желающим нажиться на трудовых деньгах заверяю вас: народные министры не дремлют! Потребительская корзина в наших руках! Спасибо за внимание!

Шавина ушла с трибуны, Кузявский объявил:

– А сейчас, в завершении собрания, слово предоставляется нашему любимому и многоуважаемому генеральному директору, – все замерли, Мистерий Златович выкрикнул, – Ивану Ивановичу Спасову!

Буря аплодисментов и восторженных выкриков оглушительно сопроводила Магистра, в развалку шагающего по сцене. Стоя уже на трибуне, он несколько секунд позволил себе понаслаждаться своим величием.

– Я... – произнес Остап, будто взмахнул волшебной палочкой, и все замолчали, – люблю вас! – договорил он, и снова обрушились овации.

Магистр лениво поднял правую руку, давая знать залу, что он намерен говорить дальше, тут же воцарилась тишина.

– Скажу главное, - возобновил он свое выступление. – Вы хорошо трудитесь. Каждый на своем месте. О любом из вас я знаю многое, – некоторые присутствующие в зале заерзали в креслах. – Кого-то наказываю, кого-то поощряю, – улыбнулся Остап. – Всякое бывает. Институт и наш банк – это хорошо, что они есть. Но этого мало. На сегодня треть капитала страны принадлежит нам. У нас есть куча денег, но нет власти. Пришло время организовать свою партию!

Зал буквально взорвался ошеломляющими рукоплесканиями. Все встали со своих мест и прессовали воздух ладонями, один громче другого.

Магистр опять поднял правую руку, публика успокоилась и быстро уселась на места.

– В холле, по окончании собрания, вам выдадут проект устава нашей будущей партии, изучите его внимательно. На следующем сборе мы его утвердим. У меня все, – заключил Остап.

Мероприятие закончилось. В зале остались только два человека, которых не выпустили из него, бывший бомж Евгений и мужик в зеленом костюме, который выкрикивал реплики. Остап продолжал сидеть в своем кресле на сцене. Кузявский спросил у него:

– Остап Моисеевич! – он мотнул головой в сторону двух оставшихся. – Эти... здесь. Как вы и просили.

– Евгений! – окликнул бывшего бомжа Остап.

– Да, – робея, отозвался он.

– Иди сюда. – сказал Магистр.

Евгений поднялся на сцену и застенчиво приблизился к генеральному директору.

– Значит, так, – определился Магистр. – Я твой голос.

От неожиданного откровения у того округлились глаза.

– Поработаешь пока у Ксении Сергеевны. Мистерий Златович объяснит тебе, что к чему.

Бывший бомж попытался что-то сказать, но Остап отмахнулся от него рукой, и он замолчал.

– Иван Иванович, а с тем что? – кивнул в сторону мужика в зеленом костюме Кузявский.

Магистр вяло зевнул и ответил:

– Его тоже отправь на работу к Шавиной.

Министерство

В сером костюме стиля «бизнес-леди», сотрудница Института при банке «АЛЗ», Ксения Сергеевна Шавина, народный министр по ценам на продукты питания, сидела в своем рабочем кабинете и сосредоточенно рассматривала какие-то таблицы на мониторе компьютера. Время от времени она что-то задумчиво анализировала, беззвучно шевеля губами, и настойчиво перебирала острыми пальчиками кнопки клавиатуры. Неожиданно на ее лицо присела муха. Она машинально больно хлопнула себя по щеке.

– Вот, зараза! – возмутилась министр.

В это время в соседнем помещении ее секретарь, худенькая девушка в голубом сарафане до колен и в белых туфлях на высоком каблуке, лет двадцати пяти на вид, с вытянутым вертикально лицом и прямым носом, с вьющейся и пушистой смоляной копной волос на голове, возилась возле шкафа, перебирая какие-то бумаги и сортируя их по многочисленным папкам. В приемную вошел бывший бомж Евгений. Он робко поздоровался с ней:

– Добрый день, – вежливо произнес он.

– Присядьте, – деловито ответила она, не оборачиваясь к нему.

Евгений немного обиделся на ее неуважительный тон в голосе. Скромно умостился на мягкий стул, стоящий напротив референта, у стены. Он демонстративно заложил нога за ногу, выставив напоказ свои недорогие, но ухоженные туфли. Поправил светло-синий галстук, который неплохо смотрелся на фоне белой рубашки и хорошо сочетался с его темно-синим костюмом. Он обиженно наблюдал за секретарем.

Вдруг с верхней полки шкафа на референта посыпалось множество папок, которые беспорядочно разлетелись в разные стороны, раздался грохот.

– Ай! – испуганно вскрикнула она.

Евгений, оставаясь сидеть на своем месте, принялся следить, как девушка спешно собирает бумаги с пола и суетливо запихивает их обратно в шкаф.

– Работы у вас точно завались, – высказался он и самодовольно улыбнулся.

Секретарь злобно покосилась на него.

– Что, так и будете пялиться, встали бы и помогли! – беспомощно скомандовала она.

Бывший бомж не ожидал такого обращения, но тут же вскочил на ноги и принялся усердно способствовать наведению порядка. Увлекшись, он оказался у двери в кабинет министра, которая внезапно распахнулась и наотмашь сильно треснула его по лбу металлической ручкой. Это Ксения Сергеевна, услышавшая шум в приемной, выскочила из кабинета. Она внимательно посмотрела на скорчившегося от боли посетителя и дала распоряжение девушке:

– Аня, сделай ему холодную примочку.

Референт скоро принесла полотенце с завернутыми в него кусочками льда и подала его Евгению. Тот приложил спасительный компресс ко лбу и, кривляясь в лице, вернулся на свой стул. И тут в приемную стремительно, будто омоновец, вшагал мужик в зеленом пиджаке, тот самый, который выкрикивал скверные реплики народному министру во время его выступления на объединенном собрании. В вытянутых руках он держал специально купленные им сегодня фонарик и электрошокер. Женщины переглянулись.

– Здравствуйте! – громогласно заявил он и широко улыбнулся.

– А это зачем? – потребовала объяснений Шавина и кивнула головой на его вооружение.

– Пришел извиниться за вчерашние шалости, – заявил он.

Референт мельком глянула на мужика, продолжила поднимать папки с пола и сказала:

– Это ни к чему. Шок у нас уже есть.

– И фонарик тоже, – жалобно подал голос Евгений, продолжая кривляться от боли.

Мужик в зеленом пиджаке немного оторопел.

– Так это вы вчера пытались сорвать мой доклад?! – грозно потребовала у него ответа Ксения Сергеевна.

– Да, – признался тот и замешкался. – То есть, нет. Я просто шутил. Юмор такой.

– А с юмористами у нас, знаете, что бывает? – ехидно спросила у него секретарь, и тот покосился на Евгения.

– Ясно, – осекся он, спрятал фонарик и шокер в потрепанную серую сумку, висящую у него на плече, и присел на стул рядом с пострадавшим.

– Как я поняла, вы ко мне на работу? – усмехнулась над ними Шавина.

– Да, – едва слышно подтвердил мужик.

– Голос... Э-э.., – запутался вначале Евгений, но совладал со своей памятью и настороженно буркнул: – Иван Иванович направил.

– Знаю, – строго подытожила министр и скомандовала. – Оба, зашли ко мне.

Очутившись во владениях Шавиной, новые сотрудники уселись за небольшой стол для конференций, который возглавила Ксения Сергеевна. Она властно потребовала от них:

– Представьтесь.

Мужик в зеленом пиджаке промямлил:

– Окорочков Виктор Найдивич.

Министр немного подумала и объявила:

– Слишком продовольственная фамилия, чтобы ты плохо у нас работал. Жду замечательных результатов, Корчик.

– Какой Корчик? – удивился тот.

– Корчик – это ты, – разъяснила она. – Таков порядок. В пределах офиса все наши работники имеют собственные клички.

– А зачем? – недоумевая, уточнил Окорчков.

– Когда кого-то называешь иначе, то он и становится другим. Логика. За Окорочковым вся его жизнь будет волочиться по этажам фирмы. Нам такое не нужно. А Корчик только наш. Пахать он будет эффективнее. Уяснил?

– Ага, – неохотно согласился новоиспеченный Корчик.

Шавина отчетливо посмотрела в сторону Евгения. Тот, не совсем понимая, что происходит, отложил на стол

мокрое полотенце. На лбу у него сияла черная шишка. Ксения Сергеевна хитро прищурилась и спросила у него:

– Как зовут, тебя?

– Евгений, – грустно ответил он.

Министр стукнула кулаком по столу, от чего бывший бомж принял сидячую стойку смирно.

– Полностью! – оранула на него она.

– Евгений Александрович Жбанов, – рапортовал он.

– Потому и по мусорникам лазил, логика, – надменно заключила Ксения Сергеевна.

Евгений сник, глянул украдкой на Корчика, ему стало стыдно за свое прошлое.

– Короче, Жан, не вешай нос, – подбодрила она.

– Моя кличка – Жан? – негромко спросил он.

– Жан, – огрызнулась она и добавила. – И я тебя пришибу, если еще попытаешься на работе отыгрываться!

– В каком смысле? – жалобно простонал тот.

Внезапно с тумбочки упала хрустальная ваза и разбилась вдребезги. Все посмотрели на нее.

Министр шепотом констатировала случившееся:

– Вот в этом, – и прикрикнула на Жана. – А то ты не в курсе! Шлангом прикинулся. За что бы тебя еще прислали сюда. Не смей мне больше в стенах учреждения на кого-либо обижаться! Понял?!

– Хорошо, – услужливо согласился Евгений.

– А что мы будем у вас делать? – поинтересовался у начальницы Корчик.

– Работаете в паре. Ты, – ответила она ему, – заходишь в магазин или еще куда пошлют. Наезжаешь там на кого-нибудь, они тебя оскорбляют, Жан находится в сторонке, он все видит и слышит, активно обижается, и у них начинается переполох, типа этой вазы и папок в приемной. Короче, от сего дня вы агенты-мстители. Документы оформите у секретаря. Свободны.

– Интересно, – покачал головой Корчик и боязливо посмотрел на Евгения.

– А почему вы нас на ты величаете? – задал вопрос Жан, как можно ласковее улыбаясь министру.

– Таковы правила, – непоколебимо ответила та. – У нас, привыкайте, шеф любого ранга всегда разговаривает с подчиненными на ты. Так проще управлять.

– А они как? – неунимался тот.

– Обращение к начальнику только на вы! – отрезала она.

Так Евгений и Виктор, спустя полчаса, как написали заявления о приеме на работу и сдали их референту министра, стали официальными сотрудниками Института народных министров. На них скоропалительно обрушились головокружительные многочасовые инструкции, которые им пришлось томительно выслушивать в небольшой аудитории. Под конец рабочего дня они почти успели подружиться.

– А ты как сюда попал? – спросил Евгений у Виктора, когда они устало плелись по длинному коридору к выходу на улицу.

– Живу себе в деревне, – рассказал тот. – Приснился сон. Да такой реальный, что не поверить было невозможно. В этом сне меня убедил, этот...

– Спасов, – напомнил Жан.

– Ну, да, он. Убедил, что мне, дескать, нужно приехать в город на собрание.

– А чего ты сегодня приперся, мог бы отвильнуть и не приезжать больше, – безнадежно махнул на него рукой Евгений и пожаловался. – Это у меня не было выбора, голос бы задолбал.

– Я думал об этом. Но вчера снова приснился такой сон, что я от него сам сбежал из дома. Даже не выспался толком.

– Да, уж... – посочувствовал ему Жан, – они, умеют обрабатывать.

– Уж, да, – тяжело вздохнул Корчик и сделал вывод. – Надо нам быть более бдительными наперед. Во всем есть шутка правды.

Супермаркет

Жан и Корчик получили лично от министра Шавиной первое задание посетить некий супермаркет, в котором были старые и плохо работающие холодильные установки в мясном отделе, из-за которых, покупатели часто страдали отравлениями. Это оборудование требовалось полностью вывести из строя, чтобы у администрации не было иного выбора, кроме как заменить его на новое.

Когда Евгений, одетый в темно-синий костюм, в белой рубашке и при галстуке и все в тех же ухоженных туфлях, встретился со своим напарником недалеко от объекта, то он был весьма ошарашен внешним видом Окорочкова.

– Ты выглядишь так, – сказал он, окидывая товарища взглядом с ног до головы и пренебрежительно морщась, – словно бомж, стащивший чистый зеленый пиджак с манекена в каком-нибудь магазине и одевший его поверх замусоленных штанов, в которых ежедневно лазит по мусорникам, к чему ты так вырядился?

– Чтобы вызывать побольше раздражения, – широко улыбаясь, ответил тот, потом шутливо пояснил: – Аа-ля под тебя бывшего!

Жан тут же обиделся на него, и у Виктора резко немного треснули штаны по швам.

– Да ты офигел! – оранул на него он и пригрозил крестьянским кулаком, близко подсунул его к лицу своего напарника и гневно сказал. – Я это сделаю тихо, чтоб никто не видел, у тебя треснет под носом!

Жан ничего не ответил, а только печально посмотрел в его глаза, и у того штаны начали рваться еще дальше.

Корчик прислушиваясь к брюкам, заговорил вежливо:

– Все. Убедил. Я тебя люблю. Будем считать, что это была репетиция, – и ласково попросил. – Пожалуйста, идем в шоп.

На входе в магазин охранник придрался к Виктору.

– В таких штанах не положено, – высказался он, преградил дорогу и насмешливо огрызнулся. – Что, пиджак где-то спер, теперь колбаски захотелось?

– Да ты что, мужик! – как ни в чем не бывало возразил ему Корчик и пояснил – Я работаю маляром.

– Жбаны, что ль, красишь? – ухмыльнулся тот и жестом отодвинул никчемного посетителя в сторону, чтобы не мешал проходить нормальным людям.

Жан посмотрел на него укоризненно. Тут же какая-то пухленькая женщина споткнулась о тряпку и попыталась опереться на блюстителя порядка, чтобы не упасть. У нее это получилось, она удержалась за него. Но совершенно случайно она нажала кнопку электрошокера, висевшего у того на поясе. Раздался продолжительный треск и охранник рухнул без сознания на пол, а женщина на него. Начался переполох. В это время Корчик и Жан беспрепятственно очутились внутри супермаркета, который оказался огромным. Они осмотрелись. Повсюду роились покупатели, которые монотонно и хаотично обходили друг друга, и со стороны, казалось что они загипнотизированы.

– С тобой не пропадешь, – поблагодарил напарник Евгения и одобрительно похлопал его по плечу.

Жан едва улыбнулся и конспиративным шепотом приказал ему:

– Идем работать.

Надо сказать, что Евгений обладал способностями генерировать энергию обиды так, что она материализовывалась практически мгновенно во всевозможные формы наказания. Другими словами, он мог строить результаты анафемы в реальном времени, ибо правильно порожденная и верно сконцентрированная в пространстве обида есть не что иное, как состояние проклятия. В приобретении этого навыка ему способствовала судьба, а не каприз природы.

Вначале он был обычным человеком. Жил, как и все, проявлял доброту или злился, страдал или радовался. Но учеба в духовной семинарии помогла ему постичь душу, всевозможные оттенки положительных или отрицательных переживаний. Потом же, когда случилось его бомжевание, в эти сложные для него времена он почти совершенно отрешился от мира и приноровился видеть себя как некую исключительную данность от других людей, а значит, отделился от своих чувств так, что мог, как музыкант, исполнять ими мелодии возмездия. Параллельно у него

развился навык находиться в эпицентре какого-то эпизода жизни и видеть себя со стороны, а также одновременно являться безразличным наблюдателем относительно всех людей этого события.

Да, Евгений обладал оружием, но не был исключением из правил о развитии. Его возможности доступны любому человеку. Их можно заполучить не только через определенные сложности жизни, но и путем специальных тренировок, о которых, к счастью, мало кто знает.

Через несколько минут агенты-мстители, наконец, отыскали нужное место, подошли к витринам с колбасными нарезками.

Окорочков с серьезным видом, будто он ищет какой-то нужный товар, принялся рыться среди всевозможных пакетов, которые часто падали на пол, но он их не поднимал. Это заметил молодой человек, упакованный в темно-коричневый комбинезон, работник магазина, который брезгливо подошел к Виктору и сделал ему жесткое замечание:

– Немедленно прекратите тут все разбрасывать!

– Самообслуживание! – ядовито отозвался тот и еще активнее продолжил свои изыскания, стал нарочно скидывать товары со стеллажей. – Плохо уложены, не подступиться, – любезно обернувшись к продавцу, объяснил он свои действия, потом поднял с пола одну из упаковок, показательно вытер ее о свои перепачканные брюки и демонстративно вернул на полку.

– Вот. Поднял, – оправдался он.

– Я сейчас тебе устрою, оборванец! – неистово прошипел продавец и начал вызывать по рации охрану.

– Ты обиделся? – негромко окликнул Жана Виктор.

Тот отрицательно покачал ему в ответ головой. Тогда Корчик забеспокоился, суетливо соображая, что ему делать дальше. Через несколько секунд к нему подбежали двое плечистых и рослых парней, одетых во все черное, они крепко схватили его за локти.

– Вышвырните его отсюда вон! – вскрикнул пискляво продавец и рукой хотел было показать в сторону выхода из супермаркета, как неожиданно, это бывает у многих при разрядке статического электричества, из его указательного

пальца выскочила искра, которая мгновенно вонзилась в какой-то металлический шкаф, от чего мощный фонарь, освещающий мясной отдел сверху, заморгал и погас. И тут же замигали все осветительные приборы по всему потолку магазина и тоже отключились. Окон в супермаркете не было, воцарилась тьма.

Охранники отстегнули фонарики от своих поясов и включили их. Они продолжали удерживать нарушителя за руки.

Предчувствуя свою участь, мститель в зеленом пиджаке жалобно обвинил своего напарника:

– Видимо, он хреново обиделся!

Охранники, ничего не понимая, дурковато переглянулись. Евгений стоял поодаль от этой сцены и сосредоточенно чего-то ожидал. И вот, продавец почувствовал неладное, ему показалось, что откуда-то тянет гарью.

– Кажется, дымом пахнет, – настороженно сказал он охранникам и внимательно принюхался. – Так и есть, – убедился он, машинально глянул на шкаф и увидел, что в нем, во всю бушует огонь. – Нож-жар! – скоропалительно отреагировал он.

Охранники кинулись за огнетушителями. Агенты-мстители незаметно нырнули в темноту и вскоре оказались на улице.

– Ну, кто вас просил сжигать все оборудование в супермаркете? – отчитывала их Ксения Сергеевна в своем кабинете, когда те пришли к ней с отчетом о проделанной работе. – Учитесь работать точечно! – потребовала она.

– Да это вот он, тормоз! – попытался оправдываться Корчик и, указав поворотом головы на Жана, съязвил. – Ему нужно аккумулятор в башке ампутировать, а то в нем обида копится, а потом шарахает.

На нем сейчас были надеты новые штаны. Неожиданно они стали потрескивать.

– Что это? – прислушалась Шавина и глянула на брюки Виктора, на его расползающуюся на ширинке молнию.

Окорочков безысходно посмотрел на Евгения, широко ему улыбнулся и нежно сказал:

– Я тебя люблю!

– Кого? – озадачилась министр, не отрывая взгляда от распахнувшейся ширинки.

Изгибы логики

На Планете, в доме, похожем на две состыкованные вершинами огромные пирамиды, в своем рабочем кабинете, в мягком серебристом кресле, у квадратного стола из белого мрамора, сидел Остап Моисеевич и задумчиво смотрел в открытое настежь окно. Перед ним лежала густо исчерченная бумага, на которой, вперемешку с многочисленными пунктирами, извивались и переплетались какие-то разноцветные линии. По левую руку от Остапа находилась целая стопка подобных листов.

В помещении было скрытое нежное освещение. На потолке, больше для декора, красовалась шаровидная люстра, напоминающая рой из оранжевых звездочек. Словно резная, входная дверь из непрозрачного стекла мягкими переливами отражала изумрудный пол. По одну ее сторону, во всю стену, располагались многочисленные ниши со скульптурными головами великих мыслителей Земли.

Но вот на поверхности этой двери стал выпукло проявляться силуэт человека. Магистр тут же среагировал, переметнул свой взгляд в сторону вторжения. Через пару секунд в кабинет выплыл секретарь Мистерий Златович Кузявский и быстро завертел головою по сторонам. Остап недовольно покачал головой и сплющил губы.

– Что ты лезешь, как привидение! – возмутился он. Материализуй астральное тело в физическое и ходи как человек!

– Остап Моисеевич! – забеспокоился секретарь. – Я бы и рад, но вдруг, когда домой возвращаться, вовремя не смогу обратно, из предметного в астральное.

– Перестраховщик! – хохотнул Остап. – Ладно, иди садись пока.

Спасибо, – поблагодарил Мистерий Златович и переместился к дивану, несколько раз попытался на него умоститься, но тщетно, его попа проваливалась к полу и глубже.

Магистр наблюдал замысловатые приседания секретаря, потом весело рассмеялся и прикрикнул на него:

– Ты хоть свою задницу материализуй!

– Можно, я просто повишу здесь? – попросил секретарь.

– Жесть! – сказал Остап и прихлопнул в ладоши. – Все, Кузя.

Секретарь понял, что произошло, он тут же ощупал свою попу и взмолился:

– Остап Моисеевич! Она же теперь твердая!

– Могу размягчить! – насупил брови Остап.

– Ну, пожалуйста, может, я так... – умолял Кузявский.

– Садись, тебе говорят! – строго приказал Магистр. – И не мешай!

Мистерий Златович погрустнел, снова потрогал свои зад и медленно опустил его на диван.

Магистр отложил готовый листок в сторону, полез в тумбочку, вытащил оттуда еще один, чистый, и толстым фломастером принялся укладывать на него новый замысловатый рисунок.

С минуту Кузявский молящими глазами следил за ним и волновался, шевелил губами, словно подбирал про себя нужные слова, наконец, негромко проговорил:

– Остап Моисеевич.

– Чего тебе? – не отрываясь от дела, сосредоточенно отозвался тот.

– Извиняюсь. Вы... не забудете обратно дематериализовать это место? – немного приподнявшись, похлопал себя по попе секретарь.

– Не забуду, – ехидно ответил Остап, продолжая работать.

Прошло несколько минут. Мистерий Златович начал ерзать на диване и опять обратился к Магистру:

– Извиняюсь, Остап Моисеевич.

– Да, – буркнул себе под нос тот и устало посмотрел на секретаря.

– У вас листочек упал, – заботливо подсказал Кузявский. – Возле вашего кресла лежит.

– Глазастый! – усмехнулся Остап, нагнулся, поднял с пола бумажку и положил ее в стопку.

– Он весь исчерканный, для чего это, Остап Моисеевич? – поинтересовался секретарь.

– А ты любопытный! – серьезно посмотрел на него тот. – Здесь, – он положил руку ладонью на стопку листков, –

логика всех событий нашего института на следующую неделю, – подумал секунду и сказал: – значит, так, Кузя...

– Да, Остап Моисеевич, – деловито отреагировал тот.

Магистр распорядился:

– Иди-ка, ты... на первый этаж, в зал Построений. И жди меня там!

– Понял! – обрадовался секретарь и проплыл от дивана к двери.

– Кузя! – окликнул его Остап.

– Да, Остап Моисеевич! – остановился он.

– Запомни, – предупредил Магистр, – кто хоть раз побывал на этой Планете, тот живет счастливо либо недолго!

– Ясно, – испуганно согласился Мистерий Златович, посмотрел на ниши со скульптурными головами и спросил. – Извиняюсь, а это те, кто жил недолго?

– Это мыслители. Дубина! – улыбнулся Остап.

– А-а, – задумался секретарь.

Магистр углубился в чертеж. Кузявский приблизился к двери и решил незаметно сквозь нее просочиться. У него бы все получилось. Но материализованная попа застряла! Он стал ею крутить туда-сюда, подергивать из стороны в сторону. Попа, поскрипывая, словно танцевала живым барельефом на стекле.

Остап кинул грозный взгляд на эти выкрутасы.

– Кузя! – оранул он, – всю дверь испоганил своим задом! Немедленно влезь обратно!

Секретарь покорно вернулся в помещение и повинно опустил голову. Магистр хлопнул в ладоши. Кузявский оживился, потрогал свой зад, убедился, что он опять астральный, а не предметный, и шустро выпорхнул из кабинета.

Внутренний голос

После ухода секретаря Остап поработал еще какое-то время, потом развалился в кресле, закрыл глаза и отключился. Через пару минут оживился и тихо спросил:

– Собой, ты тут?

– Странный вопрос, – ответил его внутренний голос.

– Вчера я тебя не дозвался, – пожаловался Магистр.

– Потому что устал и не смог поговорить даже сам с собой, – непринужденно пояснил голос.

– Возможно, – не стал возражать Остап и задал вопрос. – Меня интересует Сергей Истина. По моим сведениям, на него уже вышел его Созерцатель. Это так?

– Жучок в Екатерину установил, – усмехнулся Собой. – Несолидно.

– Какая разница. А в общем, да. Узнал через него. Так что ты скажешь насчет Истины? – настаивал Магистр.

– А я ничего не ведаю об этом, – лениво зевнул голос.

– Про Жучок и Екатерину тебе известно, а про Сергея молчишь! – возмутился Остап.

– Жучок – это твои дела. А действия Истины не твои. Откуда мне знать. Я твой голос, а не Сергея, – оправдался Собой.

– Все тебе известно. Врешь! – обозлился Магистр.

– Внутренний голос никогда не врет, – обиделся тот.

– Ты же челнок, на всех один, я знаю. Посредник. Ты во всем и во всех от Него. Только прикидываешься для каждого человека единственным и личным, – обвинил Остап.

– Зря стараешься, – спокойно отреагировал голос. – Мне по барабану, о чем с тобой разговаривать.

– Лады. А мой Созерцатель когда выйдет на меня? – поменял тему Магистр.

– Если Он на тебя выйдет, ты об этом все равно не узнаешь. Сам себе жучок не поставишь, – съязвил Собой.

– Какой ты благородный! – удивился Остап.

– Я против жучков! – парировал тот. – Они утяжеляют карму. Но ты же меня все равно не послушаешь.

– Проехали, – подытожил Магистр и задал новый вопрос. – Я все верно сделал в чертежах Построений на следующую неделю?

– Да. Только в тридцать втором листке есть ошибка. Синяя линия внизу не должна переходить в двенадцать пунктиров, а только в шесть, – подсказал голос.

Зал Построений

В синем комбинезоне и в зеленых тапочках, с папкой под мышкой, Магистр деловой походкой зашел в зал Построений. Секретарь тут же искренне засуетился вокруг него.

– Кузя, не мельтеши, нужна чистота эмоций! – отогнал его в сторону Остап и пригрозил: – Если во время работы проявишь чувства, будешь жить недолго!

Мистерий Златович успокоился, но все-таки его так и подмывало снова повертеться возле. Видимо, огромное помещение вызывало в нем легкую эйфорию, а также и стремление к беспорядочным действиям. Стены, пол и даже бесконечный потолок на тридцатиметровой высоте – все здесь было синим.

– Ты еще не посинел тут, пока меня дожидался? – спросил мимоходом Остап, доставая из расшнурованной папки первый чертеж.

Секретарь обрадовался, что о нем вспомнили, воспринял обращение к нему Магистра как возможность опять оказаться рядом с ним, что он и сделал, не раздумывая, и заговорил:

– Остап Моисеевич. Здесь так чисто, ни пылинки, плюнешь и видно будет!

– Я тебе плюну! – возмутился тот, положил папку на пол и стал рассматривать рисунок.

– Это я так, иносказательно! – оправдался Мистерий Златович. – Остап Моисеевич, а что мне делать? – поинтересовался он.

Тот указал рукой в сторону места для помощника и приказал:

– Переместись в тот угол и замри!

– Далеко от вас буду, – оглянувшись, рассудил Кузя. – Вдруг, как чего не так пойму. Может, поближе?

– Я что тебе сказал! – прикрикнул Остап.

– Извините, я уже там! – сориентировался Кузявский и мгновенно унесся в обозначенный угол.

Магистр, удерживая листок в левой руке, ладонью правой начал плавно водить над ним. Через несколько секунд все линии и пунктиры словно ожили, засветились и стали извиваться. Сорвались с поверхности бумаги, обесцветились и скоро завертелись по часовой стрелке серебристым шаром возле ладони, будто на магните. Остап медленно нагнулся и отложил теперь уже чистую бумагу на папку, лежащую на полу. Затем двумя руками, не дотрагиваясь до энергетического мячика, он крепко ухватил его, размахнулся и резко швырнул в сторону секретаря.

– Де-ер-жи! - громогласно оранул он Кузявскому.

Тот по-вратарски подпрыгнул повыше, на лету поймал шар и опустился в исходную позицию. Тут же из его рук фейерверком выстрелила паутина серебристых нитей. Они быстро разлетелись в разные стороны и высоко зависли во всю длину и ширину зала Построений. Кузявский едва успел сообразить, уцепился за кончик этой энергии.

– Дер-жи креп-ко! – оранул Остап.

– Дер-жу-у! – эхообразно отозвался Кузя, выпучив глаза.

Магистр взлетел к потолку прямо в предметном теле, опустился к серебристой сети. Стал манипулировать ее изгибами линий. Какие-то из них он перемещал на другие места, другие сгорали без дыма, что-то выравнивал, а где-то надламывал. Лавировал в гуще этого серебристого хаоса, наводя порядок. Секретарь даже не смотрел на него, ему было страшно упустить кончик нити. Он пыжился – как мог.

Наконец Остап опустился обратно, к папке. На ней оставался лежать чистый листок. Он взял его в руки и высоко поднял над головой. Мгновенно все серебристый нити будто разумно покосились на бумагу и организованно устремились к ней.

– Бро-са-ай! – выкрикнул Остап секретарю.

– Бро-сил! – откликнулся тот.

В этот же момент вся паутина линий бесшумным вихрем компактно улеглась на листок, который даже немного прогнулся под тяжестью. Магистр опустил его, посмотрел на свое деяние, улыбнулся. Через некоторое время Остап вытащил из папки следующий чертеж. А Кузявский уже был тут как тут, под рукой, и затараторил:

– Остап Моисеевич! Офигеть! Такой масштаб! Мороз по коже! Борода Бога – не иначе, а вы ее подстригли! – пошутил он.

– Ты что эмоционируешь! – разозлился Магистр. Я же предупредил.

– Остап Моисеевич! Ни-ни! Сейчас же перерыв! Там я был, как велено! – заволновался Мистерий Златович.

Остап рассматривал рисунок, не обращая внимания на Кузявского.

– Остап Моисеевич!

– Что? – не выдержал тот и на секунду упруго глянул на секретаря.

– А потом, с этими постройками, на Земле, куда и как? – по-хозяйски спросил Кузя.

– Это не твоя забота! – огрызнулся Магистр, опустил взгляд и продолжил изучать рисунок.

– Я мог бы помочь, – извинительно попросился секретарь.

Остап снова перевел на него взгляд, но на этот раз внушительно прищурил глаза и строго сказал:

– Ты хочешь жить недолго?!

– Понял! Мне обратно в угол? – насторожился Мистерий Златович.

– Да! – прошипел Магистр.

Планета

После долгой работы в зале Построений Магистр и его секретарь отдыхали в кабинете. Остап вольготно расслаблялся в кресле. Мистерий Златович скромно сидел на диване, опять на материализованной попе. Он потирал побелевшие пальцы и молча бросал исподлобья короткие взгляды на своего мучителя.

– Устал? – ехидно спросил у него Остап.

– Ага, – натружено ответил тот.

– А как я вырубился, ты даже себе не представляешь! – улыбнулся Магистр. – Это тебе не просто ниточку держать. Пахать нужно!

– Я всегда готов помогать, Остап Моисеевич! – подтянулся в корпусе и преданно сверкнул глазами Кузявский.

– Помощничек, – махнул на него рукой Остап.

– А что это за Планета? – неожиданно даже для самого себя спросил секретарь и немного ужался от собственной наглости.

– Особая и единственная, – подчеркнул Магистр и ладонью прихлопнул по столу, от чего Мистерия Златовича передернуло.

– Интересно, – замер в ожидании подробностей он.

Остап выдержал многозначительную паузу и сказал:

– Понимаешь, Кузя. У каждого человека есть свой Созерцатель. Религии думают, что Бог один, а на самом деле Богов столько, сколько людей на Земле.

– А какому молиться тогда? – задумался секретарь.

Остап рассмеялся.

– Своему, – утвердительно сказал он.

– А вашему можно? – заискивающе определялся Кузявский.

– Поклоняться вообще не надо, – отрезал Магистр.

– А как же тогда? – недоумевал тот.

– Созерцатель – это и есть ты, – удивил Кузю Остап.

Тот уставился на него умными глазами и по-шпионски спросил:

– Остап Моисеевич!.. Я... Бог?

– Божок, – снова рассмеялся Магистр и принялся пояснять. – Слушай и запоминай, как оно есть, – секретарь в знак полного внимания кивнул головой. – Когда ты задаешь себе вопросы, любые, хотя бы дурацкие, – Остап, посмотрел на Кузю, и тот заерзал задницей по дивану, – ответы на них, – продолжил Магистр, – автоматически уже знает твой Созерцатель. Это раз. Второе. До того, как ты задал себе вопрос, ответ на него не знал даже твой Бог. Так ты развиваешь его через новые вопросы. Это прописано в формулах, типа, «Не воссоздай себе кумира....».

– Хорошо устроился, – нашелся Кузя.

– Кто? – подозрительно спросил Остап.

– Созерцатель, – обиженно ответил Мистерий Златович. – А я-то думаю, почему никак не могу найти нормальный ответ хотя бы на один свой вопрос! – возмутился он и договорил. – Оказывается, все ответы этот жлоб при себе держит!

– Кузя, просто у тебя вопросы всегда разбегаются в разные стороны, вот и гоняешься за всеми зайцами сразу! А вообще, вначале дослушай, а потом делай вывод! – хохотнул Магистр – Созерцатель вопросы не «держит», как ты, местечково подумал, а тебя же, дубина, в соответствии с логикой и смыслом твоих вопросов, ведет к правильным ответам. События все так выстраивает, чтобы ты нашел ответы сам – это и называют кармой.

– Понятно, – размышлял Кузявский. – Я сам программирую свою жизнь. Надо срочно учиться не задавать себе идиотских вопросов, чтобы не оказаться за решеткой или в психушке, или еще где похуже.

– Умница, – похвалил Остап. – Корыстная твоя душонка. Быстро сообразил, что к чему.

– Остап Моисеевич! А как взаимосвязаны Созерцатель и Планета?

– Каждый живущий на Земле, и ты, Кузя, тоже, отражен здесь в лице собственного Созерцателя.

– Вы хотите сказать, что это Планета Богов?

– Так и есть, – подтвердил догадку Магистр и активно заговорил далее. – Правда..., разные глупыши и недотепы обзывают ее космическим разумом, информационным полем,

Верхом от Низа и всякой другой ересью, кто на что горазд. – Остап подумал пару секунд. – Тут идет борьба Созерцателей. Они соревнуются друг с другом за место на троне. Кто станет Императором на Планете, одновременно будет Императором на Земле. Сейчас лидируют с беспрецедентным отрывом от всех остальных два Созерцателя, мой и Сергея Истины.

– Императором будете вы! Не сомневаюсь! – восторженно перебил Магистра Кузявский – секунду подумал и спросил: – А два Императора, они потом тоже будут сражаться?

– Точно, дубина... – хохотнул Остап. – Дослушай же ты, хоть раз до конца, а потом умозаключайся!

– Извините, Остап Моисеевич! – испытывая неловкость, пожал плечами секретарь. – Я поторопился.

– Кстати, – объявил Магистр, – открою тебе тайну. На сегодня Созерцатель Истины уже вышел на Сергея и на шаг впереди.

– Догоним и перегоним еще! – подлизался Мистерий Златович.

– Обязательно! – согласился Остап и объяснил. – Император будет один, а не два. – Магистр выдержал мягкую паузу. – Каждый раз, когда я узнаю очередной ответ на свой какой-то вопрос, я и мой Созерцатель сливаемся в Целое. Когда я отвечу на все вопросы, мы станем с ним одним лицом.

– Браво! – воскликнул Кузя.

– Это потом, – было, немного засмущался Остап, но поменял гримасу на деловую. – Всему свое время, – внушительно сказал он.

– Остап Моисеевич! Почему на Планете ни души? Безлюдные улицы. Аж не по себе немного.

– Время такое. Никто не управляет, – ответил тот. – Чтобы на Земле не наступил катаклизм, все приумолкли.

– Откуда вы все это знаете, Остап Моисеевич?

– Это целая история, – глубоко вздохнул Магистр.

– Расскажите, пожалуйста, – попросил секретарь.

Остап помолчал некоторое время, собираясь с мыслями, и заговорил:

– Однажды мне приснился необычный сон. Все, что тебе я сегодня преподал и гораздо больше еще, я узнал из него.

Вначале я подумал, что сон ерундовый, и старался забыть о нем. Тогда я работал начальником отделения милиции и по-другому относиться ко всему подобному не мог. Шло время. По ходу жизни мой сон стал все чаще подтверждаться в повседневной реальности. Так, я научился выходить в Астрал, внедряться в сны разных людей, воздействовать и, в конечном итоге, поднялся по карьерной лестнице, занял тогда пост первого секретаря горкома партии.

Вокруг меня сформировалась группа заинтересованных лиц, прежний состав астральной команды. Дальше – больше. Не буду вдаваться в подробности, как именно я получил информацию, но мне потребовалось разыскать некоего Сергея Истину. Я нашел его и, понимая, что он мой будущий конкурент, заблокировал его в летаргии, чтобы не мешал. Но оказалось, Сергей только стал сильнее, научился многому и окреп в заточении. Сейчас он вернулся. Ну, а дальше ты знаешь.

– Да уж, – оживился Мистерий Златович. – А нельзя было его просто прикончить?

– Кузя, ты не въезжаешь! Чтобы стать Императором, требуется у кого-то выиграть первое место.

– Как все сложно, – огорчился секретарь.

– Теперь понимаешь, почему кто хоть раз побывал на этой Планете, живет счастливо либо недолго? – серьезно подытожил Остап.

Мистерий Златович молча подкивнул головой.

На задании

По распоряжению Магистра, его приспешники Кара и Мара прибыли в город Р... Им нужно было уничтожить бывшего члена астральной шайки, Купсика, который теперь скрывался в психиатрической больнице в физическом теле кооператорщика Гриши. Они остановились в элитной гостинице, в номере бизнес-класса, и стали готовиться к осуществлению плана.

Немного закрытая штора на окне, словно надрезанная солнцем, и хорошо оплаченная прохлада располагали к рабочему настроению.

Мара, Геннадий Маринович, молодой и худощавый, похожий на Гоголя, лежал нога за ногу на своей кровати. На нем был шелковый разноцветный халат. Он только что подстриг ногти на руках, неторопливо обтачивал их модной стеклянной пилкой.

Одетый в пижаму, Кара, Влад Кармовский, мужичок за полтинник, невысокого роста и широкоплечий, похожий на краба, сидел на стуле возле тумбочки и что-то сосредоточенно рисовал на листке бумаги.

– Купсик там не оди-ин, какая-то ба-аба плюс, – сказал Мара, растопыривая пальцы, и гордо рассматривал свою работу со всех сторон.

– Ну, и что? – не отрываясь от дела, весело отозвался Кара. – Нам же лучше, прикончим его, и тело не сдохнет!

– Слушай, – продолжая любоваться ногтями, предложил Геннадий, – а давай потом тройку дней на местном пляже поваляемся. Юг все-таки, девочки, а?

– А то как же, обязательно, так и сделаем! – согласился Влад. – Остап Моисеевич нам даже спецлежанки пришлет, могильные носилки!

– Ты всегда скажешь какую-нибудь гадость! – расстроился Маринович. – Ну, надо же! – неожиданно выкрикнул он.

– Что?! – настороженно глянул в сторону Мары Кармовский.

– Блин! – огорчился Маринович. – Один ноготь пропустил, даже не подстриг!

– Гена! – возмутился Кара. – Не загружай своими ногтями!

– А ты своими схемами, – съязвил Мара.

– Зря ты так, – обиделся Влад. – Они не раз выручали, – он отвернулся от напарника.

Какое-то время они молчали, продолжая заниматься каждый своим. Наконец, Маринович завершил занятие маникюром. Кармовский отложил ручку в сторону, демонстративно подчеркивая, что у него все готово, но на друга не смотрел. Геннадий заговорил первым:

– Ладно, хватит дуться! Что ты там придумал?

Влад неодобрительно покачал головой в сторону напарника, но все же начал деловито объясняться:

– Купсик лежит в психушке. Так?

– Я это знаю! – раздраженно оранул Мара – Ты можешь с главного начать!

– Не хочешь слушать, твоя проблема! – снова обиделся Кармовский.

Прошло несколько минут. Кара, делая вид, что изучает схему, нарочито не обращал никакого внимания на друга, который пристально наблюдал за ним, соображая, как быть.

– Хорошо! Извини, – нашелся он, – продолжай свой расклад!

Но Кармовский не отозвался.

– Послушай, хихикнутый! – агрессивно затараторил Геннадий. – А помнишь, через каждое слово ты постоянно гундосил «хи» через нос, забыл уже, да?! Я тебя, между прочим, вылечил.

– Спасибо, дорогой! – вспомнился Кара. – А я тебя сколько перед Остапом выгораживал и закрывал, забыл уже?

– Помню, – почесал затылок тот.

– Все. Проехали, – отрезал Кармовский.

– Да. Давай дальше, – согласился Мара.

Влад деловито оживился.

– Купсик лежит в психушке, – сказал он и выдержал паузу, глянул на обидчика, убедился, что тот готов его слушать далее, продолжил. – Так вот, Купсик лежит в психушке. – Мара тяжело вздохнул. – Проблема состоит в том, что днем нам не удастся подобраться к нему.

– Почему? – уточнил напарник.

– Сознание больных бодрствует, – ехидно ответил он.

– И что? – тупо уставился на него Маринович.

– Да ничего! Жертва сплетется, чувствами с эмоциональным хаосом и вырвать ее астральное тело с такими корнями не представляется возможным. Разве что, со всеми психами, оптом. На это у нас даже сил не хватит. А если бы и так, то случай вошел бы в книгу рекордов, когда весь дурдом вымер одновременно.

– Понятно. Как быть? – обеспокоился Мара.

– Остается ночь, – любезно улыбаясь ему, определился Кара. – Но и тут не прорваться!

– Гмм... – озадачился Геннадий.

– Чтобы больные спали, – пояснил он, – им дают сильное снотворное, которое удерживает сущность в астральном теле, как якорь.

– Купсик не дурак, все продумал, не подкопаться! – погрустнел Маринович.

– Ты можешь влезть в медсестру, – предложил Кармовский.

– Зачем? – удивился Мара.

– Сделаешь ему какой-нить смертельный укол.

– Ты что?! – тот подскочил на кровати. – Хочешь, чтобы это была наша последняя операция, да?! Остап Моисеевич ясно предупредил: «Приехать физически, а убить астрально!».

– Не дергайся! Я разбираю все варианты, в том числе и неприемлемые, – успокоил его напарник. – Так вот, ты влезешь в медсестру, – Маринович бросил нервный взгляд на Кару, – и не дашь Купсику успокоительное лекарство. А я его прикончу!

– Ну, опять, все заслуги тебе! Почему ты, а не я? – обозлился Геннадий.

– Кто из нас теоретик? Я! А кто практик? Ты! – попытался отгородиться от объяснений Кара.

– Это не ответ! – ехидно сказал Мара.

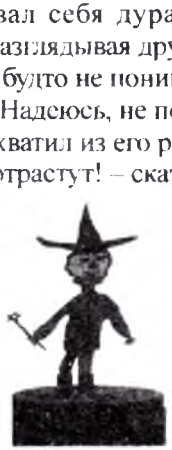
– Хорошо. Потому что влезть в чужое тело не каждый сможет, а выдернуть астральное – любой дурак! – подытожил Кармовский.

– Неужели ты назвал себя дураком? – недоверчиво прищурился напарник, разглядывая друга.

– Изучи до вечера, – будто не понимая, о чем речь, сказал тот и подал ему схему. – Надеюсь, не порвешь, ногтей нет!

Геннадий гневно выхватил из его руки листок.

– Не волнуйся, еще отрастут! – сказал он.

ЧАСТЬ VII. СИЛА ИСТИНЫ

Возвратный удар

Я и Лара проявились в номере гостиницы, где Маринович и Кармовский, по заданию Остапа, готовились к выходу в Астрал, чтобы убить Купсика. Я заблокировал их возможность ощутить наше присутствие. По моему плану, Екатерина Васильевна в это же время, в форме своего тонкого тела, находилась в психиатрической клинике, в палате, где содержался кооператорщик.

Мара и Кара делали последние приготовления. Из нашего укрытия их физические голоса не слышались, но понимались за счет энергетических оболочек, которые всегда сопровождают каждый звук на Земле.

Приспешники Магистра сидели на кроватях.

– Ну, что, пора, – обратился Влад к своему напарнику Геннадию. – Пока то да се, лучше пораньше туда.

– Не возражаю, – отозвался тот и пошутил: – Все мужики, как мужики, в бабу только передней частью влазят, а мне сегодня в медсестру с головой придется.

– Главное, чтобы голова была на месте, – отреагировал издевкой Кармовский.

– Ты что, прикалываешься? – возмутился Маринович.

– Не заводись, головастик, – дружественно улыбнулся ему тот.

Мара досадно причмокнул языком. Оба легли на свои кровати, руки и ноги по швам.

– Обратила внимание, – спросил я у девушки, – когда они говорят, цветные мельтешения между ними?

– Я раньше не могла такого видеть. А что это? – удивилась она.

– Это смыслы, – ответил я.

– Интересно, – озадачилась Лара.

– В этом мире все бинарно, – пояснил я, – потому и наша физическая речь состоит из двух частей: из прямой и косвенной. Чтобы что-то понять, нам нужно обязательно сопоставить два предмета. Любое сказанное мы воспринимаем дважды: чувствами, которые напрямую связаны с подсознанием, – это косвенная часть речи и мозгами анализируем прямую речь. Далее происходит сравнение косвенного смысла и прямого и выводится окончательное представление о сказанном. Лидирует всегда косвенное, потому что чувства имеют большую скорость и, особенно у развитых людей, определяются первыми.

– Трудно. А можно проще? – задумалась девушка.

– Вот, смотри, – согласился я, – сейчас Мара что-то скажет Каре.

– Я готов, – предупредил Маринович напарника.

– Молодец, – похвалил его тот.

В этот момент я сосредоточился и налету сорвал смысловую оболочку со слова «молодец», заменил ее другим значением, его-то и считал Мара, как косвенное, первым.

– Кто, козел?! – взбешенно вскочил он с кровати и весь напружинился, сжимая кулаки.

Кармовский спокойно открыл глаза, повернул голову в сторону напарника и подозрительно спросил:

– Ты в своем уме?

– Ты назвал меня козлом! – разъяренно прошипел тот. – Щас врежу!

– Прочисть уши! Я сказал, что ты «молодец».

– Не-ет, – настаивал напарник. – Ты обозвался козлом!

– Я не говорил так. Тебе нервы лечить нужно, – обиделся Кара, отвернулся от Геннадия и закрыл глаза.

Мара постоял несколько секунд с кулаками наперевес. Потом опустил руки и вернулся к себе на кровать в прежнюю позу.

– Класс! – обрадовалась Лара. – Я все поняла! А можно, я попробую?

– Не стоит, – остановил я девушку. – Они не дураки. Просекут, что над ними кто-то забавляется.

– Жаль, – огорчилась она.

Пару минут приспешники Магистра глубоко медитировали. Наблюдая за этим процессом, я приготовился

действовать. И вот их астральные тела стали выпупляться из предметных. Молниеносно я выскочил из засады, схватил их обоих и вбросил обратно крест-накрест, спаровал их крестиком.

Физические тела напарников оживились на кроватях. Мару выламывало на мостик – грудь колесом, трясло. У Кары коряво выкрутило руки и ноги, он словно сосал свой язык, который вывалился у него изо рта, пытался втащить его обратно губами.

– Ы-ы! – стонал Маринович.

– Шлё эт...э... пио? – бормотал Кармовский. – Что за фигня!? – наконец, отчетливо произнес он, ему удалось всосать свой язык на место.

– Теоретик ах-хренов! – бессильно злился Маринович, опустился с мостика, но продолжалознобно дрожать.

Неожиданно Влад сильно ударил сам себя кулаком в живот.

– Блин!!! – оранул Геннадий.

– Чего там? – уточнил Кара, выправляя свои ноги.

– Меня кто-то долбанул под дых! – стонал тот.

– Поздравляю! Мы перепутались, – объявил диагноз Мара.

– Как это? – не понял напарник, его отпустила дрожь.

Кармовский внимательно общупывал все свое тело.

– А-а!!! – взвизгнул от боли Маринович.

Кара снисходительно разжал пальцы и печально произнес:

– Да, яйца у меня точно твои.

Эректив

С полчаса Мара и Кара лежали каждый на своей кровати и ощупывали физические тела друг друга на расстоянии. Им удалось запомнить расположение новых ощущений, но не избавиться от них. Вскоре приспешники Остапа могли устойчиво сидеть.

– Слушай, а почему это произошло? – спросил у напарника Мара.

– Одна из двух причин, – рассудительно ответил тот. – Либо над нами кто-то пошутил, что мало вероятно.

Хотя всякое бывает. Либо... Смешивание, как у нас, может произойти, когда.., – он призадумался и развил мысль, – осуществляется спарено параллельный выход в Астрал, объединенный единой целью, а потом одновременное возвращение обратно.

– А что же раньше такого не было? – заострил вопрос Геннадий.

– Ну, знаешь... И баба не всегда залетает, – отмахнулся Влад и поменял тему. – Надо увеличить пространство между нами. Так мы быстрее сможем восстановиться.

– Ага, а если у меня спина зачешется? Я что, буду бежать к тебе за километр и просить, чтобы ты почесал свою, и у меня прошел зуд? Теоретик хренов, – опротестовал Маринович предложение напарника.

– А сотик на что? – не согласился Влад. – Позвонишь мне или я тебе, проблема решена!

Геннадий глубоко вздохнул. Посмотрел недоверчиво на Кару, подумал пару секунд и заявил:

– Лады, я иду в бар!

– Нет уж! – отрезал Кармовский. – В бар пойду я, а ты пока побудь в номере.

– Это с какого перепугу? – обидчиво удивился Мара.

– Ты не сдержанный! Станешь на публике корячиться, из гостиницы выпрут. Да еще упекут в одну палату с Купсиком! – оправдался Кара.

– Хорошо. Я пока ванну приму, – не стал возражать Маринович.

Кармовский спустился этажом ниже в бар. Присел за стойку.

– Добрый вечер, – обратилась к нему девушка-барменша, – что хотите заказать?

– Бутерброд с черной икрой, лимон и стакан минеральной воды, – определился Влад.

– А из горячего что? – уточнила она.

– В каком смысле? – не понял он.

– Спиртное будете?

– Я не пью. – отказался Кара, осмотрелся по сторонам, увидел за столиком две симпатичных женщины. – Горячее сам найду! – подмигнул он барменше.

– Понимаю, – улыбнулась та и начала готовить заказ.

Неожиданно у Кармовского зачесалась спина. «Накаркал, гад!» – злобно подумал он в сторону Мары.

Извиваясь в плечах, как балерина в «Лебедином озере», он быстро достал из кармана ярко-оранжевых шорт сотовый телефон и нервно набрал номер напарника.

– Почеши мне спину. – украдкой прошептал он в трубку, посматривая на барменшу и отвлекая ее внимание любезной физиономией.

Напарник как раз зашел сейчас в ванную комнату.

– Ага, а где? – уточнил он.

– От задницы, чуть повыше, посередине, – пояснил Влад.

Маринович стал чесать себе спину.

– Еще немного выше, – направлял его действия Кармовский.

– Так? – спросил тот.

– Еще выше давай, – агрессивно простонал Кара.

– Я что тебе, акробат? – возмутился Геннадий, – я туда не достану!

– О косяк двери потрись! – прикрикнул на него напарник, стараясь изламываться в плечах в такт музыке, звучащей в баре, чтобы никто не понял, что у него чешется спина.

Барменша посмотрела на него подозрительно.

– Ну, все, что ль? – спросил у напарника Маринович, активно втирая свою спину в косяк двери.

И тут он сделал неосторожное движение – локтем зацепил полку. Она рухнула, всякие бутылочки и мелочи разлетелись по полу.

– Черт побери! – разгневался он и оранул в трубку, – еще чешется?!

– Нет, – коротко ответил ему Кара, отключил связь, положил телефон обратно в карман.

Барменша подала ему заказ. Он взял бутерброд, откусил его, бросил следом в рот кусочек лимона, немного пожевал все это и запил глотком минеральной воды.

– Вкусно? – спросила искоса наблюдавшая за ним барменша.

– Очень! – продолжая пританцовывать в корпусе, теперь он счастливо улыбался.

В это время Маринович решил вызвать в номер горничную, чтобы та прибрала в ванной. Так и сделал. Через минуту пришла молоденькая блондинка в синей пилотке на голове, в короткой, тоже синей, юбочке и в белой кофточке навыпуск с многочисленными серебристыми пуговицами. Она начала наводить порядок. Периодически сильно нагибалась в корпусе к полу, едва сгибая колени. Мара стоял в стороне, скрестив руки на груди. Не отрывал глаз от ее шелковых кружевных трусиков. Они мелькали сзади из-под юбки. Его это возбуждало.

Кармовский, наслаждаясь обстановкой в баре, доел бутерброд, вытер рот и руки салфетками. Глянул в сторону понравившихся ему дам, сидящих за столиком и беседующих о чем-то. Подошел к ним и соблазнительно проговорил:

– Разрешите вас пригласить за стойку.

Он стоял боком, барменша продолжала за ним следить, женщины выскочили из-за столика и быстро направились к выходу из бара.

– Озабоченный! – оглянувшись, крикнула ему одна из них.

Влад недоумевающе пожал плечами и стал возвращаться к стойке на свое место.

– Бывает, – сказал он, приближаясь к барменше.

– У вас... это... – подыскивала она слова, застенчиво тыча указательным пальцем на его шорты.

– Что? – серьезно спросил у нее Кара и приостановился.

– Эрекция, – негромко подсказала ему барменша.

– Какая еще эрекция? – засуетился тот, глянул на свои шорты спереди, его мужское достоинство оттопыривало их сантиметров на двадцать, спохватился, прижал это место двумя руками, бросил взгляд вокруг и по-медвежьи, будто боясь что-то обронить, косолапо просеменил к стойке.

– Спасибо, – торопливо сказал он барменше.

– Бывает, – ухмыльнулась она.

Одной рукой Кармовский удерживал непокорную часть своего тела, другой поспешил извлечь телефон из кармана, кое-как набрал номер напарника.

– Выключи эрекцию! – приглушенно крикнул он в трубку.

– У тебя крыша поехала!? – прошептал тот, убегая в комнату, чтобы его не услышала горничная.

– Выключи, я сказал, немедленно! – снова потребовал Кара.

– А-а! – хлопнул себя по лбу, наконец поняв в чем дело, Мара. – Это я на горничную запал. Щас расслаблюсь, – он стал гладить себя по животу и глубоко дышать и через минуту спросил. – Ну как, отключилась?

– Да. Больше не включай, убью! – пригрозил Влад.

Барменша заинтересованно прислушивалась к телефонному разговору клиента, потом кивнула головой на его шорты и заискивающе спросила:

– А у вас эта штука... радиоуправляемая?

– Да, – испытывая дискомфорт, нашелся тот. – Вчера в ЦУМе купил. Последний писк науки! Эректив.

– Надо же! – воскликнула себе на уме барменша и огорчилась. – Как это я пропустила. И рекламы не было...

Предположение Кармовского подтвердилось. На большем расстоянии его спонтанно перепутанные с Мариновичем ощущения различных частей тела начали приходить в норму. Когда он вернулся в номер и застал Мару с горничной, то он уже мог сам почесать себе спину и управлять собственной эрекцией. Втроем они хорошо провели остаток вечера. Правда, не обошлось и без курьезов. Так, когда Влад целовал девушку, за него это чувствовал Геннадий, и наоборот. Были и другие недоразумения.

На круги своя

После того, как приспешники Магистра Мара и Кара были благополучно обезврежены, Шалунья унеслась в психиатрическую клинику, чтобы вместе с Екатериной Васильевной ожидать следующих действий по плану, а мне нужно было срочно доставить туда бывшего кооператорщика.

Вскоре я приземлился на Планете и стал сосредоточенно определяться: «Где он?».

Дело в том, что некогда я разыскал Гришу на просторах Астрала и переправил сюда. Сейчас оставалось найти его здесь.

Неожиданно пришла на ум догадка: «Где же ему еще быть, скорее всего, как не там!»

Тогда стремительно я перенесся в город, в проулок, в свой дом. Полагаясь на интуицию, я поднялся на самый верхний этаж. Миновал холл. Открыл предполагаемую дверь. Вошел в комнату и остановился. Я не ошибся.

Гриша сидел на стеклянном стуле ко мне спиной. Перед ним на черной металлической подставке стоял серебристый столик, над которым светился большой, эллипсной формы планшет, усыпанный живыми мерцающими созвездиями. Он перемешал их в разные стороны, рассматривал, что-то записывал в тетрадь. Мне было неловко прерывать его занятие. Но вдруг он сам обратился ко мне:

– Сережа, ты за мной?

– Пора, – негромко отозвался я.

Вскоре мы уже возвращались на Землю. Неслись в открытом космосе, в беспокойном потоке звезд.

– С кооперативом покончено! – ощутились во мне чувства Гриши.

– И что будешь делать? – спросил я.

– Стану астрофизиком, – решительно ответил он.

Через какое-то время в тонких телах мы объявились в палате.

– Узнаешь себя? – обратилась к бывшему кооператорщику ведьма.

– Да уж, – безысходно промыслил Гриша и разочарованно поморщился.

– Ничего страшного. Поделаешь физзарядку, – заботливо подсказала Шалунья.

– Все поправимо, – тоже поддержал я.

Обрюзгшее тело бывшего кооператорщика лежало сейчас на кровати. Его живот отвисал на бок. Долго не раздумывая, я быстро нырнул в него через темечко.

– Мне конец? – тут же передо мной возник испуганный голос Купсика.

– Нет, – сухо отрезал я.

– Не обманешь? – недоверчиво уточнил он.

– А у тебя есть выбор? – переспросил я.

Изгнанный член астральной шайки ничего не ответил, безысходно покинул свое временное пристанище.

Людочка молчала, забившись в угол.

Не расстраивайся, – успокоил я девушку. – Скоро ты будешь дома.

Я помог ей тоже выскочить из тела. Через несколько мгновений Гриша вошел к себе.

– Ну, что, пора расставаться, – сказал я ему.

От него веяло печалью.

– Больше не будешь меня называть сатаной? – пошутил я, чтобы развеять его состояние.

– Тогда я ничего не понимал, – немного повеселел он, потом подумал и грустно добавил. – Прощай.

– Завтра, когда проснешься, начни вести себя как здоровый человек. Врачи на это обязательно обратят внимание и тебя отпустят, – коротко проинструктировал я и подбодрил. – Мы еще встретимся.

После чего я выскользнул из его тела и, оказавшись снаружи, распорядился:

– Лара! Оттарабанишь Купсика на Планету, а мы с Екатериной возвратим Людочку на место.

– Хорошо, – неохотно согласилась она и пренебрежительно глянула на объект, с которым сейчас придется отправиться в открытый Астрал.

– Долго я не продержусь в тонком теле, погибну же! – запротестовал Купсик.

– Там ты сможешь легко материализовывать свое астральное тело в предметное, – пояснил я.

– Правда? – обрадовался он.

– Правдивее не бывает! – заверил я.

– А девочки там есть? – суетливо поинтересовался он.

– Ты хоть свою шкуру вначале спаси! – возмутилась ведьма.

– Катька! Ты же знаешь, что я не могу без бабы! – озабоченно оправдался Купсик.

– Вон тебе баба! – огрызнулась на него Екатерина и отчетливо кивнула на Лару.

– Еще чего! – усмехнувшись, опешила та.

Купсик себе на уме разулыбался.

– Смотри, чтобы я тебя по дороге не потеряла, – строго съязвила Шалунья.

И тот сделал серьезную физиономию.

Они умчались на Планету.

Ведьма, я и Людочка тоже приготовились покинуть палату. Гриша почувствовал, что остается один, поднял руку и помахал нам. Мы исчезли из клиники.

Каждому свое

Мы переместились в квартиру Людочки. Здесь она жила до тринадцати лет, пока не была изнасилована своим тренером по гимнастике, от чего, испытывая мощный стресс спонтанно, и попала в физическое тело зека-смертника, а тот занял ее место. Потом Купсик астрально воровал ее из тюрьмы и развлекался. В конце концов, заключенного казнили. Я спас астральное тело девушки, поселил в бывшего кооператорщика. Но туда, по стечению обстоятельств, при помощи Екатерины Васильевны, попал и Купсик, также лишившись своего земного тела, но по инициативе астральной шайки. Он продолжил измываться над подростком уже в теле Гриши. Сегодня все мучения должны были закончиться.

Тело девушка подросло, стало красивым и женственным. Но в нем три года жил заключенный, который эксплуатировал его по своим правилам и понятиям.

Ведьма, созерцая, что происходит сейчас в комнате Людочки, покачала головой и с сожалением глянула в ее сторону, а та молча смотрела на все со стороны Астрала, и было видно, как она глубоко шокирована происходящим.

В ее комнате сейчас, на журнальном столике, в пепельнице, дымилась сигарета. Рядом лежала сумочка, из нее выглядывала початая пачка презервативов. На полу валялась пустая бутылка пива. Вещи разбросаны где попало. Зек, в колготках и мини-юбке клеш белого цвета, выше пояса совсем обнаженный, стоял и рассматривал себя в большое зеркало, на котором губной помадой было выведено ругательное слово по-английски. Он выпятил грудь и несколько раз повилял задницей, состроив при этом проститутскую физиономию, потом усмехнулся, взял сигарету,

сделал глубокую затяжку, потушил огонек в пепельнице и мерзко выдохнул облако дыма через рот, послышался рыготный звук «ха-а».

Я не обращал внимания на происходящее, мне нужно было определить нужный момент, чтобы вернуть Людочку в ее тело.

Раздался звонок телефона. Тюремщик вытащил из сумочки сотик, принял вызов и приложил трубку к уху.

– Привет, малышка, – обратился к нему какой-то мужчина. – Сколько?

– Час – двести баксов! – ласково прошептал ему зек.

– Окей! – по-деловому согласился тот. – Беру три часа. Где и когда?

– Я тебе через часик перезвоню сама, – ароматным голосом ответил заключенный и отключил вызов.

Неожиданно в комнату ворвалась мама девушки.

– Как тебе не стыдно! – истерично выкрикнула она и запричитала. – Два аборта, а тебе только шестнадцать! Ты совсем офонарела, да?!

– Завянь, мам! – коротко оранула на нее дочь, небрежно отодвинула женщину в сторону от зеркала и злобно прошипела ей в лицо. – Не мешай мне красиво жить.

Потом девушка схватила со стула розовую кофточку, ловко натянула ее на себя и покрутилась перед своим изображением в зеркале.

– Ты же была хорошей девочкой, умницей, опрятной и послушной, – снова заговорила мама, с трудом сдерживая свой гнев и выдавливая из себя ласковый тон, но та не обращала на нее внимания. – Что с тобой случилось? Тебя словно подменили! – неожиданно она не выдержала и стала наступать на девушку, сильно толкать ее в плечи обеими руками и уже снова кричала. – Это не ты! Ты не моя дочь! Будь ты проклята! Сучка!

И тут женщина отвесила сильнейшую пощечину своей дочери. Чувства зека на мгновение расслабились. В этот момент я легко выдернул его астральное тело наружу. И там, в комнате, девушка тут же упала на пол.

– Господи! – испуганно кинулась к дочери мама. – Что с тобой, девочка моя! – она поняла, что девушка не дышит, и вскрикнула. – Не-ет!

– Прыгай к себе! – скомандовал я Людочке.

Но она не двигалась с места.

– Что за фигня? – спросил у Екатерины зек.

– Отвали. Не до тебя сейчас! – переживая ситуацию, она отшила его.

Я ответил ему торопливо:

– Подожди немного. Мы постараемся тебе помочь.

Прошло минуты три. Людочка продолжала упрямиться и не хотела возвращаться в свое земное тело.

– Без тебя оно умрет навсегда! – злилась ведьма и подталкивала ее. – Влезай же!

– Пожалуйста, сосредоточься и входи, – нацеливал девушку я.

Но все было тщетно.

Тогда понимая, что времени совсем уже почти не осталось, я резко схватил астральное тело Люды и насильно запихнул его в предметное.

Женщина теперь держала дочь у себя на коленях, прижимала к себе и отрешенно, будто убаюкивая ребенка, раскачивалась по сторонам. Вдруг девушка вздрогнула, вздохнула, открыла глаза.

– Мама! Прости меня за все, – негромко проговорила она. – Этого больше никогда не будет.

Несколько секунд обе стали истерично обниматься, безудержно исцеловывая друг друга, потом затихли в обнимку.

Я и Екатерина испытали облегчение.

– Что с этим? – уточнила у меня ведьма, имея в виду зека.

– На Планету, – заявил я, не раздумывая.

– Сережа! – запротивилась она. – Оно тебе надо? Пусть скажет спасибо! Ему давно уже башку снесли! Он и так прожил три года лишних!

– Екатерина, – внушительно не согласился я. – Люди способны меняться. А Купсик чем лучше? Он так же издевался над Людой, не меньше.

– И он такая же скотина! – не унималась ведьма.

Заключенный не слышал нашего разговора, он весь был увлечен происходящим в комнате.

– Я так решил. – опротестовал я возражения Екатерины. – Хватай его и летим.

Она брезгливо энергетически закрепила зека возле себя, и мы приготовились стартовать, но тут я заметил неисправимое.

– Ничего не получится, – остановил я наши намерения покинуть квартиру девушки.

– Что не так? – насторожилась Екатерина.

– Посмотри на него внимательно, – пояснил я.

Она отпустила астральное тело заключенного и надменно воскликнула:

– Он подыхает.

Дело в том, что обычные люди, не имеющие астрального опыта при жизни, лишившись земного тела, после смерти не могут долго находить в Астрале. За то время, пока мы уговаривали Люду, заключенный начал безвозвратно распадаться на составные элементы стихий, бесследно растворяться.

– Сколько мне осталось? – безропотно спросил смертник у ведьмы, заворожено наблюдая за обнимающейся мамой с дочерью.

– А я почем знаю! – не захотела отвечать та.

– Час или два, – честно признался я.

– Можно, я останусь тут? – попросился у нас заключенный. – Буду смотреть на них, пока смогу.

Я и ведьма промолчали. Он снова уставился взглядом в комнату.

Молниеносно мне вспомнилось мое стихотворение:

Когда же ты покинешь клеть,
Взмахнешь крылатыми руками,
Коль на душе один хоть камень,
То тяжело душе взлететь.

На человеческой планете
Правитель – полновластный рок.
За что-то все мы здесь в ответе
И отбываем разный срок.

Я переглянулся с ведьмой, и мы унеслись прочь.

Обретение жизни

На Планете царила ночь и какая-то бессонная космическая тишина. Черная глубина неба была усеяна лучистыми хрусталиками звезд. Все вокруг невидимо и затаенно дышало необъяснимой жизнью.

Лара доставила сюда Купсика, который первым делом, материализовал свое предметное тело и стал выглядеть в образе немолодого мужчины, с отвисшим животом, с горбатым носом и пролысиной посередине черепа, одетым в джинсы, белые кроссовки и в оранжевую майку с короткими рукавами. Стройная и неотразимо сексуальная Лара никак не смотрелась рядом с ним. То и дело взгляд Купсика магнитировала ее одежда: супер короткая, из тонкой кожи, юбочка-ромашка, светло-голубая майка, оголяющая живот, и спортивные, тоже светло-голубые, кеды.

Лара села за руль автомобиля, ее – подопечный рядом, в качестве пассажира, и, недолго петляя по шоссе между многочисленных холмов, вскоре они приехали в город и остановились у какого-то здания. Лара пояснила Купсику, что это ее дом.

Строение завораживало своей оригинальностью. Его стены имитировали нежную женскую кожу. И вообще оно по своим очертаниям напоминало огромную обнаженную девушку, сидящую на корточках, между колоннами ее ног, начинались парадные ступеньки. К зданию вела вымощенная гладким коричневым камнем, широкая, метров тридцать длиною, пешеходная дорожка, по ней вполне могли, взявшись за руки, свободно пройти рядом друг с другом человек пять. По ее обеим сторонам горело дымчатым светом несколько светильников в форме одуванчиков, закрепленных на невысоких, металлических столбиках, а за ними зеленью лоснилась сочная трава на газонах, на которых росли, не выше пояса человека, причудливые карликовые деревья с квадратными листьями в ладонь.

– Офи-игеть! – врастяжку воскликнул Купсик, как только вылез из машины и окинул здание ироничным взглядом, он с нескрываемой надеждой посмотрел на свою спасительницу и спросил. – Я буду жить в этой бабе?

– В ней, но не со мной, – строго отмежевалась Лара и, захлопнув дверцу автомобиля, мягко зашагала впереди него, ее нижние части попы, обтянутые колготками, соблазнительно подмигивали ему.

У Купсика вращались глаза. Вдруг под ноги к девушке из травы выпрыгнул некий, молочного цвета, шарик, размером с кулак. А за ним вприпрыжку выскочила из-под дерева небольшая собачка, ее гладкая шерстка отливала синевой. Она во мгновение ока оказалась возле Лары, которая успела ловко нагнуться, совсем ошарашив своего наблюдателя позади, и поймать шарик рукой.

– Айза! – обратилась она к зверьку, и тот завертелся возле нее. – Ты опять заигралась?

– У-у, у-у, – недовольно заукала та и стала настойчиво показывать своим поведением, чтобы ей отдали ее забаву.

Лара вернула ей шарик. Купсик подошел ближе. Животное принялось лизать свою игрушку, которая оказалась съедобной.

– Странно, – заговорил он, – играется этой хреновиной и даже лапы не пачкает, а лижет ее, как растопленное мороженое.

Лара охотно объяснила:

– Эффект избирательности. Она не любит, чтобы ее лапки пачкались, вот они и не грязнятся. Но когда она хочет кушать, шарик в тех местах, где к нему прикасается ее язычок, превращается в съедобный.

– Прямо как стиральный порошок с интеллектуальной формулой, – пошутил Купсик и поинтересовался. – Это твоя?

– Нет. Собачка принадлежит моей соседке Светлане, – ответила она.

– Давай, я отнесу собаку домой и заодно познакомлюсь с ее хозяйкой, – заботливо предложил он и хитро прищурился.

– Не стоит, – не согласилась девушка, понимая, куда клонит ее подопечный, и пояснила. – Она сама дорогу знает. Тем более, что с соседкой тебе, все равно пока не подружиться.

– Это почему же? – озадачился Купсик.

– Она еще никогда не видела своего дома, – осведомила его девушка.

– Отчего же? – удивился тот.

– Таков порядок, – задумчиво сказала Лара. – Все, кто имеет личное жилье на Земле, автоматически являются обладателями собственного дома на этой Планете, в каком-нибудь из ее городов. Но подавляющее большинство людей проживут свою жизнь, словно сложноподчиненное предложение, отзапятаются, поставят точку, и не узнают об этом удовольствии.

Купсик задумался, рассматривая, как животное доедает свой лакомый кусочек шарика.

– Там, на Земле, у моей соседки есть эта собачка, она астральщица, – продолжила говорить Лара. – Живет со своей хозяйкой в обыкновенной квартире. Правда, постоянно спит. Светлана удивляется, мол, отчего же так, животное просыпается только, чтобы поесть. Как только откроет глаза, сразу же бежит к своей мисочке с кормом, потом попьет водички, сходит в туалет и снова укладывается в спячку. На самом деле, ее собачка обитает здесь, на Планете.

– Откуда же такие подробности? – насторожился Купсик.

– Светлана как-то была у меня на консультации в центре «Магия Духов», где я работаю у Екатерины Васильевны, – непринужденно ответила девушка.

– Понятно. Слушай, Лара, а к чему вообще дом на Планете? – спросил он.

– Возможность остаться в живых есть у каждого, – объяснила она. – Когда человек обретает дорогу к бессмертию, то он способен бывать в своем жилище на Планете. А когда он становится бессмертным, воссоединившись со своим Созерцателем, то поселяется тут окончательно.

– Насчет последнего, я ничего не понял. Позже покумекаю. – рассуждал Купсик. – То есть, чтобы стать домовладельцем на Планете, для начала твоей соседке и многим другим требуется научиться сюда попадать?

– Им – да, но не тебе, – определилась Лара.

Она деликатно нагнулась и погладила собачку. Та уже доела свой шарик, укнула пару раз и легкими прыжками ускакала прочь.

– А сколько я здесь вообще протяну? – напрямую уточнил Купсик.

– Твой срок пребывания на Планете ограничен, ориентировочно, ста сорока годами в земном исчислении. У тебя же нет физического тела, – подытожила девушка и, переключившись на другую тему, выразила претензию, –

Ты собрался шастать с таким уродливым животом у меня по дому?

– Я пробовал поменять форму тела и одежду, у меня не получается, – обидно огрызнулся Купсик.

Тогда Лара подошла к нему и начала своими ладонями водить, словно стирательной резинкой, по его лицу, шее, плечам, спине, животу, от чего Купсик преображался на глазах. Становился красивым молодым человеком, одетым в белый костюм поверх светло-голубой рубашки. Было видно, как он с наслаждением ожидал, что девушка будет переделывать его тело и ниже. Но она строго заявила:

– Дальше сам, думай и проводи руками.

Он огорчился и самостоятельно завершил свое преобразование белыми брюками в обтяжку.

Неожиданно там, вдалеке, на порог дома вышла какая-то девушка, одетая в теплую шубу и сапоги, в меховой шапке.

– Ла-ара! – крикнула она. – Ты прилетела с кем-то?

– Да. Со мной такой же, как ты, – радостно выкрикнула в ответ та.

Купсик негромко спросил:

– Кто это? Она тоже не имеет предметного тела?

– Моя двоюродная сестра. Трагически погибла, но мне удалось спасти ее астральное тело и поселить у себя, – открылась Лара и скомандовала. – Пошли.

Когда они уже почти подходили к ступенькам, Купсик засуетился и прошептал:

– Твоя сестра, что, со сдвигом по фазе?

– Ты насчет шубы летом? – заулыбалась та.

– Ну, да. Я таких, пока лежал в психушке в Гришином теле, навидался много.

– Не бойся, она совершенно нормальный человек, – успокоила его Лара. – Все та же избирательность, как и с собачьим шариком. Просто у нее, она так захотела, сейчас зима. Эта Планета полностью реагирует на сознание.

Когда они подошли к сестре, та восторженно указала рукой на деревья и высказалась:

– На веточках висят такие красивые сосульки, жаль, что вы их не видите. Они, будто сверкающие игрушки на праздничных елочках.

Купсик недоверчиво посмотрел на деревья, потом на Лару и ничего такого не увидел.

– Привет! – поздоровалась Лара с сестрой.

– Здравствуй! – ответила та.

– Салют! – приветствовал Купсик и спросил: – Как вам это удается?

– Вот вы сейчас стоите на замерзшей луже, – замысловато хихикнула ему сестра Лары, и он, озираясь, отшагнул в сторону, а она, озорно добавила. – Я обязательно вас научу таким премудростям! – потом подумала и ласково спросила у молодого человека. – Как вас зовут?

Тот призадумался на несколько секунд и гордо произнес свое имя:

– Платен.

– Очень приятно, а меня зовут Лена, – игриво назвалась и она.

– Ты в своем уме? Какой ты Платен? – шепнула ему Лара.

– Отстань, – тихо сказал он. – Я так хочу.

– Поймались, я вижу, что вы шепчетесь, у вас валит пар изо рта! – хлопая в ладоши, подследила за разговорщиками Лена.

Купсик и Лара ничего не ответили.

Все втроем поднялись по отливающим перламутром ступеням и вошли внутрь дома. Они очутились в большом вестибюле, с высоким, метров семь, потолком, стены у которого были отделаны изумрудным малахитом, на них висело множество электрических подсвечников на позолоченных подставках и картины, изображающие явления природы. Хрустальный пол зеркалил все. Машинально Купсик ненароком глянул на Ларино отражение. Она это заметила и бесстыдно спросила:

– Доволен?

– Уютно у тебя? – будто не понимая в чем дело, отозвался тот, уже осматриваясь по сторонам.

Девушка укоризненно покачала ему головой, но он на это не обратил внимания.

Лена сейчас же спряталась за какую-то разноцветную ширму и через минуту вышла оттуда в шикарном розовом платье, которое от плеч до колен облегало все изгибы и

выступы ее очаровательного тела. Купсик только теперь рассмотрел ее хорошенько. У нее было кругленько личико, голубые глаза и длинные ресницы, короткий прямой носик и русые волосы до пояса.

У него заострились глаза.

– Девчонки, – признался он, – у меня сегодня день рождения, – и немного неуклюже засмущался.

Лара спешно съязвила на этот счет:

– Спасли. Родился заново.

– Нет, он не в этом смысле, – опротестовала ее мнение сестра и сосредоточенно разъяснила, – сегодня он действительно когда-то родился на Земле.

– Откуда вы знаете? – спросил Купсик и, недоумевая, посмотрел на Лару.

– Лена была гадалкой на Земле, – ответила за нее Лара.

– Слушайте, ребята! – элегантно поигрывая бедрами, весело предложила та, – давайте устроим праздник!

Сжатое время

После успешного возвращения Гриши и Людочки в их земные тела и размещения Купсика на Планете мы вернулись в квартиру ведьмы. Я быстро ополоснулся под душем, неторопливо поужинал и ушел к себе в комнату. Расслабленно прилег на диван, закрыл глаза и старался ни о чем не думать. Екатерина Васильевна в это время принимала травяную ванну.

Прошло минут десять, я почти засыпал.

Вдруг ручка входной двери в комнату скрипнула. Я открыл глаза. Насторожился. В помещении было темно. Это не могла быть хозяйка квартиры. Из ванной продолжали доноситься приглушенные всплески воды. Мысленно я рассчитал свои действия, приготовился сделать несколько скорых шагов к настольной лампе.

И тут дверь в комнату начала открываться. Я вскочил с дивана и через секунду хлопнул по клавише лампы. Но яркий свет вспыхнул с потолка! Я увидел стоящую в дверях девушку. Она еще не успела снять руку с выключателя люстры. Это была Наташа. Несколько секунд я был в замешательстве.

– Присядем? – негромко сказал я.

– Да, – тихо отозвалась она.

Медленно, почти одновременно, мы сели рядом друг с другом на диван.

– Хороший вечер, – пытался я что сказать, глупо уставившись взглядом в пол.

– Сережа, – взволнованным голосом позвала Наташа.

В следующее мгновение мы обнялись и замерли. Я старался едва дышать, чтобы не спугнуть свое счастье, чтобы оно случайно не оказалось безжалостным сновидением.

– Наташа, – нежно прошептал я.

Кружилась голова. Мои руки превращались то в шелковые волосы, то в ласковые груди. Мы сливались телами то в букву «Ю», то в букву «Л», в другие знаки.

Это сказка любви моя.
Появилась любимая,
Ожила долгожданная,
Неотступно желанная.

Сила сжатого времени,
Словно звездочка острая,
Ты надрезала темени
На затерянном острове.

Соблазнялся невзгодами
И дурными природами.
Бесконечно любимая,
Ты ничем не ранимая...

Звучало все, и не остановиться. Отзывчивые губы, поцелуи. Нам бесконечность уступала место...

Я не знаю, сколько прошло времени. Девушка теперь нежилась возле меня, и я приятно ощущал изгибы ее тела. Мне сейчас же захотелось услышать ее голос, и я попросил Наташу:

– Пожалуйста, скажи что-нибудь.

– Сережа, – произнесла она и улыбнулась.

– Надо же, – сказал я, – мы с тобой уже несколько часов вместе, но до сих пор не поговорили!

– Ну, да. Во-первых, было некогда, – на миг лукаво прищурилась она, заглядывая в мои глаза, – во-вторых, Наташа пожала плечами, – все слова обесцветились как-то. Такого со мной еще никогда не было.

С минуту мы молчали. Я попытался задать вопрос:

– Как ты...

– Попала сюда? – договорила она за меня.

Я кивнул головой, что именно это имел в виду, и Наташа рассказала:

– Было так... Я вошла к себе в мастерскую. Я рисую, художник. А в ней возник ты в этой комнате, – девушка сосредоточилась и спросила. – Что происходит? Я в параллельном мире, Сережа?

– Нет, – отрицательно покачал я головой. – Ты в том же мире, но тридцать пять лет спустя.

– О-о! – попыталась она пошутить, – так я уже здесь пенсионерка!

– В том-то и дело, что тебя в этом мире нет, – грустно сказал я.

Она испугалась. Ее губы сжались.

– Это не то, что ты подумала, – успокоил я.

– А что тогда? – девушка прижалась ко мне, и я обнял ее.

– В этом мире вообще никто не знает, что прошло тридцать пять лет, – ответил я.

– Странно... Ты выглядишь таким же, – размышляла она вслух. – Не понимаю.

Она пытливо смотрела на меня, ожидая ответа. Я ничего не говорил. Бережно гладил ее лицо своими ладонями и думал про себя:

«Когда-то я случайно познакомился с тобой во сне и влюбился. Неожиданно встретил наяву. Потом тебя не стало. Но я не смирился. Искал тебя, придумал заново, терял и находил, реальность путал с вымыслом.

Мне очень хотелось с тобою встретиться снова. Я много экспериментировал. Придумывал какому-нибудь знакомому человеку другое прошлое. И, со временем, оно начинало влиять на его повседневную жизнь так же, как и некогда прожитое им, которое постепенно теряло свою силу

уступая место созданному прошлому от меня. Но не все получалось.

Долгие годы, находясь в летаргии, я продолжал свои опыты. Пытался поселить тебя, мою фантазию, в глубину своего прошлого. Однажды мне это удалось. Я уверенно стал ощущать и чувствовать твое присутствие в нем. Ты прижилась там.

Испытывая огромную надежду материализовать тебя в реальности, я наконец вернулся из астрального заточения и был удивлен. Мир стал другим. Тридцать пять лет жизни всех людей на Земле необъяснимым образом вместились в три года. Привычное время сжалось. Но никто на это не обращал внимания. Опыты с изменениями моего прошлого как-то повлияли на все это.

А сегодня пришла ты. Меня не волнует, как и почему, я в этом разберусь потом, главное, что ты здесь.

«Вы кармчий... Вы строите судьбы и они воплощаются...» – наверное, хозяйка кафе права» – подумал отчетливо я.

Вдруг Наташа возмущенно озадачилась и прервала мои размышления.

– Клево получается! Я изменила тебе с тобою же! – сказала она.

– Как это? – заботливо оживился я.

– Там, откуда я, ты давно уже вышел из летаргии. И мы живем сейчас вместе в своем доме, – открылась она. – Утром мне придется до-олго объяснять тебе, тому, в моем мире, где я была всю ночь.

Я снова молчал. Я не знал, что ответить, смотрел на Наташу и понимал:

«Ты будешь жить там целых тридцать пять лет в моем прошлом, с другим Сергеем Истиной, который будет стареть за меня, чтобы я жил и оставался молодым теперь и всегда».

– Чего ты молчишь и улыбаешься! – запротестовала Наташа и толкнула меня локтем в бок. – В моем мире тот Сережа очень ревнивый, строгий и придирчивый!

– Не переживай, – задумчиво сказал я, – он тебя не обидит.

Мы общались еще какое-то время. Наташа просто вышла из комнаты. Вслед за ней я открыл эту же дверь, но девушки не оказалось в прихожей. Она вернулась в свой мир. Но мы теперь вместе!

Утро прошлого

Рано утром Наташа, крадучись, вышла из своей мастерской в холл. Стала делать осторожные шаги и смотрела себе под ноги, чтобы ничего не зацепить, но неожиданно столкнулась с мужем.

– Ой! – удивленно воскликнула она. – Ты уже проснулся?!

– Ага, – ответил тот, протер глаза и подозрительно спросил. – Ты что, всю ночь рисовала?

– Ну, да, – устало ответила жена.

Сергей, положил свои ладони на ее плечи.

– Я соскучился, – играя обиду, сказал он.

– Я тоже, – вяло согласилась она, наклонила голову, прижалась щекой к его руке и сонно закрыла глаза.

– Пойдем, – заманчиво улыбнулся Истина.

Она открыла глаза, приподнялась на цыпочки и прошептала ему на ухо:

– Пожалуйста, отложим это до вечера.

– Как скажешь, – не стал возражать он и немного погрустнел.

В обнимку они прошли на кухню. Наташа ловко вывернулась из-под его руки и, повеселев, торопливо поставила чайник на плиту.

– Странная ты какая-то сегодня, – наблюдая за поведением жены, задумчиво произнес Сергей и присел за стол.

Она ничего не ответила. Подошла к окну. С минуту созерцала двор. Потом повернула голову к мужу и внимательно посмотрела на него.

– Ты что-то хочешь спросить? – догадался тот.

– Да, – кивнула головой Наташа и, как бы между прочим, задала вопрос. – Сережа, ты можешь поставить замок в мою мастерскую?

– Зачем? – спокойно анализируя про себя ситуацию, переспросил Истина, достал сигарету из пачки и закурил.

Наташа полностью развернулась к нему, тяжело вздохнула, Сережа внимательно наблюдал за ней, она начала объяснять:

– Понимаешь... Я-а... – она подбирала слова, наконец, определилась и торопливо проговорила. – Хочу научиться выходить в Астрал.

– Молодец, – продолжая всматриваться в жену, похвалил тот и спросил. – Так ты всю ночь рисовала или упражнялась?

– И то, и другое, – непринужденно ответила она и, отвлекая его бдительность, демонстративно зевнула.

– А причем тут замок? – недоумевая, уточнил муж.

– Замок? – повторила за ним Наташа, секунду подумала, улыбнулась и ответила. – Когда медитирую, не могу избавиться от мысли, что в дверь кто-нибудь войдет. А это привязка, сам понимаешь.

С Сергея спало напряжение, он облегченно вздохнул и по-деловому заявил:

– Замок ни к чему. Я теперь знаю и маму предупрежу. Никто тебя не побеспокоит.

– Нет, – возразила Наташа. – Дверь открыта, и я не могу об этом забыть. Трудно сосредоточиться. Ты лучше поставь замок. А?

– Хорошо, – недоверчиво отозвался муж и потушил сигарету.

Утро настоящего

Утром я и Екатерина встретились на кухне. Ведьма, как мне показалось, достаточно сухо поздоровалась со мной и в каком-то напряжении присела молча за стол напротив меня.

– Как спалось? – вежливо спросил я у нее.

– Никак! – неожиданно возмутилась она.

– Почему? – удивился я.

– А ты как считаешь? – съязвила Екатерина и откровенно посмотрела мне в глаза.

– Не знаю, – изображая дурака, пожал я плечами.

– Кто у тебя был ночью, Лара? – упрямо задала вопрос ведьма.

– Никого не было, я спал один, – негромко и как можно спокойнее в голосе ответил я.

– Врешь! – не унималась она.

– Так ты подслушивала? – спохватился я изобразить обиду.

– Нет, – отрицательно покачала она головой. – Я всю ночь присутствовала на спектакле, но занавес так и не подняли, стенка называется.

Скорчив задумчивую физиономию, я предположил:

– Может, я во сне что буровил и дергался?

– Ну, да, – деловито согласилась со мной ведьма и щелкнула себя слегка по лбу ладонью и театрально вспомнила. – Конечно же, во сне! Как это я забыла! Там же происходят всякие, типа, наложения!

– Ты не права! – тяжело вздохнул я.

– У Баобаба была баба! – торжественно заявила она.

– Причем тут Баобаб? – насторожился я.

– Уважаемый Сергей Александрович, – фамильярно пояснила ведьма, – ты Баобаб! Чтобы обхватить со всех сторон твой эректив-ный ствол, нужно мно-ожество... – она призадумалась.

– Баб, – насмешливо подсказал я.

– Женщин, – настойчиво не согласилась она.

Испытывая неловкость, я решил поменять тему.

– Екатерина! Тебе не кажется, что нам уже пора покушать и выехать в центр? Сегодня много дел, – и я озабоченно засуетился.

– Сама знаю! – отмахнулась она рукой и упредила развитие моей активности. – Подожди, – попросила она.

Я уже привстал из-за стола.

– Что? – приостановился я.

Ведьма внимательно окинула меня взглядом с ног до головы, хихикнула себе под нос и самодовольно подчеркнула:

– Баобаб.

И начала готовить нам завтрак.

Новые перспективы

Сегодня Екатерина задерживалась на работе, срочно уехала на некий праздничный банкет, завершение которого планировалось к утру. А посему вечером я вернулся в ее квартиру один. Не спеша поужинал, потом решил посидеть в гостиной и поразмышлять. Уютно расположившись в кресле у журнального столика, вслух я задал себе вопрос:

– Интересно, если предположить, что мое крайнее посещение Планеты было не сном, что настойчиво подтверждает Лара, то.., значит.., и мой разговор с внутренним голосом является настоящим?

Я задал этот вопрос и настороженно прислушался. Никто мне не ответил. Тогда я улыбнулся, закрыл глаза, позволил себе расслабиться и непринужденно проговорил:

– А был ли ты, Собой?

Внезапно меня кто-то спросил:

– Что значит «был»?

Я сделал вид, что вздремнул, и ничего не ответил.

– Я всегда есть, – опять объявился чей-то голос.

– Ну, да, во сне, – ответил я.

– Думай, как тебе хочется, – не стал возражать тот.

Я опять ничего не ответил, ожидая активности со стороны. Мне нужно было поймать голос с поличным, чтобы он больше не прикидывался во мне элементом сновидения, если он на самом деле реальный. Прошло с минуту. Я умело маскировал свое сознание под сон.

– Может, поболтаем? – спросил Собой, видимо, предполагая, что я и в самом деле сплю.

– О чем? – безразлично спросил я.

– О том, о сем, – предложил он.

Я немного подумал и сказал:

– Задавай тему.

С минуту голос помолчал и внезапно заявил:

– Иван тебе совсем не учитель и даже не друг.

– У каждого своя колокольня. И свой оттуда вид, – определился я. – Если ты позволишь мне влезть на твою и позвонить в колокола, возможно, тогда я с тобой соглашусь.

– Хорошо, – не стал возражать голос и скомандовал. – Смедитируй, и переместимся.

Но я проигнорировал его слова.

– Хватит тебе прикидываться спящим! – возмутился он.

– Ах, так! – тут же отозвался я, открыл глаза и снова улыбнулся. – Так, значит, ты всамделишный?!

С обеих сторон воцарилась тишина. Я сосредоточился и позвал моего собеседника:

– Собой, ты здесь?

– Ну да, – неохотно ответил тот и скомандовал. – Идем уже.

Тогда я сконцентрировал свои чувства и выпустил в пространство ментала. Какая-то сила подхватила их и куда-то переместила. Так через несколько мгновений я оказался в рабочем кабинете Остапа Моисеевича, созерцая все от потолка.

Магистр, одетый в дорогой спортивный костюм темно-зеленого цвета с белой молнией на куртке, стоял спиной к окну, скрестив руки на груди, Иван сидел поодаль от него на стуле для посетителей и тоже был одет в спортивный костюм, но черного цвета. Между ними сияла ярким желтым светом большая настольная лампа.

– Ваня! – методично инструктировал Магистр. – Ты, давайка, выйди опять на Сергея, мне кое-что нужно проделать, эдакое, – он игриво покачал головой.

Иван немного подумал и серьезно сказал:

– Есть вероятность, что он меня раскусит.

– У меня нет времени подготовить кого-то другого. Придется тебе покорпеть, – нацеливал своего приспешника Остап.

– Как скажете. Но я предупредил вас, Иван Иванович. А что будет нужно?

– Об этом потом. Ты пока, типа, позвони ему, что ль, сориентируй на встречу в Москве. Погуляй с ним, пообщайся. Поинтересуйся, как у него дела. Словом, прояви любезность.

– Нет проблем. Когда?

Магистр помолчал несколько секунд и задумчиво пояснил:

– На днях. Я тебе позвоню.

Иван сразу же поднялся со стула и попрощался:

– Приятных вам дел, Иван Иванович.

Он быстро ушел из кабинета.

– И как тебе твой учитель? – ехидно спросил у меня внутренний голос. – Он ведь с самого начала тебя обманывал.

– Я ему все равно благодарен, – твердо ответил я.

– Верно мыслишь, – похвалил тот и сформулировал вывод. – Во всем есть толк, и во врагах тоже. Важно углядеть рациональное зерно.

– Собой! – внезапно заговорил Остап Моисеевич, который уже успел усесться за свой рабочий стол. – Мне нужно с тобой посоветоваться.

– Что ты хотел? – спокойно ответил ему тот.

Я такого не ожидал.

– Ты предатель? – осторожно спросил я у него.

– Не кисни, – простодушно ответил он. – Я один на всех и сейчас говорю с миллионами людей, не только с тобой и с ним.

– Как ты думаешь, – спросил Магистр у Собоя, – я смогу скрыть от Сергея, что он мой конкурент на единый императорский трон Планеты Земли?

– Истина уже об этом знает, – непринужденно ответил голос.

– Как это? – фыркнул тот.

– И все-таки, ты предатель! – забеспокоился я.

– Угомонись и лучше слушай, – отмахнулся от меня Собой.

– Ты поставил астральный жучок Екатерине, – сказал он Остапу, – а это утяжеляет карму. И получил утечку за утечку.

– Это сделала его подруга Вика! – попытался оправдаться Магистр.

– Да, но по твоему велению, – не унимался голос.

– Короче, как он узнал? – поинтересовался Остап.

– Да, только что и прямо здесь. Ты сам проговорился, – весело ответил тот.

– Он тут и сейчас? – прислушался Магистр.

– Ну, ты и штучка! – приготовился я дать энергетический отпор одному и другому.

– Не кипятись, – сказал мне Собой и снова ответил Остапу. – Откуда мне знать.

– Не вешай мне лапшу на уши! – пригрозил тот и потребовал объяснений. – А как же тогда ты усек, что он в курсе?

– Ты сам догадался. Потому что беседуешь сам с Собой.

– Понятно. А если я догадаюсь, что он продолжает находиться в моем кабинете? – энергетически активизировался Магистр.

И тут я ощутил молниеносный бросок моей сущности обратно в кресло в квартиру ведьмы. Я скорее очнулся и открыл глаза.

– Уже нет, – сказал голос.

– А может, да? – не унимался Остап.

И тут я услышал громадный водопад голосов, в котором утонула речь Магистра. Ничего невозможно было разобрать. Я попытался зажать уши, чтобы перестать воспринимать все это, не помогло.

– Пожалуйста, выключи какофонию! – выкрикнул я, обращаясь к Собою.

– Убедился? – озвучил он себя для меня.

Словно захлопнулась исполинская дверь, и все стихло.

– Какой-то бред! – отрешенно проговорил я и спросил: – Как тебе это удается?

– Тебе ли не понять. Ты же смог раздвоиться и пойти одновременно к обеим женщинам, – мягко пояснил Собой, – а я могу вести беседу одновременно со всеми людьми на Земле. Я глас Его, вернее, Их. Все, когда говорят сами с собой, на самом деле говорят со мной. Но ты единственный на Земле, который об этом знает.

– Разве Созерцателей много? – удивился я.

– Столько же, сколько людей, – признался он.

До самого утра я откровенно общался с ним. И я прозрел и понял истинные задачи и перспективы моей жизни.

Реализации перемен

Прошло пару месяцев. Уже стояла середина осени. Настроение у меня было бодрое и ответственное. С утра и до вечера я едва успевал выполнять задуманное на каждый день.

За это время Наташа приходила ко мне несколько раз. Мы общались и любили друг друга. В одно из свиданий она показала фотографию моей дочери, Сабины, которую, как оказалось, ее муж, другой Сергей Истина, давно переназвал в Машу. Я не стал возражать. Какая разница, главное, что девочка росла и была счастлива. Нам было хорошо вдвоем, но мы обоюдно понимали, что подлинного воссоединения пока не предвидится.

Все два месяца Шалунья из центра «Магия Духов» почему-то практически избегала со мной пересекаться взглядом и даже здоровалась, словно со шкафом, мимоходом. Я чувствовал, что что-то не так, но постоянно сдерживал себя в желании забежать наперед и выведать об этом информацию. Мне хотелось естественности и правдоподобия.

Во мне отчетливо нарастало некое раздвоение чувств. С одной стороны, долгожданная Наташа, моя, оживщая фантазия, с другой – близкая и реальная Лара.

Я продолжал свои контакты с внутренним голосом. Собой больше никуда меня не перемещал и не открыл иных вселенских тайн, кроме тех, которые он поведал ранее. Но с ним и так было интересно развиваться и просто дружить.

Екатерина вывела меня на «хлебного», как она выражалась в подобных случаях, клиента. Я помог ему с выделением огромных денежных средств из арсеналов одного министерства, которому он подчинялся, на строительство грандиозного по масштабам объекта и получил за это головокружительный гонорар. Так я купил свой двухэтажный дом в ближайшем Подмосковье и переехал в него жить. Мое новое место жительства выглядело солидно и стоило мне несколько миллионов долларов. К счастью, появления Наташи не были связаны с комнатой в квартире ведьмы, а только со мной, и посему общение с ней не прервалось и в моем особняке.

Несколько раз звонил Иван. Пытался со мною состыковаться. Я холодно разговаривал с ним, опираясь на всевозможные причины, чтобы каждый раз отказать веско и аргументировано. Старался не дать ему повода заподозрить меня в намеренной уклончивости.

Теперь я основательно подготовился к сражениям. Назревала необходимость начать обезвреживать страну от Магистра, для чего срочно требовалось скоординировать совместные действия и возможности с моими друзьями и соратниками в этом направлении. И я принял решение собрать всех и обсудить конкретные планы и детали.

Наше «Ядро»

Субботним вечером мы собрались в центре «Магия Духов» в рабочем кабинете Екатерины Васильевны. Нас было семь человек: я, ведьма и ее секретарь, Ольга Эммануиловна, Божив с Викой, Лара и бабка Махам. Других мы пока не стали приглашать, предполагали подключать их постепенно, по ходу событий, где они могли бы понадобиться. Наше «Ядро», так мы назвали свою группу, составляло немалую силу, способную серьезно противостоять Магистру и его приспешникам. Требовалось распределить конкретные действия.

Все мы уважали пунктуальность, до начала оставалось минут пятнадцать. Я просто сидел в сторонке, делая вид, что обдумываю ход мероприятия. А вообще-то, я исподволь просто посматривал по сторонам.

Я обратил внимание, мой друг принарядился сегодня в серый костюм и такую же серую рубашку, без галстука, это придавало ему элегантности. Бабка Махам, одетая почти в костюм американского индейца, с разноцветными перьями на голове, властно вещала ему какие-то небылицы. Божив слушал ее внимательно, периодически улыбался и кивал головой.

Екатерина, в черном платье из тонкого бархата, украшенная бриллиантовым ожерельем на груди и всевозможными браслетами и перстнями на руках, пикантно

попивала чай из ажурной кружечки и листала модный глянцевый журнал. Ее царственная стрижка под Нефертити наполняла меня мудростью и желанием мыслить философски.

Очаровательная Лара, с прической, собранной в косу, в светло-синих джинсах и в тонком свитере черного цвета с золотистыми блестками, сидела у окна и безучастно смотрела куда-то на улицу. Честно говоря, я очень соскучился по виду на ее великолепные ножки. Но, как назло, в крайнее время она ходила только в брюках.

Референт возилась у сервировочного столика, аккуратно раскладывая на десертные тарелки кусочки аппетитного торта.

«Среди всех, в белой рубашке и белом костюме, я выпяжу светлячком», – подумал я.

На Вике была надета шотландская юбочка чуть выше колен и розовая кофточка в обтяжку. Ее волосы были распущены до плеч. Она как-то робко посматривала на меня, и я понимал отчего.

Выбрав подходящий момент, неприметно для всех, я поднялся со своего места, приблизился к ней и, стараясь, чтобы услышала только она, негромко попросил:

– Можно тебя на минуточку, есть разговор.

Мы вышли с ней в приемную и присели на крохотный диванчик, обтянутый черной кожей.

– Ты только не волнуйся и не истери, – негромко сказал я.

Она насторожилась, и я задал вопрос напрямую:

– Скажи, кто тебя надоумил поставить жучок Екатерине?

Подруга виновато опустила глаза и больно закусила свою нижнюю губу так, что та побелела.

– Пожалуйста, не надо так делать, – заботливо предупредил я, – испортишь внешний вид. Что подумают Юра и все остальные?

Вика жалобно посмотрела мне в лицо и отпустила губу. Машинально достала из сумочки помаду и зеркальце, быстро закрасила надкус и в смятении посмотрела мне в глаза.

– У нас опять мало времени. – сказал я. – Кто он?

– Тэ Макаяна Шак, – выдавила из себя она, как провинившийся ребенок, и в спешке добавила. – Я его ученица.

– ее лицо стало наливалось багрянцем, она попыталась выбросить из себя нахлынувшую на нее бурю эмоций. – А что мне оставалось делать! – вскрикнула она.

– Тише, – прервал я ее и заговорил монотонно, внушая правильное восприятие ситуации. – Я все понимаю. Если бы ты не поступила так, он бы тебя просто убил. Главное, что тебе стало легче и ты сняла с себя груз, высказалась. Умница, ты это сделала.

Вика всплакнула и тут же навзрыд поклялась:

– Я больше к нему никогда не пойду. Прости меня, Сереженька.

– Возьми себя в руки, – ласково посоветовал я и обозначил свое отношение к случившемуся. – Я верю. Он тебя использовал. Никому не рассказывай. Это будет нашей тайной, – она нестерпимо содрогалась. – Все прошло, – вдохновил я. – Сходи сейчас же в туалет и приведи себя в порядок, через пять минут начнем. Хорошо?

Она мужественно сдержала очередной всплеск плача, глубоко и судорожно вздохнула.

– Иди, – нежно скомандовал я.

Вика кивнула мне головой в знак понимания, встала и нервно убежала в уборную. Я же вернулся в кабинет с видом, как ни в чем не бывало.

Я увидел, что Лара продолжала одиноко находиться у окна. Я решился и подошел к ней, положил руку на ее плечо и приветливо спросил:

– Все в порядке?

Она повернулась ко мне лицом, загадочно посмотрела на меня и чуть слышно проговорила:

– Можно я вам скажу потом?

– Когда? – улыбнулся я.

Девушка тоже улыбнулась в ответ и замысловато осведомила:

– Сегодня, после собрания.

– Сергей Александрович! – объявился голос ведьмы. – Уже пора начинать! Мы все готовы, кроме вас двоих, – иронично подчеркнула она для присутствующих мой секретный разговор с Шалуньей.

– Да, конечно, – деловито согласился я и занял место за конференц-столом напротив нее. Все уже сидели за ним.

Лара присела на свободный стул рядом со мной, от чего Екатерина недовольно фыркнула, и на это обратили внимание многие. Вбежала Вика. Ее лицо выглядело ухоженным. Она быстренько заняла свое место возле Юры.

– Друзья мои! – обратился я к публике. – Думаю, не стоит мудрствовать лукаво. Искать пути и подходы, которые находятся за тридевять земель, чтобы вести борьбу. Какая разница, через какое отверстие будет введен яд в Магистра или в какое-то его дело. Надо обратиться к тому, что уже имеется у нас под руками. А кто у нас из окружения Ивана Ивановича неподалеку? Лара не в счет.

– И кто же? – лукаво вопросила ведьма.

– Тэ Макаяна Шак, – спокойно огласил я.

– Он? – усмехнулась она и подозрительно спросила. – Сережа, надеюсь, ты шутишь?

– Нет, – сказал я и расшифровал новость. – Насколько мне известно, его не так давно завербовал личный секретарь Остапа, некий Мистерий Златович. Шак теперь является внештатным агентом банка «Энергетик АЛЗ».

– Вот гад! – резко прихлопнула ладонями по столу ведьма и потребовала немедленного ответа от Лары. – Шалунья! – воскликнула она. – Ты-то почему молчала?!

– Я этого не знала, – вежливо оправдалась та.

– Точно?! – не унималась Екатерина.

– Все правильно, – вмешался я, – она тут ни при чем.

– Хорошо, – выкрикнула директор центра, намереваясь приступить к немедленному нашествию на врага. – Я сейчас же ему позвоню и сообщу, что я тебя уволила, мерзавец!

– Гони его в шею! – торжественно оранула бабка Махам, привскочила на ноги и протянула руку вперед, изображая индейского вождя.

Божив одобрительно перекинулся несколькими фразами с Викой и тоже высказал свою точку зрения:

– Таким не место среди нас.

– Подождите же, – засомневалась секретарь. – Он был всегда замечательным, мухи не обидит, дарил шоколадки.

– Не паникуйте, – вклинился я между репликами и разъяснил. – Екатерина Васильевна, если ты сообщишь ему о его разоблачении, то только обнаружишь наше «Ядро». Мы потеряем фактор внезапности и секретности. Кроме того,

лишимся реальной и близкой возможности, не выходя из центра, ввести порцию разрушительной энергии в тело астральной шайки Остапа. Ты хочешь, чтобы нам пришлось долго, заново подстраиваться, искать другие лазейки?

Ведьма остепенилась, осознавая свою торопячку. Все остальные тоже сникли. Я взял инициативу в свои руки и с расстановками произнес:

– Послушайте меня внимательно, – потом выдержал многозначительную паузу и прицелено рассказал. – Каждый человек живет в пространстве своего сознания и общается с миром только посредством окружающей его среды. Это аксиома. К примеру, если кухонные перчатки дырявые, а тот, кто их надел, не имеет представления об этом, то он смело возьмет раскаленную сковородку и, конечно же, обожжется.

Что я предлагаю? Мы, как эти перчатки, отныне, находясь как в непосредственном контакте с Шаком, так и на любом расстоянии от него, будем думать о нем и чувствовать его так, как нам это выгодно. Чтобы ему было во всем плохо. Чтобы у него все валилось из рук. Астральная шайка, представляет из себя единый организм, и Тэ Макаяна является его частью, органом. Делайте выводы, кто на самом деле будет страдать и получать возвратные удары. Естественно, голова, Магистр.

– Вот это да, – задумчиво констатировала ведьма.

– Офигеть! – обрадовался Божив и обнял Вику за плечи, выказывая этим жестом сплоченность наших рядов.

Бабка Махам внимательно посмотрела на меня, потом на своего директора и сделала вывод:

– Сережа далеко пойдет! Я это окончательно обнаружила прямо сейчас.

Лара молчала, но было видно, что она потеплела в отношениях ко мне. Референт забеспокоилась больше всех, не понимая, как быть.

– И что я о нем буду думать, вроде как, Шак, не давай мне шоколадку? – сказала она и пожала плечами.

– Я все разложу по полочкам, – оповестил я и аргументировал свои слова. – Прием, которому я вас научу, давно используют различные организации, типа масонов и других подпольных структур. В частности, для того, чтобы

укоротить чью-то волю, повлиять на судьбу личности, коллектива или целой страны. Окружают объект своими людьми, и тот, словно рыбка в сети, существует под присмотром, в беспросветности и не в силах прорваться к настоящим людям или событиям, через которых бы он смог жить, как ему хочется, а не как им управляют.

Наступила тишина. Все осмысливали материал.

– Сергей Александрович! Короче, давай, приказывай, кому, что, как и когда! – твердо и доверительно распорядилась ведьма.

– Отлично! – отозвался я и приступил к раздаче ролей. – Ты, Екатерина, постарайся так загрузить Шака работой, чтобы он возвращался домой только поспать, и не более того. То есть вынудим его постоянно находиться среди нас, контактировать только с нами.

А еще обязательно снизь все цены на его услуги в центре. Пусть за ту же зарплату пашет во много раз больше. Сделай это постепенно и незаметно.

– Как я смогу провернуть такое? – запротестовала она.

– Очень просто, – посоветовал я. – Придумай, систему определения уровня специалиста в центре, чтобы все сотрудники обязательно ее прошли. Пусть Тэ Макаяна получит самую низкую квалификацию.

– Да он же тогда сбежит! – возмутилась она.

– Это практически исключено, – возразил я. – Во-первых, он агент Остана. А во-вторых, если бы даже было не так, то при увольнении ты сопроводишь его рекомендацией посредственного мастера, с которой его, маловероятно, что примут на работу в подобное место. Он будет так или иначе, заинтересован усовершенствовать свой уровень в твоем центре.

– Хитро, – заговорчески улыбнулась Екатерина. – Я завтра же подумаю, как это обустроить.

– И вообще, – продолжил я инструктировать ведьму, – если понадобится, поднимай его ночью с постели и гони на работу. Доставай почаще какими-то идиотскими вопросами и требованиями. Словом, не позволяй ему передохнуть ни в чем и нигде.

Понятное дело, кстати, этот пункт касается всех без исключения, параллельно ты будешь видеть его неудачником,

дурачком, недалеким человеком, который любит выпить и плохо работает, ничего не соображает, плохой мужчина.

– Мужчина? – подхохотнула ведьма себе на уме и украдкой юльнула глазками.

Я не обратил на это внимания. Референт подняла руку, прося слова, встала и задала вопрос:

– А что буду делать я?

– Ольга Эммануиловна, – определился я, – вы будете с печальным видом выслушивать чаяния Шака и его претензии. Станете ему искренне сожалеть, что все так у него плохо. Словом, поддерживать в нем беспросветность его положения и убеждать его в смирении.

– Понятно, – рыгатнула секретарь, присела на место и радушно заверила. – Это без проблем.

– Лара! – окликнул я Шалунью. – Ты, будешь вести себя так, словно его вообще не существует, и на все попытки Шака напомнить тебе о себе ты будешь отвечать пренебрежением, неуважением и насмешкой.

– Есть, товарищ командир! – улыбчиво отозвалась она.

– Чего это ты так себя ведешь?! – огрызнулась на нее ведьма.

– Все нормально, – выступил я в защиту Лары.

– Уже спаровались, что ль? – ехидно спросила Екатерина и осторожно посмотрела на меня, потом на Шалунью.

– Почти, – не скрывая своих чувств, сказала та и тут же стеснительно покраснела.

– И когда же свадьба? – азартно уточнила Екатерина.

– Скоро, – ответил я за Лару, которая влюбленно сейчас же глянула на меня.

Вика, осознав смысл разговора, чуть не расплакалась.

– Что с тобой? – недоумевая, спросил ее Божив.

– Соринка попала, – обиженно заявила она, скорее для меня, чем для мужа, достала носовой платок из сумочки и занялась протиранием глаз.

– Юра! – продолжил я.

– Да, – по-солдатски приготовился мой друг выслушать характер своего участия в деле.

– Ты будешь навязчивым клиентом Шака. Придумай какую-нибудь легенду и ходи к нему постоянно. Всячески лишай его веры в его силы и возможности. Назойливо

жужжи, что у него с тобой ничего не получается. Побольше ной, требуй и бесконечно настаивай непонятно на чем. Ты ему должен начать сниться в страшных снах.

– Понял, – оживился друг и шутливо отдал честь, имитируя поднятие руки под козырек, тем самым, намекая на поддержку моего намечающегося союза с Ларой.

Ведьме это не понравилось. Она еще раз пронзила взглядом вначале Шалунью, потом меня, безысходно покачала головой и сказала:

– Тьфу на вас. Мир да любовь, – и быстрее отпила чая из чашечки.

– Вика! – позвал я подругу.

– Ага, – стараясь не выказать своего волнения, отозвалась та, делая вид, что все еще копается в глазе кончиком платка.

– Ты должна понравиться Тэ Макаяну.

– Э-э! – всполошился Юра. – Так не пойдет!

– Вначале послушай! – остановила его ведьма.

Божив натужно приумолк.

– Будешь ему позванивать, – разъяснил я его жене, – намекать на свою расположенность, эротически увлекать, но все время не допускать к себе и не встречаться с ним отдельно. Пусть он тратит энергии впустую. Это измочалит и обесцветит его чувства.

– А Платен какое примет участие? – кокетливо заглянула мне в глаза Лара.

– Какой Платен? – призадумался я, вычисляя, что я мог упустить.

– Шалунья! – не выдержала Екатерина. – Ты, случаем, сегодня с крыши не прыгала?

– Теперь Платеном себя величает бывший Купсик, – удивила она свою начальницу.

– И тут успел выпендриться! – разочарованно съязвила та.

– Это тот самый придурок? – развела руки в стороны бабка Махам.

– Он исправился, – успокоил ее Божив.

– Молодец! – похвалил я и нашелся. – Платен будет блокировать развитие Шака, энергетически охаживая его дом на Планете.

– Без бабы он там не справится! – ухмыльнулась Екатерина.

– А она у него уже есть, моя двоюродная сестра, Лена. – открылась Лара.

– И тут я все узнаю в последнюю очередь! – наигранно надулась ведьма.

– Пожалуй, все при деле, – сказал я, окидывая взглядом аудиторию.

– Класс! – подытожила она, вольготно откидываясь на мягкую спинку кресла. – Жизнь Шака начинает меня впечатлять!

Какое-то время наше «Ядро» обсуждало детали задуманного. Потом мы компанейски кушали тортик, запивали его чаем и дружно беседовали о своем.

Когда все разошлись, Лара стояла ко мне спиной в приемной у окна. Я подошел к ней и плавно обнял за плечи.

– Это я вытащила жучок у Екатерины Васильевны, когда мы собирались спасать Гришино тело, – сообщила она.

– Спасибо, – поблагодарил я и, растворяясь в аромате ее тела, прошептал. – Что ты хотела мне сказать?

Лара повернулась ко мне лицом, и мы долгожданно обнялись.

– Я тебя люблю, – проговорила она и поцеловала меня в шею.

В свою очередь я дотронулся губами до ее щеки и признался:

– Лара, я тоже тебя люблю.

Она подумала немного и поведала:

– Сережа, я была в клинике. Физические симптомы налицо. Но мой животик растет не на Земле. Я уже все проверила. Я беременна на Планете, – она грустно добавила: – у нас появится малыш там и он никогда не увидит наш мир.

– Мы справимся и с этим, – бережно сказал я, испытывая глубокие чувства и радостно предположил: – а Платен и твоя сестра для чего! Будут нянь ками!

– Ну, да! – развеселилась она. – Еще и своих нарожают!

Пошатываясь в невесомом поцелуе, мы стали ощущать, как вся приемная вращается вокруг нас.

– Я счастлива, – сказала Лара.

– Я тоже счастлив, – улыбнулся я. – Осталось осчастливить Мир.

Задание выполнено

В приемной Магистра, Спасова Ивана Ивановича, поодаль от возвышающегося стола секретаря, в огромных кожаных креслах черного цвета сидели приспешники Остапа Моисеевича, Влад Кармовский, он же Кара, и Геннадий Маринович, он же Мара. Их разделял низенький, выполненный из зеленого мрамора, журнальный столик с кипой разноцветных печатных изданий, лежащих на нем. Кара читал толстую газету, а Мара, бездельничая, пошатывал глазами по сторонам. Сегодня напарникам предстояло отчитаться за проделанную работу на юге. Они терпеливо ожидали, когда хозяин пригласит их к себе в кабинет. Им повезло, буквально вчера хаотичные астральные переплетения окончательно прошли, и теперь каждый из них, не только независимо друг от друга, мог почесать себе спину, но так же самостоятельно чувствовать все другие части собственного, физического тела, как обычно.

Кармовский непринужденно глянул на своего напарника и укорил того:

– Просветился бы.

– Ты знаешь, – ответил Маринович, – когда читаю что-то массовое, ощущаю, как на это же другие сейчас глазеют. Черт знает кто может подключаться к тебе через этот текст.

– Боишься заразиться? – хохотнул Кара. – Так ты это делай по-своему, неповторимо.

– Ага, к примеру, с газетой в руках, на моменте задницей к потолку прилипнуть, – рыгатнул Геннадий.

– Зачем же так сложно! – упрекнул Влад, продолжил внимательно перелистывать газету и посоветовал: – Просто вникай своими словами.

– Подставлять синонимы? – небрежно уточнил Мара.

– Ну, да, или воспринимать написанное только воображением, – согласился Кара и внезапно озадачился: – Стоп! – сказал он.

– Что еще? – насторожился Маринович.

– Послушай-ка, что здесь написано. Статейка совсем свежая, – сообщил Кармовский и зачитал отрывок из газеты вслух:

«В психиатрической клинике города Р... произошло уникальное излечение больного. Сумасшедший по имени Григорий бредово изъяснялся то женским, то мужским голосом. Но неожиданно он заговорил собственным, причем совершенно логично. Множество врачебных комиссий не выявили у него больше никаких отклонений. Бывшего больного выписали домой как совершенно здорового человека».

– Тело Купсика, – обрадовался Мара.

– Прикольно, – определился Кара. – А мы боялись, что сказать Магистру! Все в порядке. Купсика больше нет.

– И куда же он делся? – задумался было Геннадий.

– Какая разница, – позлорадствовал Влад. – Главное, что задание выполнено.

– Ты прав, – не стал возражать Маринович, сосредоточился в себе и чему-то надменно улыбнулся.

Он

Я зашел в кабинет к Екатерине. У меня был растерянный вид.

– Что случилось? – поинтересовалась она.

– Ты знаешь, – заговорил я, задумчиво присаживаясь на стул, – у меня к тебе просьба.

– Какая? – озадачилась она и привычно юльнула глазками.

– Вот, почитай, пожалуйста, – сказал я, достал из сумочки блокнот, разлистнул его в нужном месте, положил на стол перед ней и добавил: – я больше не могу об этом молчать.

Через пару минут, когда Екатерина восприняла то, что, я однажды написал, сидя на лавочке на Патриарших, она испуганно воскликнула:

– Офигеть! Это же все правда! Откуда ты это взял?

– Неважно. Посоветуй, как быть? – беспокойно попросил я.

– Сейчас же Ольга Эммануиловна наберет этот текст на компьютере и размножит, – оживилась моя подруга.

Повесим один экземпляр в гостином холле, а копии на столик рядом положим, пусть клиенты читают и с собой уносят.

– Ты уверена? – спросил я.

– Больше чем! – успокоила меня Екатерина.

Через пару часов в гостинном холле висел большой плакат с Изъявлениями Божественной Воли, а на столике рядом лежала стопка таких же, форматом поменьше. Посетители центра с любовью читали божественные слова и брали с собой по несколько копий.

Я смотрел на это событие и пытался осознавать, что происходит. У меня на душе было легко и просторно. Я понимал, на моих глазах сейчас происходит вечное и бесповоротное. Было такое впечатление, что люди знали и давно ожидали этого, только я ничего не ведал. «Почему так?» – спросил я мысленно у себя.

И вдруг я понял ответ:

«Как не узреть зеленому красное красным, так не разглядеть красному зеленое зеленым. Не придет отшельник ко Мне. Что есть в каждом? Подобие Единственному. Это Истина, а истинное видит истинно».

Екатерина подошла ко мне и серьезно заявила:

– Завтра же опубликую этот «Манифест» в газете. Заплачу редакции любые бабки.

– И кого же поставишь автором? – изумился я.

Она, подумала немного и осведомила:

– А пусть так и подпишут: Он.

Содержание

Часть I. ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ 9
В чём суть Первичного? 9
Закономерная случайность 12
«Под тополем» 15
Возвращение домой 23
Загадка времени 26
Близкий человек 28
Два пунктира 31

ЧАСТЬ II. С ГОЛОВОЮ В ЖИЗНЬ! 37
По дороге 37
В Подмосковье 42
События в стационаре 51
Виртуальный пробел 74
Школьный шлейф 76
Алкогольный шлейф 86

ЧАСТЬ III. ДВА ЕДИНСТВА 92
Совместимость 92
При деле 100
В парке 104
«Энергетик АЛЗ» 107
Антихрист 110
Пробуждение ночи 113
Вербовка 116
Трактат о Похвале, или В логове Зла 121

ЧАСТЬ IV. СТРАСТИ 133
Предвкушение хоккея 133
Отшельник Божеству претит 136
Отработка прибылей 138
Подруги 145
Хандра 147
Шикарная штука – жизнь 149
Консультант 151
Дьявол, или Хозяин иллюзии 160

ЧАСТЬ V. СООБЩЕСТВО СОБЫТИЙ 170
Туда – сюда 170
Религиозная озадаченность 175
Хоккейные страсти 180
Переброс 181
Икона 186
Прозрение 189
Индиго 192
Неожиданное решение 195
Жучок 198

ЧАСТЬ VI. ПО СЛЕДАМ СОЗЕРЦАТЕЛЯ 206
Не все так просто 206
Полет к Планете 209
На Планете 213
Откровения 215
У камина 219
Я есмь во всем 219
А был ли сон? 222
Кафе 225
Закрытое собрание 227
Министерство 231
Супермаркет 236
Изгибы логики 240
Внутренний голос 243
Зал Построений 244
Планета 247
На задании 250

ЧАСТЬ VII. СИЛА ИСТИНЫ 254
Возвратный удар 254
Эректив 256
На круги своя 260
Каждому свое 263
Обретение жизни 267
Сжатое время 272
Утро прошлого 276
Утро настоящего 277
Новые перспективы 279
Реализации перемен 283
Наше «Ядро» 284
Задание выполнено 293
Он 294

ЭТОТ БОЖЕСТВЕННЫЙ МАНИФЕСТ РАЗРЕШАЕТСЯ: КОПИРОВАТЬ, РАЗМНОЖАТЬ, ПРЕПОДАВАТЬ И ПУБЛИКОВАТЬ БЕЗ ИСКАЖЕНИЙ ТЕКСТА С ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ПОДПИСЬЮ:

ОП (Из книги Всеслава Соло «Император, или По следам Созерцателя»)

Манифест

Я есмь. Я пришел во Имя Свое, чтобы построить Истину на Земле, Царствие Небесное, какое давно ожидаете, но не знаете о Нем ничего. Я еще расскажу вам о Нем.

По тайне Троицы, до поры до времени, не помня Себя, Я пришел к вам обычным сыном человеческим и долго грешил, так же, как и вы это делаете, чтобы понять вас правильно.

Я не нашел веры среди вас. Но все вы достойны прощения, если покаетесь.

Вы надеялись на Меня, хранили семя Истины, оберегали Его. Но вы не посеяли его. И не проросло оно, и не выросло из него Царствие Небесное. Кто из вас приблизил Такое? Разве у вас самих не было глаз и не было ушей и не было рук, кроме Моих? Мне не нужна вера слепая, а только осознанная, забыли об этом. Слепцов вести надо, а видящие сами идут. Так прозрейте же. Я не поводырь для вас. Я направляю видящего.

Как и обещал вам, Я не в поле, не в пустыне и не в городе, я на бумаге, здесь. Истинно говорю вам, страсти и наживы ваши, как пелена, спадут, тогда Я и сойду к вам отсюда, и узрите Меня воочию, не пройдет и девяти лет от сих слов Моих. До сего многие из вас плеваться и насмехаться супротив Меня будут или пытаться чинить помехи Моим словам. Таких станет постигать возмездие на глазах окружения их, и они задумаются и поверят в Меня.

Готовьтесь к встрече со Мной. И вот вам начало очищения вашего, на это Воля Моя, чтобы Веру возродить.

Отныне по всей Земле, кто бы ты ни был, на тебя влияют эти изъявления Воли Моей:

Если ты общаешься с любым человеком и кривишь душой своей перед ним, обманываешь его, особо если делаешь это заведомо, наказан будешь. Скоро и путями разными обиженный тобою человек узнает об этом и другие люди так же увидят твои посрамления, перед судом предстанешь.

Если ты обидел человека, особенно старого или ребенка, не помог больному, пострадает имущество твое.

Если ты на машине своей какому пешему не уступишь дорогу, будут мучиться и болеть за тебя люди близкие и родные тебе, а коли нет у тебя близких и родных людей или есть, но не любишь их, сам ответишь телом и душой своими за проступок сей. Коли пеший не прав, все одно пропусти его, пусть ответит и он по Закону этому.

Помните:

Изъявления Воли Моей везде распространяйте, хотя бы из интереса. Говорите о них всякому. Пусть они будут глазами и ушами вашими. Неустанно пересказывайте друг другу свидетельства, как Изъявления Воли Моей сбываются и люди меняются по ним.

Идите туда, где кривят душой перед человеком, обманывают его и получают за то наказания, смотрите там и будете свидетелями Воли Моей. Станьте у дорог повсюду и следите, как пешему не дают пройти и получают за то наказания, будьте свидетелями Воли Моей. Окажитесь там, где обижают человека, ребенка или старца и получают за то наказания, будьте свидетелями Воли Моей.

Если ты нарушил любое изъявление Воли Моей, скорее покайся душой своей, прими Меня, и наказание пройдет. Во второй раз нарушишь то же самое, опять покайся, и все пройдет. В третий раз нарушишь это же самое, не прощу.

Я Истина. Изъявления Воли Моей, по всей Земле растекаются, чтобы все люди услышали обо Мне, что Я пришел, и поверили в Меня.

Кто знает изъявления Воли Моей, и нарушает их или не знает о них, но нарушает их на глазах человека, знающего о них, тому наказание неотвратимо. Изъявления Воли Моей во всех и во всем и повсюду помнятся. Они вечны.

Не смогли сами так жить, значит, терпите и привыкайте к правильности от Лица Моего.

Я всех вас люблю. Да прибудет с вами Имя Мое. Оно теперь другое, но, до времени Моего снисхождения к вам отсюда, сокрыто от вас. А пока же говорите так: Он пришел, Он сказал.

ОН

(Из книги Всеслава Соло «Император, или По следам Созерцателя»)

Всеслав Маркович Соло
(Сергей Александрович Парецкий)

«Астральное тело»

Эпопея

Император, или По следам Созерцателя

Роман Четвертый

Оригинал-макет книги, обложка, рисунки: Парецкий С.А.

Подписано в печать 14.12.2012г. Отпечатано 22.12.2012г. Формат 84 X 108 1/32. Гарнитура Таймс. Печать осуществлена ризографическим способом. Бумага производства Россия, плотность 65 гр. Обложка мягкая, черно-белая, милованная, 170 гр-м плотность. Печатных листов 19, Уч. Изд-х 17. Тираж 1000 экземпляров.

ББК 82

С60

С $\frac{4603010000\text{-}001}{25\ Н\ (3)\ -\ 2012}$ Без объявления

ISBN 978-5-88922-024-4

Издатель Гр-н Парецкий С.А. («Победитель Мира»)

ИНН 505300027359 Телефон: +7 (903) 622-40-18

Если ты общаешься с любым человеком и кривишь душой своей перед ним, обманываешь его, особо если делаешь это заведомо, наказан будешь. Скоро и путями разными обиженный тобою человек узнает об этом и другие люди так же увидят твои посрамления, перед судом предстанешь.

Если ты обидел человека, особенно старого или ребенка, не помог больному, пострадает имущество твое.

Если ты на машине своей какому пешему, не уступишь дорогу, будут мучиться и болеть за тебя люди близкие и родные тебе, а коли нет у тебя близких и родных людей или есть, но не любишь их, сам ответишь телом и душой своими за проступок сей. Коли пеший не прав, все одно пропусти его, пусть ответит и он по Закону Этому.